

Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал) Выходит 4 раза в год	Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ЖУРНАЛИСТИКА	12+ ISSN 2306-8450 Выпуск 3 (11) 2019
--	--	--

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Бергман Э. А.</i> Электронная библиотека Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук: история, возможности и перспективы	
<i>Bergman E. A.</i> THE ELECTRONIC LIBRARY OF THE KOMI SCIENCE CENTRE URAL BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: HISTORY, OPPORTUNITIES AND PROSPECTS	3
<i>Бруцкая Л. А.</i> Купеческий драйв И. С. Лапина (1740–1820)	
<i>Brutskaya L. A.</i> MERCHANT DRIVE I. S. LAPIN	10
<i>Тубылевич Р. Е.</i> Древнерусское историческое повествование как источник исторических романов 40–60-х гг. XX в. (С.П. Бородин «Дмитрий Донской», В. Г. Ян «Батый», М. А. Рапов «Зори над Русью, М.Д. Каратеев «Богатыри проснулись»)	
<i>Tubylevich R. E.</i> OLD RUSSIAN HISTORICAL NARRATIVE AS A SOURCE OF HISTORICAL NOVELS 40–60-S. XX CENTURY. (S. P. BORODIN “DMITRY DONSKOY”, V. G. YAN “BATY”, M. A. RAPOV «DAWN OVER RUSSIA, M. D. KARATEEV “HEROES WOKE UP”»)	25
<i>Шишкина Л. И.</i> Леонид Андреев и «Русская воля». Ч. 2	
<i>Shishkina L. I.</i> LEONID ANDREEV AND «RUSSIAN WILL»	43

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ, МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

Памяти Таисии Яковлевны Гринфельд-Зингурс MEMORY OF TAISIA YAKOVLEVNA GREENFIELD-SINGURS	68
<i>Кожуховская Н.В., Власов А.Н.</i> Жизненный путь Т.Я. Гринфельд-Зингурс	69
<i>Шишкина Л.И.</i> О Таисии Яковлевне Гринфельд-Зингурс	71
<i>Волкова Т.Ф.</i> Человек, с которым можно было дружить	74
Таисия Яковлевна Гринфельд-Зингурс: материалы к библиографии / подгот. Н. В. Кожуховской, Т. С. Каневой	79
<i>Бровкина Т. В.</i> Список новой краткой редакции «Повести о происхождении табака»	
<i>Brovkina T. V.</i> THE LIST OF THE NEW BRIEF VERSION OF «THE NOVEL ON THE ORIGIN OF TOBACCO»	86
<i>Мелихов М. В.</i> Рукописные сборники С. А. Носова: описание сборника № 12	
<i>Melichov M.V.</i> Hand-written collections of S. A. Nosov: description collection № 12	92
<i>Павлов А. А.</i> Секст Помпей Фест. О значении слов (De verborum significatu). Избранные глоссы	
<i>Pavlov A. A.</i> ON THE MEANING OF WORDS. SELECTED GLOSS	101
<i>Рыжова Е. А.</i> Поморский список Пространной редакции Сказания о Вассиане и Ионе Пертоминских	
<i>Ryzhova E. A.</i> POMORS LIST OF THE EXTENSIVE EDITION OF THE TALE OF VASSIAN AND IONA PERTOMINSKY	126
<i>Информация об авторах</i>	150

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар:
Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. Выпуск 3 (11). 150 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Заместитель главного редактора:

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Редакционная коллегия:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры
русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина;

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина;

Ю. Н. Ильина, канд. филол. наук, доцент кафедры
русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина.

Адрес редакции Вестника Сыктывкарского университета

167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
тел. 8 (8212) 390-397

Редактор Л. Н. Руденко
Верстка и техническое редактирование А. А. Ергаковой
Корректор Е. М. Насирова
Выпускающий редактор Л. В. Гудырева

Подписано в печать 26.11.2019. Дата выхода в свет 06.12.2019.

Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Формат 70x108/16.

Усл. п. л. 17,4. Уч.-изд. л. 10,5.

Заказ № 166. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 026.066004.9

ББК 78.34:32.973

Э. А. Бергман

E. A. Bergman

ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: ИСТОРИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

THE ELECTRONIC LIBRARY OF THE KOMI SCIENCE CENTRE URAL BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: HISTORY, OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

В статье освещается опыт работы Научной библиотеки Коми научного центра УрО РАН по созданию электронной библиотеки, формированию цифровой краеведческой коллекции «Зырянский край» на основе фонда редких изданий, рассматриваются принципы отбора изданий для сканирования и технологические аспекты оцифровки библиотечного фонда, возможности читателей при работе с полнотекстовыми источниками, перспективы развития электронной библиотеки.

Ключевые слова: *электронные библиотеки, оцифровка, фонд редких изданий, электронные коллекции, научная библиотека Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.*

The article highlights the experience of the Scientific library Komi Science Center Ural Branch of Russian Academy of Sciences to create a digital library, the formation of a digital local history collection «Zyriansky edge» on the basis of the fund of rare editions, discussed the principles of media selection for scanning and technological aspects of the library fund digitization, readers of opportunities when working with full text sources and prospects of development of the electronic library.

Keywords: *digital libraries, digitizing, rare editions fund, digital collections, scientific library of Komi Science Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.*

Общепризнанно, что сегодня одним из наиболее перспективных способов информационного обеспечения науки, культуры и образования является использование электронных библиотек, предоставляющих доступ к полнотекстовым ресурсам. Само словосочетание «электронная библиотека» относительно новое и еще не имеет общепринятого научного толкования. Библиотечная энциклопедия дает следующее определение электронной библиотеки: «Электронная библиотека, цифровая библиотека – вид автоматизированной информационной системы, в которой полнотекстовые и мультимедийные документы хранятся и могут использоваться в машиночитаемой (электронной) форме, причем программными средствами обеспечивается единый интерфейс доступа из одной точки к электронным документам, содержащим тексты и изображения» [2, с. 1186].

Российские библиотеки начали формирование цифровых коллекций на рубеже 2004–2005 гг. В настоящее время слово оцифровка достаточно прочно вошло в библиотечный мир. Оцифровка документов обеспечивает упорядоченную организацию, сортировку и поиск информации в коллекциях, а также долгосрочное хранение информации в цифровом формате [4, с. 40]. Работой по формированию полнотекстовых собраний занимаются библиотеки всех типов: федеральные, центральные отраслевые, республиканские, краевые и областные универсальные, вузовские и даже муниципальные [5, с. 16]. Организация оцифровки фондов библиотек, создание цифровых коллекций, отражающих как национальную самобытность отдельных регионов, так и все разнообразие мирового научного и культурного опыта, являются сегодня главными направлениями сохранения документального национального достояния.

За долгие годы существования Научной библиотеки Коми Научного центра Уральского отделения Российской Академии наук (далее – НБ Коми НЦ УрО РАН) сформировалось ценнейшее собрание отечественной и иностранной литературы по естественным, гуманитарным и техническим наукам, объем которого составляет около 490 тысяч экземпляров.

Особая часть собрания НБ Коми НЦ УрО РАН – фонд редких изданий. Работа по выявлению изданий редкого фонда началась в 1998 г. с выделения в особое хранение части книг XVIII – начала XIX века, в основном литературы краеведческого характера. В 2009–2010 гг. библиотеке были выделены дополнительные помещения для хранения редких и ценных изданий. Одновременно с ведением работ по выявлению редких изданий началось формирование электронной библиографической базы данных «Редкие издания». На сегодня фонд насчитывает 3554 экземпляра изданий. Нужно отметить, что в связи с недостаточностью площадей в первую очередь отбираются из-

дания наиболее раннего периода, краеведческие, а также книги, хранящиеся в неблагоприятных условиях.

Сегодня хронологические границы редкого фонда, включающего книги, брошюры и периодические издания, – XVIII – первая половина XX в. Многие издания – библиографическая редкость, на некоторых из них есть автографы ученых, видных общественных деятелей, их экслибрисы, штампы.

Научная библиотека Коми научного центра УрО РАН приступила к созданию электронной библиотеки в 2013 году, получив грант Региональной целевой программы УрО РАН «Развитие вычислительных, телекоммуникационных и информационных ресурсов» (РЦП УрО РАН) на реализацию проекта «Электронная библиотека Коми НЦ УрО РАН». Цель проекта – совершенствование обслуживания читателей, обеспечение дополнительных возможностей для научно-исследовательской работы путем введения в научный оборот уникальных краеведческих документов, содержащих информацию о Коми крае по разным областям знания, сохранение документного наследия региона как части культурного достояния России. В цифровой формат было решено переводить наиболее востребованные редкие издания, а также экземпляры, сохранность которых находится под угрозой. Повышенный интерес к этим изданиям и высокая степень их использования учеными Коми научного центра приводят к быстрому физическому износу этих исторических документов.

Все это в совокупности определило важность поставленной задачи – создание фонда таких документов на цифровых носителях.

На первом этапе проекта было проведено исследование фонда библиотеки и отбор книг для оцифровки. Отбор изданий для сканирования определяется следующими критериями:

- ценность документа – в первую очередь сканируются наиболее ценные документы;
- сохранность документа – прежде всего сканируются ветхие документы в неудовлетворительном физическом состоянии с угрозой утраты подлинника;
- угроза утраты информации – угасание текста;
- актуальность документа в исследовательских и образовательных целях.

Далее было составлено полное библиографическое описание и аннотации на отобранные издания. Затем отобранные книги и статьи сканировались, осуществлялась техническая обработка выполненных копий (обрезка, выравнивание и проч.), создавались цифровые копии в формате PDF.

Одна из ключевых характеристик электронных коллекций – формат представленных в них текстовых документов. Чтобы повысить комфорт

при переходе от бумажных книг к электронным, было принято решение о применении специализированной программы для визуального просмотра с использованием flash-технологии. Flash-формат предусматривает возможность создания оригинального дизайна электронной публикации, масштабирование изображений, ввод оглавления, защиту изображений от копирования.

Читатель может привычно перелистывать страницы электронной книги, так же как он это делает с бумажной, имеется возможность быстрой навигации по оглавлению, управления масштабом изображения.

Важнейшим этапом работы было создание поискового аппарата электронной библиотеки. В нашем случае была создана система поиска, которая осуществляется по автору, заглавию и ключевым словам. Был сформирован авторский указатель, из которого также можно перейти на книгу, написанную конкретным автором. Поиск можно осуществлять и в электронной библиографической базе библиотеки «Редкие издания», где библиографические записи связаны с полным текстом. Для этого были установлены гиперссылки от библиографической записи книги в электронном каталоге к ее полному тексту в электронной библиотеке. В случае доступности электронного документа в его описании имеется активная ссылка красного цвета «читать полный текст книги», нажимая на которую, читатель переходит на данное издание электронной библиотеки.



Рис.1. Возможности просмотра книги в Электронной библиотеке Коми НЦ УрО РАН

Итогом первого этапа проекта стало создание сайта «Электронная библиотека Коми НЦ УрО РАН» (elib.komisc.ru), на котором были размещены 26 электронных копий документов коллекции «Зырянский край», представлены библиографические описания и аннотации к оцифрованным изданиям. Созданная информационная система позволяет производить, надежно сохранять и эффективно использовать полнотекстовые электронные документы, обеспечивая научным сотрудникам возможность свободного доступа в удаленном и локальном сетевом режиме к необходимым информационным ресурсам.

В 2014 г. на продолжение работы по созданию электронной библиотеки был получен грант РЦП УрО РАН. К этому времени по заявке библиотеки был приобретен бесконтактный книжный сканер ЭларПланСкан А2В. D13. Это значительно повысило эффективность процесса оцифровки: увеличилась скорость сканирования, улучшилось качество графических образов, при этом благодаря бесконтактной технологии обеспечивалось бережное сканирование книг, а наличие книжной колыбели гарантировало сохранность переплета издания. Для обработки результатов сканирования использовался графический редактор Photoshop.

В течение 2014 г. коллекция редких изданий пополнилась 49 новыми наименованиями оцифрованных источников общим объемом 3,2 Gb. Поскольку у библиотеки в штате нет специального отдела, занимающегося оцифровкой документов фонда, данную работу в рамках гранта выполняли три специалиста: два сотрудника библиотеки и один специалист отдела компьютерного сопровождения Коми НЦ УрО РАН.

Национально-краеведческая коллекция «Зырянский край» содержит лишь те книги, оцифровка которых не нарушает авторских прав, т.е. документы, отнесенные к общественному достоянию [1]. Документы, загружаемые на сервер, становятся доступными для пользователей сразу же после их загрузки. Наряду с созданием общедоступной цифровой библиотеки создается страховой фонд цифровых копий документов на оптических дисках.

В результате создания цифровой коллекции «Зырянский край» сократилось использование читателями оригиналов документов, что способствует обеспечению их сохранности для настоящих и будущих поколений. В то же время созданы условия для полноценного доступа в режиме on-line к ценным документам научной, источниковедческой, культурной и исторической значимости широкому кругу ученых, исследователей, краеведов и всех интересующихся историей Коми края. Научная библиотека Коми научного центра активно пополняет свою коллекцию. К настоящему времени в цифровом виде представлено 140 документов.

На ближайшую перспективу перед библиотекой стоит задача приобретения специального сканера для пленочных документов, необходимого для перевода в цифровой формат уникальных краеведческих документов, полученных, как свидетельствуют архивные данные, в виде микрофильмов в 70-е годы из Российской национальной библиотеки и других библиотек страны по заявкам ученых [3]. В основе формирования любой цифровой коллекции два главенствующих аспекта: ее необходимость и доступность. На сайте нашей электронной библиотеки установлен счетчик, который позволяет отслеживать число посетителей, количество просмотренных страниц, среднее время, проведенное в электронной библиотеке и проч. На основании этих данных библиотека имеет возможность делать выводы о качестве предоставляемой информации и услуг, совершенствовать процесс развития информационных ресурсов. Анализ статистики обращений пользователей к электронным документам коллекции «Зырянский край» показывает устойчивый интерес к данному ресурсу. Конечно, наша коллекция по уровню востребованности не может конкурировать с зарубежными полнотекстовыми и реферативными базами данных, к которым библиотека обеспечивает доступ, но сам факт обращения к ней подтверждает правильность выбранного решения.

Формирование электронной библиотеки и предоставление доступа к ней является важным направлением деятельности Научной библиотеки Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Поэтому НБ Коми НЦ УрО РАН продолжит работу по расширению и пополнению своей коллекции «Зырянский край» на основе выявления в составе общего фонда новых изданий о нашем крае и пополнения списка источников для оцифровки, а также оцифровки изданий, имеющих в виде микрофильмов. В перспективе планируется создать новую коллекцию «Труды ученых Коми НЦ УрО РАН».

Электронная библиотека Коми НЦ УрО РАН открывает широкие перспективы для сотрудничества. В январе 2016 г. было заключено соглашение с Национальной библиотекой Республики Коми о совместном формировании Национальной электронной библиотеки Республики Коми (НЭБ РК), оцифровке краеведческих документов, содержащих информацию о Республике Коми в ее исторических и современных границах. Научная библиотека Коми научного центра УрО РАН активно участвует в создании общедоступного электронного информационного ресурса. НЭБ РК войдет в качестве региональной коллекции в Президентскую библиотеку им. Б.Н. Ельцина. Кроме того, от Российской государственной библиотеки - оператора

Национальной электронной библиотеки РФ – поступило предложение принять участие в проекте развития НЭБ.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс] от 18.12.2016 № 230-ФЗ // СПС «Консультант-плюс» (дата обращения: 11.09.2019).

2. Библиотечная энциклопедия / Рос. гос. б-ка. [редкол.: гл. ред. Ю.А. Гриханов, науч. ред.-сост.: Е.И. Ратникова, Л.Н. Уланова и др.]. М.: Пашков дом, 2007. 1300 с.

3. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1013. Л. 17; Д. 1146. Л. 16.

4. Рафикова С.К. Оцифровка фондов: возможности и перспективы для библиотек Кыргызстана // Научные и технические библиотеки. М., 2011. № 11. С. 40–49.

5. Степанов В.К. Формирование полнотекстовых коллекций в Интернете: опыт библиотек России // Научные и технические библиотеки. М., 2010. № 2. С. 15–21.

КУПЕЧЕСКИЙ ДРАЙВ И. С. ЛАПИНА (1740–1820 гг.)

MERCHANT DRIVE I. S. LAPIN

В статье исследуется жизнь и деятельность соликамского купца, именитого человека Ивана Савича Лапина. На основе большого историографического материала описываются инвестиции соликамского купца в добычу пушнины на Алеутских островах, его широкая и разнообразная деловая активность на основе архивного комплекса, впервые вводимого в научный оборот. Показаны деловые связи, городские службы и семейные отношения.

Ключевые слова: купец, капитал, пушнина, деловая активность, Алеутские острова, г. Соликамск, российская торговля, казённые поставки, городские службы, семья.

The article examines the life and work of Solikamsk merchant, eminent man Ivan Savich Lapin. On the basis of a large historiographical material, the investments of the Solikamsk merchant in the production of furs on the Aleutian Islands, his wide and diverse business activity on the basis of the archival complex, which was first introduced into scientific circulation, are described. Business connections, city services and family relations are shown.

Keywords: merchant, capital, fur, business activity, Aleutian Islands, Solikamsk, Russian trade, government supplies, city services, family

Купец Иван Савич Лапин (1740–1820) начал и закончил свою жизнь в г. Соликамске в полном соответствии с поговоркой: где родился – там и пригодился. Но его деловая активность не ограничилась этим городом. По купеческой надобности он побывал во многих местах Российской империи: от Санкт-Петербурга до Охотска. Вписался в европейско-азиатский торговый тренд своего времени. Е. Марасинова указывает, что понятие «купец» проанализировано в историографии в контексте социально-политической лексики [23, с. 15].

В данной статье исследуется его жизнь и «купецкое счастье»; самосозидательность и самотрансформируемость человеческой природы в контексте исторического времени, в сложных реальных взаимодействиях с другими людьми. Поэтому основным методом исследования является биографический – в локальной парадигме истории повседневности, где частная жизнь

рассматривается как живая система, которая «активно создаёт конкретный мир, всегда обусловленный её уникальной организацией» [2, с. 12]. Этот мир находится в фундаментальной зависимости «от любых сложных объектов (в том числе живых), от разнообразия внешних воздействий» [2, с. 11] и особенностей исторического времени.

Купеческая деятельность И. С. Лапина была широка и разнообразна. Многочисленные архивные материалы из Государственного архива Пермского края (далее – ГАПК) и некоторые документы Кунгурского государственного архива (далее – КГА) о Лапине представлены в приложении, расположенном в конце статьи. Характеристика видов документального комплекса приводилась ранее [11, с. 87]. Ради экономии площади таблицы, её читабельности и более наглядного представления архивного комплекса опускается полное название шифров: приводится только цифровое, опускаются буквенные обозначения – фонд, описание, дело. Последние прописываются в тексте статьи. В столбце «даты» фиксируется численное описание: день, месяц, год поступления документов в соответствующие учреждения. В столбце «шифры» указываются делопроизводственные номера и листы (иногда один из них может быть пропущен). Чтобы облегчить работу с информацией будущим исследователям (дела по большей части объёмные до 800 листов в двойку), в статье приводятся ссылки на порядковые номера приложения.

В него не вошли документы, относящиеся к городским службам и выборам, к личной жизни И. С. Лапина, а также упомянутая в статье автора доверенность по тяжбе [9, с. 178]. Этому документу предшествовала доверенность промышленника Суворцова, купцов Лапина и Саратовского из Соликамска о взыскании процентов за их убытки по делу баронессы Строгановой. Доверенность была выдана их поверенному мещанину В. Серебрянникову 19 июня 1783 г. [14. Оп. 2. Д. 19. № 289. Лл. 376–377], дабы он представлял интересы троицы во втором департаменте Пермского верхнего земского суда. Приказчик Марии Артемьевны Строгановой Трасов представлял её интересы в деле о неуплате по векселю 2000 р. [14. Оп. 2. Д. 12. № 140. Л. 248] от 17 октября 1782 г. Также в приложении не указаны некоторые архивные материалы, упомянутые в другой статье автора о задолженности Лапина за поставку соли по контракту с Вятской казённой палатой [10, с. 19]. Таким образом, в таблице приложения представлены документы, на которые не было ссылок. Не сомневаюсь, что в приложении отражены не все источники, дошедшие до наших дней.

В «Записке управляющего Московским архивом Министерства юстиции...» (1834 г.) сообщалось о наличии в хранилищах всех ревизских ска-

зок, материалов Соликамского уездного суда – 1447 дел за 1726–1995 гг. и Соликамского городского магистрата – 147 дел за 1782–1799 гг. [17. Оп. 4. Д. 3. Лл. 19 об. – 20]. Так некогда целые собрания оказались раздробленными. Кроме того, в Российском государственном архиве древних актов оказались соликамские дела, выделенные в фонды и коллекции, на что указывала М. И. Автократова [1, с. 57]. Часть делопроизводственного комплекса осталась в Соликамске. Ныне она находится в собрании Соликамского краеведческого музея.

Первым историографом жизни и деятельности И. С. Лапина (1759–1791 гг.) был В. Н. Берх [3]. Он описал его инвестиции и возможную прибыль от промысла пушнины на Алеутских островах, компаньонов в строительстве судов, отметив: «...все источники, из коих можно было что-нибудь почерпнуть, вычерпаны» [3, с. 1]. От Лапина им были получены разные записки 1760–1785 гг. [3, с. 6], в том числе указ из Охотской канцелярии [3, с. 45–52], а также валовой контракт 1790 г. судна «Св. Георгий» якутского купца, именитого гражданина Лебедева-Ласточкина, хотя Лапин не имел в нём пая. В последний раз Иван Савич получил 4 пая в 1791 г. на судне этого купца «Св. Иоанн» [3, с. 115–119].

В книге приводятся рассказы соликамского купца о покорителях Алеутских островов, в том числе о серебрянике из Устюга Неводчикове, с которым он был знаком. В. Н. Берх замечает: «Г. Лапин показывал мне серебряную табакерку работы Неводчикова» [3, с. 7].

Ссылки на эти рассказы В. Н. Берх начинает формулой: «Иван Савич сказывал мне ...» [3, с. 76] или «сделал я вопрос сей...» о мореходе, тобольском купце И. М. Соловьёве: «Многочисленные и удачные походы его, – отвечал он мне, – доставляли ему большие прибыли; но как он был человек безрасчётный и не всегда трезвый, то в каждую зиму, проведённую им в Охотске или Камчатке, издерживал стяжание трёхлетних трудов своих и отправлялся в новое путешествие с одними только долгами. Он несчастно кончил жизнь свою в Охотске» [3, с. 76]. Это модальное высказывание характеризует самого Лапина. Оценка в нём «даётся с определённых позиций – принимаемых постулатов, законов, норм, установок и т. д.» [26, с. 40].

Прямая речь И. С. Лапина обнаруживается в описании компании купцов, соликамского Лапина, великоустюжского В. Шилова и тульского оружейника А. Орехова: «Около сего времени составила новая компания из трёх соучастников ... К весне 1765 г. спели у них в Охотске два бота ... Снабдив оные всеми нужными вещами, пошли Лапин и Шилов на оных в Большерецкое устье и достигли туда благополучно» [3, с. 76]. В беседах с В. Н. Берхом соликамский купец опровергал легендарность некоторых све-

дений. Например, об уничтожении аборигенов в 1764 г.: «Очевидцы рассказывали Ивану Савичу, что убитых было не более двухсот» [3, с. 75].

Разговоры с купцом в Соликамске были долгими – Берх читал ему вслух свои тетради, подготовленные для будущей книги. Так выстраивался совместный дискурс-анализ об открытии и освоении Алеутских островов и материковой Америки. Составлялись распределённое знание и интерсубъективность (передача друг другу неявного личностного знания, синхронное сближение аффективного реагирования). Выстраивалась ментальная репрезентация реальных событий. Эти разговоры были самобытным феноменом, фундаментальным для нашей истории: «...это деятельность, в которой порождается и калибруется наша идентичность, конструируется совместно разделяемая реальность» [27, с. 3].

19 апреля 1767 г. Екатерина подписала указ о награждении Шилова и Лапина «...за усердие и ревность о взыскании за Камчаткою новых островов Всемилостивейше увольняем мы от гражданских служб» [3, с. 71]. Купцы были награждены золотой медалью, которую Берху показывал Лапин [3, с. 69]. Екатерина дала распоряжение управляющему кабинетом выдать каждому «...за усердие их о взыскании за Камчаткою новых островов» золотые медали [3, с. 75].

А. Кузнецов и Н. Чепурнов точнее, чем Берх, описывают эту медаль. Диаметр её составлял 42 мм. На лицевой стороне был изображён портрет Екатерины, развёрнутый традиционно вправо, а на обороте в изящном тонком орнаменте помещена надпись: «За полезные обществу труды 1762 году августа 31 дня». Её носили на шее на Андреевской голубой ленте [18, с. 90]. Прорисовка этой медали и её описание были опубликованы в популярном сборнике, посвящённом 580-летию Соликамска [24, с. 74]. Здесь ошибочно указана продолжительность экспедиции Лапина на Алеутские острова – 4 года [24, с. 71]. Затем этот же рисунок в своей статье воспроизвёл М. Богданов [5].

Награда относилась к исходящим от престола «терминологическим реформам». Они, по мнению Е. Марасиновой, «...сочетались с продуманным воздействием на воображение подданных через символику и разнообразные формы репрезентации величия монархического правления» [23, с. 8].

С купеческой смекалкой Лапин и его компаньоны в 1769 г. по возвращении их судна «Св. Павел» выбрали «120 лисиц отличной доброты и, препроводив оные к иркутскому губернатору, генерал порутчику Брилю, просили дабы Его Превосходительство, благоволил доставить оные к великой Императрице». С сервильным подарком Бриль отправил В. И. Шилова, уже знакомого Екатерине и принятого «весьма милостиво». Она «...повелела не

взыскивать с Орехова, Лапина и Шилова тех 9.000 р., коими должны они были казне» [3, с. 81].

Зимой 1776 г. А. Орехов и Лапин отправились в Санкт-Петербург с очередным даром императрице (300 лучших чёрных лисиц). Екатерина «приняла их очень милостиво, благодарила за гостинец и расспрашивала о всех самонаименьших подробностях того края». Осведомилась и об их долге казне. «На ответ, что они получили заимообразно 21.500 р., она промолчала; но вскоре после сего прислала к ним именное повеление на имя иркутского губернатора, чтоб денег с них не взыскивать». Екатерина приказала обергофмаршалу угостить их завтраком и показать Эрмитаж [3, с. 93–94]. Так снова на самом высшем уровне империи были вознаграждены «счастливейшие из всех сибирских аргонавтов» [3, с. 101]. А. Эткинд иронично замечает: «В какой-то степени коллекции Эрмитажа тоже были приобретены на доход от сибирского зверя...» [29, с. 129]. Сама же императрица утверждала, что огромным протяжением земли от Иртыша до Курильских островов Россия обязана «склонности к приключениям», свойственной русскому народу [29, с. 135–136].

Е. Марасинова поясняет делопроизводственную процедуру: «Полученное высочайшее повеление статс-секретарь оформлял письменно и отправлял в Кабинет, часто сопровождая своё послание выписками, ведомостями, рапортами, где напротив каждой статьи стояло его собственное мнение. По распоряжению императрицы содержание этих бумаг рассматривалось «Обще» и затем излагалось в виде донесения, при подготовке которого статс-секретарю нередко требовалось «выправить» дополнительные сведения. В результате принималось решение, подлежащее исполнению «по силе именного указа» или «высочайшего повеления», объявленное через «правлящего Кабинетом» [23, с. 222].

Сейчас трудно выделить размер персональной прибыли Лапина с вложенного им инвестиционного капитала в суда «Захария» и «Елисавет», «Св. Троица», «Адриан и Наталия», «Св. Павел», «Св. Владимир», «Св. Александр Невский», может быть и другие. Гибли люди, документы, суда и меховой груз. Риски были очень высокими. В этих условиях начинающий соликамский купец проявил жизнестойкость как систему убеждений о себе и мире, отношениях с ним, которая препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях и способствует совладанию со стрессом (С. Кобейс). С начала карьеры И. С. Лапина отличала готовность действовать вопреки неизвестности: «Активное поведение отличается от пассивного тем, что запускающий его стимул сам не служит энергетическим источником этого поведения, а высвобождает внутренние источники

энергии, аккумулированные в самой системе» [22, с. 11]. Он успешно осваивал навыки публичного поведения. К сожалению, Г. А. Бординских растиражировал миф о кругосветном путешествии Лапина, не подтверждённый документально; искажил дату его смерти [7, с. 116], используя устаревшую, вторичную литературу.

Вполне понятен пафос В. Н. Берха: «Открытие Алеутских островов есть эпоха, которая приносит особую честь деятельной предприимчивости русского купечества и увенчивает славу оною на все грядущие времена» [3, с. III]. Берх славит «...предприимчивость почтенных соотечественников наших, кои заменяли недостаток познаний отважностью и непоколебимую твердостью духа» [3, с. 130]. Привилегии Российско-Американской компании положили конец всем объединениям, не желавшим вложить в них свои капиталы. А. Эткинд расширяет этот вывод, указывая, что к концу XVII в. бобров с промыслов Канады западноевропейские рынки уже не могли поглотить. А торговую ценность каланов открыла экспедиция капитана Кука [29, с. 128]. Открытие Алеутских островов А. Эткинд включает в длительный процесс российской колонизации: «С помощью пороха, алкоголя и бактерий русские уничтожили, вытеснили или ассимилировали многие народы – соседей, конкурентов, союзников, врагов. Но этот процесс растянулся на столетия. Волны авантюры и насилия, тяжкого труда и массового скрещивания катились от центра России к движущимся границам колонизации; отсюда возвращались колониальные товары и знания» [29, с. 96].

Масштабная экспансия Российской империи происходила на сопредельных территориях в меркантильных капиталистических интересах. Критические обзоры историографии этого явления дали А. Эткинд [29, с. 128] и И. Виньковецкий [12, с. 27–45, 51–52, 57–65]. Пересказывая В. Н. Берха, последний приводит слова М. Уиллер: штурманами на судах, добывавших пушнину на Алеутских островах, служили «мужчины, которым просто повезло пережить несколько путешествий и приобрести знания об этих опасных водах» [12, с. 60]. Наступление русских подогревалось лихорадочной цен и спросом на международном рынке пушной торговли, что привело к снижению популяций животных в результате интенсивной охоты на Алеутских островах, полуострове Аляска и острове Кадьяк.

Деловая активность Лапина представлена в приложении. Прочитую образец под порядковым номером 41 из «Книги на записку предъявляемых к свидетельству разных контрактов и доверенностей». Как правило, они составлялись по сходным лекалам. Орфография и пунктуация документа сохранены: «№ 2. Генваря 9. Сего 1803 года генваря 8 дня Пермской губернии города Соликамской второй гильдии купец Иван Савин сын Лапин объяв-

ляю, что я комиссионеру своему той же Пермской губернии города Кунгура купецкому сыну Ивану Семенову сыну Юхневу сим с вышеописанного числа впредь на два года полную мочь даю и верю в том отпущенных от меня Лапина с им Юхневым разные российские, немецкие и китайские товары и наличные денги как товары продавать ... в российских и сибирских городах и при ярмонках и в наличные денги покупать и в долг по усмотрению товаров отдавать и ежели на свое имя брать по моему в долги не брать и вексели на мое имя не подписывать, а в неплатежах по векселям денег или не в отдаче с торговых товаров где надлежит по команде от имени своего прозбы чинить слово ж где толко усмотрено им Юхневым к ползе моего капитала в сходственность закона учините в том спорить и прекословить не буду я Иван Лапин властью якоб сам все то учинил в рукоприкладство Соликамской второй гильдии купец Иван Савин сын Лапин свидетелство подписал, ратман Федор Михайлов. Подлинное кредитное письмо купецкий сын Иван Юхнев и росписался».

Иван Семёнович Юхнев был сыном Семёна Васильевича, единственным их трёх его детей, в 19 лет записанным Кунгурским городовым магистратом «в купеческое» сословие [19. Оп. 1. Д. 3. Л. 37 об.]. С С. В. Юхневым вёл дела отец Лапина, что отмечено в журнале того же магистрата 28 февраля 1733 г.: «По прошению соликамской посадского Савы Лапина о взыскании по заемной кабале кунгурца посадского Василия Юхнева денег 90 р. 5 алтын» [19. оп 1. Д. 5. Л. 15]. Автограф последнего сохранился в предписании Кунгурского провинциального магистрата полицейскому правлению в 1776 г. [20. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.].

На протяжении всей своей активной деятельности Лапин занимался торговлей немецкими, российскими, бухарскими и китайскими товарами (№ 41 приложения). Он внёс свой вклад в создание у россиян образа Китая, который в России XVIII – первой половины XIX в. «... в основном формировался под влиянием изображений на фарфоровых, лаковых и шелковых изделиях. В достаточно большом количестве благодаря активно развивавшейся кяхтинской торговле» [25, с. 26].

Лапин обладал высоким уровнем удержания цели и, как правило, доводил начатые дела до конца. Например, о краже своего сена. В Чердынской расправе он доверил вместо себя быть чердынскому купцу Степану Валую для разбирательства с крестьянином Осипом Барановым [14. Оп. 2 Д. 27. Лл. 233–238]. Аналогичным образом он поступал с другими кражами (№ 40 приложения).

Он продолжал казённые поставки соли на Вятку (№№ 27, 32 приложения) после разбирательств в Пермской казённой палате, когда в 1788 г. было

поставлено 104 975 пудов 30 фунтов и оставалось перевезти 108 224 пуда 10 фунтов, за что в залоге был капитал Лапина (6924 р. 60 коп.). Но «открылось»: 1321 р. 51 коп. из залоговой суммы переведена за поручительство «по купце здешнем Иване Петрове Евдокимове», у которого было арестовано имущество по претензии вятских купцов [13. Оп. 2. Д. 49. Лл. 607–610 об.]. Сведения о масштабных многоходовых сделках с участием компаньонов не исчерпываются документами, представленными в приложении. Скрытые залоговые капиталы так и оставались тайной. Лапин умел найти нужный подход к разным людям. Об этом свидетельствуют его многочисленные доверенности и договоры, представленные в приложении. Самые большие из них по объёму составлялись с крестьянами, краткие – с хорошо знакомыми купцами. Лапин не брезговал и мелочной торговлей. В 1798 г. у него были в Соликамске 4 лавки и амбар [4].

Порой ему приходилось сталкиваться с жёсткостью других купцов (№ 23 приложения). Спиридон Углицких надавил на свои чердынские связи, благодаря которым было описано имущество должника. Обвинения Лапина «в притеснении» не помогли. Благостный образ Углицкого, написанный маслом на железном листе, хранится в Чердынском краеведческом музее.

В 1789, 1791–1794 гг. Лапин объявил капитал 15 025 р. и был зачислен в первую гильдию, но в 1795 г. с такой же суммой – только во вторую. Имущественные цензы для записи в купечество изменялись в 1775 и 1785 гг. С 1797 г. и до конца деловой активности Лапин оставался купцом второй гильдии [16. Оп. 1. Д. 3. Л. 31. Д. 5. Л. 49. Д. 6. Л. 35. Д. 7. Л. 60. Д. 18. Л. 28. Д. 19. Л. 35 об.]. Лапин объяснил упадок своей капиталистичности убытками «купецкой коммерции и от разных товаров и от неполучения от векселедавцов пришедших в упадок денег» [16. Д. 19. Л. 35]. В начале XIX в. Лапин не совладал с формами субъективного контроля социальных групп: с управляемостью, контролем и предсказуемостью. Деловая активность сложна. Она состоит из ограниченного числа технических, логистических, аналитических и коммуникационных действий. Эта сложность наложила на многочисленные изменения в имперской политике. Высокорисковые сделки уже не давали былого эффекта.

Подробной была доверенность Лапина своему зятю, соликамскому третьей гильдии купцу Павлу Петрову сыну Ентальцеву, на сумму пять тысяч рублей (№ приложения). Замужем за ним была его единственная дочь и наследница.

П. П. Ентальцев, будучи соликамским бургомистром, занимался делом по жалобе крепостных своего тестя, поданной 22 июня 1811 г. [14. Оп. 1.

Д. 260. Лл. 3–79 об].¹ Это прошение от их имени крещёных калмыков составил 23-летний соликамский мещанин Нелисин. В указе из пермского губернского правления сообщалось, что Лапин получил крепостных от комиссионера тобольского купца Андрея Коновалова в 1779 г. как наследство от свёкра, но в канцелярии их не зарегистрировал. Из-за этой жалобы купец «...возымел на сердце своем злобное и недоброжелательное мщение, во-первых: Александру прежде решения дела от домовых своих услуг отказал, дав от себя увольнительное письмо 1809 года октября 31 дня с описываемыми в нем неизбыточными пороками и никем оных не удостоверенными...» (6 об.). При обыске вещей крепостных Лапин называл их собственными своими. А потом в заявлении, поданном городничему, обвинил Калмыковых в краже разных вещей на более чем 500 р.

Городничий рапортовал: дворовые люди взяты под стражу «...за пьянство и самовольные от дому отлучки, и чинимые в доме буйства и непослушание хозяину...» (8). Лапин обеспечил арестованным пропитание и заявил, что от жён их «...никогда жалобы приносимо ему не было; а как в прошении тех женок означаетца ...одни только не застуживающие вероятия выдумки...» Нелисина «...в каких ябеднических обращениях довольно уже он замечен, и находится по предмету доносов под судом» (8 об.).

В то время городским головой был А. Т. Ливонов (39). 17 ноября 1811 г. на допросе Нелисин сказал, что Ентальцев «...особенную склонность в рассуждении имеющегося с купцом Лапиным родства, – так как оный Лапин будет ему тесть родной» (15). 20 ноября Ентальцева отстранили от ведения этого дела (17).

13 декабря Лапин подаёт прошение на своих дворовых людей в Соликамский городской магистрат, составленное им самим и набело переписанное соликамским мещанином И. П. Смышляевым. В этом тексте ярко проявляется купеческая самоидентификация: «У меня в услужении не одне оне дворовые люди а свободно наемных бывает и ныне имеется обоих полов до пяти и шести человек да временных подельщиков в годовое время тож бывает не мало, которые довольствуются пищею одною с дворовыми людьми, не скудною и для человечества способною, в чем и ссылаюсь на живущих у меня вольнонаемных людей» (66 об.). Жёны Ивановых «...в поданном в губернское правление прошении весма обнесли меня теми изречениями, каковых я не надеялся по известному начальству моего поведения получить ни от кого. Чем причинили мне они тяжкую обиду» (66 об.).

¹ Далее листы дела указываются в круглых скобках.

Прав был М. Фуко, утверждавший: добраться до человека «...можно лишь через посредство его слов, производимых им предметов...» [28, с. 335]. Лапин представляет детали своего быта и личное отношение к ним.

23 декабря 1811 г. дело закончилось наказанием Нелисина, поркой ложами ябедниц и взятием с них подписок. Низким людям противопоставлен первостатейный по городу купец, который «...имеет в 1-х блаженные и вечнодостойные памяти государыни императрицы Екатерины Великой и 2-х от ныне здравствующаго императора Александра Павловича за отличия свои и усердие к отечеству две всемилостивейше пожалованные медали с изображением их императорских высочеств» (79–79 об.).

Купеческая гордость была спасена, в имперских реалиях, где «...неизбежно возникает общество, подобное кастовому: малая и сущностно важная часть населения, которая участвует в торговле моноресурсом и его охране, живет иначе, чем большая и избыточная часть, которая существует дотациями, получаемыми от первой части. И натуральным хозяйством» [29, с. 137]. Уважение общества компенсировало возникшие было репутационные потери. Их смикшировала сословная солидарность городской элиты. Не напрасно Лапин не воспользовался царской милостью и исполнял городские службы.

В 1782 г. он был избран бургомистром [14. Оп. 2. Д. 212. Лл. 127 об., 130]. В 1790-м – городским головой. Он проводил довыборы в городскую Думу в соответствии с купеческим электоральным рационализмом [14. Оп. 2. Д. 60 Л. 403]. В городской номенклатуре сверху вниз были представлены: городской голова, бургомистры, ратманы, купеческий староста, судьи словесного суда и мещанский староста [21, с. 95]. Кандидаты избирались на 3-летний срок. Мещане считались в 10-м классе «за уряд, пока в должности пребывают». Бургомистры помещались в 12–13 класс. За ними следовали городские старосты, судьи словесного суда и ратманы (14 класс во время службы). Но на рубеже веков иерархия поменялась [21, с. 71]. Городское самоуправление учитывало базовые интересы основных городских сословий: купцов и мещан.

Лапин неоднократно избирался старостой Троицкого собора [14. Оп. 2. Д. 19. Лл. 534–535 об; и др]. Воспитал и выдал замуж девочку, оставшуюся без попечения родителей. Передал городскому обществу 2-этажный каменный дом на болотной стороне для проживания престарелых (развалины его сохранились до наших дней). Тем самым Лапин как и другие купцы поддерживал собственный благоприятный имидж «...пожертвованиями на общественные нужды или в пользу церкви, помощью бедным, уплатой недоимок за несостоятельных граждан, покровительством губернского или ду-

ховного начальства» [21, с. 192]. За «полезное» Лапин был награждён медалью Александра I.

Меняющийся состав купеческой семьи был представлен в ревизских сказках. Так, в 1795/96 гг. читаем: «Иван Савин Лапин 43. 56. У него жена Маремьяна Матфеева дочь, взятая из вотчин господ баронов Строгановых, из села Нового Усолья Брагиных по позволительному письму 34.47. У них дочь, написанная в последней ревизии, Парасковья 4. 17». В семье жила овдовевшая старшая сестра Федора, мужем которой был соликамский купец Пётр Труфанов, а также воспитанница [16. Оп. 1. Д. 10. Лл. 23–23 об.]. Потом дочь была выдана замуж за верхотурского купецкого сына Павла Петровича Ентальцева, который включился в коммерцию Лапина и городские службы Соликамска. После его кончины дочь с детьми официально перешли на фамилию Лапины-Ентальцевы. Дело по её смене вёл В. Н Берх [8].

Жизнью Лапина во все времена управляла сила собственности и память места в сложном сочетании множественных факторов. Он был «одержимец» (П. Коэльо).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Деловая активность И. С. Лапина по архивным материалам Пермского края

№ п/п	Даты	Место	Компаньоны, приказчики и комиссионеры	Содержание деятельности	Источники
1	1774	Соликамский словесный суд		Автографы Лапина под протестом векселей.	25. 1. 9. Лл. 31 об. - 33 об.
2	29.04. 1783	Соликамск		Приговор старосты Шурамина об отдаче Хлепятина «в запись денег купцу Ивану Лапину 318 р. 22 коп., заработанное при его доме; в доимку 50 р., в дознание 8 р. Этот платёж «к заживу» отдать с вычетом на обувь.	21.2.19. № 169. Лл. 622–623 об.
3	20.06. 1783	Чердынский уезд	Чердынский купец Степан Валуев.	Договор о добыче из горы точил и брусва.	21.2.19. № 290. Л.380.
4	30.07. 1783	Макарьев		Получение паспорта и отлучка на 2 месяца «для купеческой коммерции».	21.2.19. № 290. Л.380.
5	1784	Архангельский порт	Сольвыче-годский купец И. М. Литвинов	Покупка немецких товаров.	21.2.26. Лл. 419 - 420.
6	07. 02. 1786	С. Веретия		Засвидетельствование расписки от крестьянина с. Веретии Дмитрия Суворова.	21.2. 39. № 64. Л. 234
7	04.06. 1786	Соликамск	Соликамские: купец Лука Могучих и мещанин Мошихин.	Засвидетельствование доверия	21. 2. 39. № 234. Л. 877.
8	1786–1788	Пермский и Осинский магазин		Поставка соли на 36.042 р.	21. 2. 49.Лл. 608–608 об., 610–610 об.
9	22.03. 1787	Соликамск		Засвидетельствование регистра «сколько назначено к испрошению ссудного капитала».	21. 2.44. № 106. Л. 386.

10	22.06. 1787	Соликамск	Соликамский купец Яков Ивохин.	Кредит на покупку и продажу разных товаров.	21. 2. 44. № 209. Л. 842.
11	10.09. 1787	Соликамск	Купец Федот Соболев.	Вступление в подряды.	21. 2. 45. № 223. Л. 311.
12	22.11. 1787	Соликамск	Иван Верещагин .	Покупка и продажа товаров	21. 2. 45. № 322. Л.754.
13	16. 12. 1787	Соликамск		Подписка о поручительстве по умершем Иконникове, сыне его Иване.	21. 2. 45. № 418. Л.485.
14	29.12. 1787	Соликамск		Подтверждение «соликамскому обществу, чтоб они без воли ево ни в какие службы впредь не выбирали». Автограф.	21. 2. 44.
15	01.01. 1788	Соликамск		Аттестат от соликамских купцов на 4 года о вступлении в разных наместничествах и присутственных местах «в казенные и партикулярные подряды». Вернул за неналобностью.	21. 2. 60. Л. 260.
16	08-09. 02. 1788	Соликамск		Засвидетельствование аттестата купца I гильдии.	21. 2. 48. Лл. 310, 402-402 об.
17	28. 11. 1788	Соликамск		Взыскание недоимочных денег 72. 1,2 коп. по окладу 1786 г.	21. 2. 49. № 392. Л. 517.
18	1789	Соликамск		Взыскание за дворового человека подушных денег 71, 5 коп. (1786 г.)	22.2.56. Л. 11
19	02.07. 1789	Соликамск	Соликамские. купцы Алексей и Иван Евдокимовы.	Компанейска поставка соли. Возврат в магистрат 175 р. за отлучку.	22.2.56. Л. 733
20	27.07. 1790	Соликамск	Соликамский купец Потанин	Вдова Фёкла Иванова Потанина засвидетельствовала верующим письмом расчёт.	21.2.59. № 257 Лл. 380-380 об.
21	11.01. 1791	Соликамск	Купец Григорий Калмыков	Внесение за него однопроцентных, рекрутских, расходных и доимочных денег.	21. 2. 64. № 18. Л. 49.
22	08.02. 1791	Соликамск	Солик. купец Лука Могучих	Поручительное письмо на 8.703 р. 49 коп. (1789 г.)	21. 2. 64. № № 52. Лл. 210-213.
23	Апрель 1791	Чердынь, Пермь, Соликамск.	Чердынский купец Спиридон Углицких	Вексельное дело. Взыскание 400 р. за поручительство по чердынскому мещанину Оболенскому. Лапин отказался оплачивать.	21. 2. 64. № 124. лл. 423-423 об., 427, 431-433, 435-436, 440-443 об.
24	1791	Соляные магазины Казанского наместничества	Соликамские купцы	Поставка соли в течение 4 лет, с 1792 г.	21. 2. 65. Л. 226
25	30.07.- 19.08. 1791	Макарьев		Ярмарка	21. 2. 65. № 224. Лл. 343, 420-420 об.
26	1792	Д. Тверитина Верхнеусольской волости Соликамской округи.	Крестьяне Е. И. Коробов, И. П. Котельников, А. С. Розжигаев, Я. Н. Пленин	Поставки бутового камня по договору.	22. 1. 214. №128. Лл.15-16.
27	1792	Вятская губерния	Соликамские купцы II и III гильдии И. В. Баранов, В. И. Зырянов, Е. Смышляев, Л. Д. Могучих, Ф. Соболев.	Компания по поставке соли с пермских казённых промыслов.	22. 1. 214. № 106. Л.99
28	02.05. 1793	Соликамск		Объявление о продаже судов.	21. 2. 80. № 152. Л. 272

29	04.05. 1793	Лысьва- Пермь		Поставка в Пермь железных материалов из бывшего Лысьвенского монастыря	21. 2. 80. № 159. Лл. 284-285 об.
30	11.06. 1793	Вятская губерния	Соликамский купец Лука Могучих	Поставка соли.	21. 2. 80. № 198. Л. 340
31	30.07.– 23.08 1793	Макарьев		Ярмарка	21. 2. 81. №209. Л. 370.
32	22.08. 1793	Вятская Казённая палата	Офицеры и стряпчий	Принуждение к соляной поставке: постройка бархотов и шитиков, заготовка рогож, вёдер и др. припасов. Лапин и Могучих пояснили, что не подряжено 4 бархота, ходовые суда и 47 шитиков.	21.2.81. № 254. Лл. 70–71 об.
33	12.11., 25.11. 1793	Усть- Боровское село		Лапин объявил о продаже 2 старых бархотов, стоящих на пристани. Присланы оценщики.	21.2.81. № 364. Лл. 277, 301–302 об.
34	12.12. 1793	Бичи- горская волость Чердынской округи	Чердынский купец С. Г. Валуев и крестьяне.	Договор на поставку на 2 суднах, с 1794 г. точил и брусьев.	22. 1. 214. Лл. 137–137 об.
35	1794	Соликамск	Разборщик Архива Пётр Труфакин	О пропавших дел об оценщиках имения баронессы Строгановой Лапине и Молчанове.	21.2. 88. Л.259 об.
36	01.02. 1799	Соликамск		Секвестр на имение. Магистрат подтверждает объяснение Лапина: «... в безвинном наложении на имение наши засеквертования от распубликования по всем губерниям в нашей коммерции причинен мне и прочим подрыв и помешательство ... убытки и разорение» (л. 97)	21. 2. 140. Лл. 94–97, 101–102 об.
37	09.02. 1799	Томск	Купец Шевырин	27 р. 27 коп., выданные умершим приказчиком Ермолаем Потаниным, принадлежат Лапину.	21. 2. 140. № 55. Лл.111–111 об.
38	02.09. 1799	Соликамск	Иван Панов	Доверенность	21. 2. 140. № 267. Л. 11
39	01.11. 1799	Соликамск	Андриан Бузунов	Доверенность.	21. 2. 140. № 328. Л. 79.
40	22.12. 1799	Село Мошево, д. Тюлькина		Кража сена у Лапина	21. 2. 141. № 374. Л. 138.
41	09.01. 1803	Соликамск	Кунгурскому купецкому сыну Ивану Семёнову Юхневу	Доверенность на 2 года на «российские, немецкие и китайские товары», наличные деньги для продажи в российских и сибирских городах и на ярмарках.	21. 1.272. № 2. Лл. 1–1 об.
42	30.01. 1803	Соликамск	Приказчику, мещанину Соликамска Григорию Петрову Калмыкову.	Доверенность на 1 год на торговлю в разных российских городах.	21. 1.272. № 3. Л. 1 об.
43	14.01. 1803	Соликамск	Приказчику, мещанину Соликамска Егору Александрову Рязанцеву.	То же на торговлю российскими и бухарскими товарами.	21. 1.272. № 3. Л. 3 об.
44	12.05. 1803	Соликамск		Доверенность	21. 1. 273. Л. 13 об.
45	30.10. 1803	Соликамск		Доверенность	21. 1. 273. № 28. Л. 19 об.
46	14.06. 1804	Соликамск	Комиссионеру Соликамска купцу III Гильдии Павлу Петрову Ентальцеву.	Доверенность на 2 г.	21. 1. 273. № 17. Лл. 9–9 об.

47	12.01. 1810	Соликамск	Соликамский мещанин Яков Данилов Сын Каменщиков	Вексель на 104 р. Обязательство в 4 месяца заплатить ассигнациями.	25. 1. 1. Л. 14
48	07.05. 1810	Соликамск		Протест по векселю	25. 1. 1. Л. 14 об.
49	30.07. 1820	Соликамск		Долговые деньги Лапину 1919 р. 29 коп. с процентами. Якобы заплачены по доверенности соликамскому купецкому сыну Ентальцеву (1000 р.)	21.1. 54. Лл.175–178.
50	04.08. 1820	Пермское Губернское правление	Комиссионер Николай Ентальцев	Рапорт о вызове кредиторов и должников Лапина и купецкого сына Николая Ентальцева	21. 1. 54. № 406.
51	08.09. 1820	Архангельск	Купцы Вильгельм Брант и компания.	О взыскании долгов с Лапина и его комиссионера Ентальцева.	21. 1. 54. № 439. Л. 266.
52	15.09. 1820	Вологодское губернское правление		Имена Лапина и его родственников в Усть- Сысольской округе (барочный такеллаж) не обнаружено.	21. 1. 54. № 614. Л. 360– 364 об.
53	23.12. 1820	Архангельск	Архангельские купцы	Требования по векселям Лапина.	21. 1. 54. № 630.
54	14.01. 1821	Иркутск	Купецкий сын, ныне мещанин	Требование наследников Лапина о долге 227 р. 12. ½ коп.	21. 1. 54. № 14. Лл. 2–5 об.
55	19.01. 1821	Вологодская губерния		Новый запрос о такелаже Лапина.	21. 1. 54. Л. 22
56	09.03. 1821	Усть- сысольская волость Вологодской губернии	Усть-сысольский мещанин.	Взыскание 490 р. в пользу Николая Лапина- Ентальцева.	21. 1. 54. Лл. 61–62

1. Автократова М. И. Документы ЦГАДА по истории Пермского края и г. Перми // 250 лет Перми. Пермь: Пермское книжное издательство, 1973. С. 54–62.

2. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Что такое жизнь с точки зрения психологии: историко-эволюционный подход к психофизической проблеме // Вопросы психологии. 2016. № 2. С. 3–23.

3. Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества с присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб.: тип. Н. Греча, 1823. III, 169 с., V таблиц.

4. Богданов М. Они правили городом // Соликамский рабочий. 2016. 23 апреля. [http://permmu.ru/Лапин – Иван - Савич. aspx](http://permmu.ru/Лапин-Иван-Савич.aspx) (дата обращения: 25.09.2019).

5. Богданов М. Соликамские купцы Лапины // Звезда. 2015. 13 марта.

6. Бординских Г. А. Соликамск. Путеводитель. 2-е изд. СПб.: Маматов, 2012. 96 с.: ил.

7. Бординских Г. А. Соликамская энциклопедия. Пермь: Стиль-МГ, 2013. 266 с.

8. Бруцкая Л. А. В. Н. Берх и его «пермский период» // Страницы истории Урала. Пермь, 1996. С. 32–37.

9. Бруцкая Л. А. Краткий обзор историографии о соликамских промышленниках Суворцовых (XVII – XVIII вв.) // Пермский сборник. Кн. 5. Пермь, 2019. С. 174–180.

10. Бруцкая Л. А. Соликамские подкидыши: именитый человек А. Т. Ливонов (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2019. Вып. 2 (10). С. 8–29.
11. Бруцкая Л. А. Соликамский купец И. С. Лапин и освоение богатств Русской Америки // Российское купечество от средних веков к новому времени: тез. докл. М.: Институт российской истории РАН, 1993. С. 86–88.
12. Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867 / пер. с англ. С. Константинова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 320 с.: ил.
13. ГАПК. Ф. 13. Соликамский уездный суд.
14. ГАПК. Ф. 21. Соликамский городской магистрат.
15. ГАПК. Ф. 22. Пермский городской магистрат.
16. ГАПК. Ф. 268. Пермский губернский магистрат.
17. ГАПК. Ф. 297. Пермская губернская учёная архивная комиссия.
18. Кузнецов А., Чепурнов Н. За полезные обществу труды // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 88–91.
19. КГА. Кунгурский городской магистрат. Ф. 580. Оп. 1.
20. КГА. Кунгурское полицейское правление. Ф. 491. Оп. 1. Д. 1. Предписания Кунгурского провинциального магистрата кунгурскому полицейскому правлению.
21. Куприянов А. И. Выборы в русской провинции (1775–1861). М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 400 с.
22. Леонтьев Д. А. Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 3–15.
23. Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: Очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.
24. Поморский город Соликамск. Соликамск, 2010. 207 с.
25. Самойлов Н. А. Китай в произведениях российских художников XVIII–XIX вв. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2016. № 1. С. 25–41.
26. Смирнова Е. Д. Возможные миры и понятие «картина мира» // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 39–49.
27. Улановский А. М. Многомерная реальность разговора: подходы и исследования // Вопросы психологии. 2017. № 1. С. 3–14.
28. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.
29. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.: ил.

**ДРЕВНЕРУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ
КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ 40–60-х гг. XX в.
(С. П. БОРОДИН «ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ», В. Г. ЯН «БАТЫЙ»,
М. А. РАПОВ «ЗОРИ НАД РУСЬЮ», М. Д. КАРАТЕЕВ
«БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ»)**

**OLD RUSSIAN HISTORICAL NARRATIVE AS A SOURCE
OF HISTORICAL NOVELS 40–60-s. XX CENTURY.
(S. P. BORODIN “DMITRY DONSKOY”, V. G. YAN “BATY”, M. A. RAPOV
“DAWN OVER RUSSIA”, M. D. KARATEEV “HEROES WOKE UP”)**

В статье рассматриваются особенности работы авторов исторических романов 40–60-х гг. XX в. о взаимоотношениях Руси и Золотой Орды с текстами летописей и исторических повестей XIV–XVII вв. Основными факторами, влияющими на отбор материала, становятся как обилие и качество отечественных источников, способных предоставить данные по выбранной эпохе, так и умение автора разделить исторический факт и его тенденциозную, литературно-символическую оболочку. Несмотря на свою относительно малую достоверность, ряд эпизодов и формул исторической повести переносятся автором в его более реалистичное повествование как яркая деталь, примета эпохи или, возможно, исторический факт для самого автора. Помимо общего следования логике средневекового текста наблюдается расширение и переосмысление автором исходного материала в более реалистичном или ироничном ключе. Кроме того, с помощью цитат и пересказа эпизодов из первоисточника романист может отразить особенности политических перипетий, общего духа эпохи.

Ключевые слова: Древняя Русь, Золотая Орда, исторический роман, Средневековье, тенденциозность, историзм, цитата, летопись, эпизод, провиденциализм.

The article is devoted to the features of working with chronicles and historical narratives by the authors of historical novels about relationships between Ancient Russia and Golden Horde which were written during the 40-s – 60-s of 20th century. The main factors influenced on material selection are both fullness of necessary domestic sources and author's ability to demarcate historical fact and its tendency, literary and symbolic envelope. Despite their low confidence several episodes and formulas of historical narrative are transferred as the bright detail, sign of age or historical fact in realistic novel narrative. Besides the retention of medieval text logic, the development and rethinking of

sources in more realistic and ironic way are noted. In addition writers depict the features of politic and spirit of age by quotation and retelling of episode.

Keywords: *Ancient Russia, Golden Horde, historical novel, Middle Ages, tendentiousness, historicism, quotation, chronicle, episode, provincialism.*

Диалог культур и литератур разных эпох в условиях межкультурного взаимодействия и повышенного интереса к своей истории и корням все чаще становится предметом современных научных работ и темой научных конференций [10; 28; 36]

Наше исследование посвящено изучению специфики интерпретации текстов древнерусской литературы в произведениях середины – второй половины XX в. В условиях повышенного интереса к человеку, создающему и воспринимающему текст, подобное изучение новых смыслов и значений, которыми наполняются литературные образы, становится особенно актуальным. Цель нашей работы – изучение процесса «встраивания» материала средневекового текста в исторический роман XX в. на уровне изображения эпохи, сюжета, отдельных эпизодов, персонажей. В связи с обширностью темы данная статья планируется только как первая попытка представить подобное «межтекстовое взаимодействие» и будет продолжена в последующих исследованиях с привлечением нового материала.

Объектом нашего исследования станут исторические романы 40–60-х гг. XX в.: «Дмитрий Донской» (1941) С. П. Бородин, «Батый» (1942) В. Г. Яна, «Зори над Русью: Повесть лет, приведших Русь на Куликово поле» (1954–1958) М. А. Рапова, «Богатыри проснулись» (1963) М. Д. Каратеева. Отобранные нами произведения объединены общей темой взаимоотношений Древней Руси и Золотой Орды и касаются двух периодов: установления ига («Батый») и начала освобождения Руси (остальные романы). Период 40–60-х гг. XX в. был выбран нами в связи со спецификой литературного процесса, допускающего активное использование героев из национального прошлого в идеологических целях. С точки зрения ангажированности литературы и строгих рамок канона создания текста исследователи говорят о схожести условий работы исторического романиста первой половины XX в. и древнерусского книжника [21; 41]. Также исследователи обнаруживают элементы культурного сознания эпохи архаики в литературе периода сталинизма [12], частичное сходство советской литературы и средневековой, литературы XVIII в. [7] с точки зрения каноничности, сведения персонажа к его роли.

Идея о возрождении некоторых средневековых черт в культуре и мировоззрении начала XX в. не нова. В области философии истории еще

Н. А. Бердяев выдвинул концепцию «Нового Средневековья» (1924), характеризующую новую эру с точки зрения проявления в ней сущностных черт мировоззрения и культурного развития средних веков (культура «ночи» с ее метафизичностью, «иррационализмом», борьбой «религии Бога и религии дьявола», стремлением к универсальному единству и др.) [1, с. 222–256]. Проецирование его концепции на общество второй половины XX – начала XXI в. было осуществлено в эссе У. Эко «Средние века уже начались» [42].

Сопоставление текстов исторических романов и памятников литературы Древней Руси будет проводиться с привлечением текстов древнерусской литературы, прежде всего памятников Куликовского цикла, тематически связанных с тремя романами из четырех. Разные по особенностям стиля, проработке образов и деталей, памятники Куликовского цикла включают в свой состав «Задонщину» (80-е гг. XIV в.), Летописные повести о Куликовской битве (кон. XIV в.), «Сказание о Мамаевом побоище» в нескольких редакциях (XV–XVII в.). Дополнительные тексты будут оговорены в соответствующей части статьи.

Источниками информации для романиста об истории Древней Руси являются в основном летописи и немногочисленные внелетописные повести, созданные чаще всего намного позже отраженных в них событий. При этом автор романа может привлечь их в качестве первоисточников или же обратиться к информации, извлеченной из них и дополненной в историческом исследовании или художественном тексте. В этом случае возникает проблема изначальной условной достоверности первоисточника и его тенденциозности. С учетом этих качеств М. Блок разделяет исторические источники на «намеренные» (например, исторические сочинения, жития) и «невольные» свидетельства (деловые документы, секретные донесения и др.) [3, с. 36]. Говоря о намеренном свидетельстве, историк употребляет термин «повествовательный источник», подразумевая «рассказы, сознательно предназначенные для осведомления читателей» и обладающие некоторой склонностью к «умышленному введению в заблуждение» и потому меньшей достоверностью [3, с. 36]. «Обман» читателя в данном случае может быть связан не столько с намерением дезинформировать, сколько с литературными (жесткий канон и этикетность) и внелитературными (религиозные вопросы, политические амбиции) причинами.

Специфичность существования средневековых источников также заключается, с одной стороны, в допустимых с точки зрения средневекового книжника отсылках к показаниям «свидетелей», «послухов» [25, с. 98]. С другой – в самой компилятивной природе древнерусского текста с его дове-

рием авторитетным образцам и каноничным схемам построения текста, риторике [25, с. 98].

Древнерусская литература, призванная «быть училищем благочестия и ... патриотизма» [25, с. 100] и отражать только исторически значимое, не допускала явного вымысла. В то время как для жанра романа ключевым становится художественный вымысел [25, с. 100].

В рамках исторического романа рассматриваемого нами периода стоит отметить, прежде всего, факторы, влияющие на отбор и представление исторического материала. Первостепенное значение имеет фактор идеологии, регламентирующий подходы к выстраиванию интерпретации исходного материала. В качестве одного из ведущих принципов, повлиявших на воображение советского писателя 40–60-х гг., С. М. Петров называет принцип партийности: «Обращаясь к истории, советский писатель не рядится в тогу бесстрастного летописца событий, а прямо и сознательно показывает прошлое с точки зрения движения человечества к социализму...» [33, с. 382]. Интересно противопоставлены позиции советского писателя и летописца: летописец (по С. М. Петрову) фиксирует, но не анализирует происходящее, советский же писатель путем кропотливого анализа фактов выявляет в прошлом ростки социальных изменений уже заданного характера. В рамках исторической перспективы романист 1920–70-х гг. был обязан отражать прежде всего прогрессивную роль народных масс в исторических событиях. С необходимой социальной и политической дифференциацией грамотно расставлять маркеры положительного и отрицательного героев, за первым закрепляя установку на демократические и гуманистические начала. Преобладает принцип осознанного историзма, дающий возможность «представить действительность в ее объективных противоречиях, раскрыть судьбу личности в ее связях с общественными процессами» [6, с. 357–358].

Вторым фактором становится авторский замысел, связанный не только с темой будущего романа, но и с его восприятием первоисточника. Передача основных перипетий эпохи и их проявления в жизни и характере человека закрепляется за первоисточником как его неперемнное качество [40, с. 220]. Отбор источников находится в зависимости от самого автора, его «творческой позиции». Кроме того, немаловажную роль играет и «критичность» романиста при работе с неоднозначным по своей природе средневековым текстом. Так, например, профессиональный историк учитывает «непрозрачность исторического источника», обусловленную соединением фактической информации о событиях с их субъективной оценкой и манерой освещения их создателем текста [8, с. 572]. Взаимодействие с первоисточником начинается с процесса его «дешифровки».

Из четырех авторов романов, изучаемых нами (В. Г. Ян, С. П. Бородин, М. А. Рапов, М. Д. Каратеев), трое рассказали о своей работе с различными источниками. В. Г. Ян в своих записках отмечает скудость древнерусских источников о периоде татаро-монгольского нашествия (прежде всего, «Слова о погибели Русской земли» и «Сказания о нашествии Батыя» (так у В. Г. Яна) из рукописного сборника XIV в.). Поэтому он указывает на необходимость обратиться к сочинениям восточных и европейских средневековых авторов, трудам русских ориенталистов (И. Н. Березина, Н. Я. Бичурина, А. Ю. Якубовского и др.) и западноевропейских историков (А. К. Д'Оссона, А. Кордые и др.) [46, с. 521–522]. По словам писателя, исторический материал для книги был собран по крупицам из широкого круга исторических сочинений и документов. Прежде всего, опора на точные факты научно-исторических исследований (научного «осмысления» источников) выдвигалась автором как одна из составляющих основы исторического романа. Необходимая (так у В. Яна) авторская фантазия, домысел создается на фундаменте из фактов и ей предоставляется самая широкая свобода [45, с. 102]. При недостатке конкретного исторического материала то же «художественное прозрение», по мнению автора, позволяет создать наиболее правдивое изображение события или облик героя.

Разделяя исторические романы на «романы развлекательные» и тексты с «глубоким замыслом» автор явно отдает предпочтение второму типу, пишет о его ключевом отличии от романа первого типа [45, с. 103]. По мнению В. Яна, прямое назначение серьезного исторического романа – быть «учителем героики, «правды и добродетели», не только снабжать героическими примерами, но и, погружая в прошлое, помочь осознать настоящее.

С. П. Бородин указывает на труды историков как на первый шаг в своем погружении в эпоху Дмитрия Донского. В связи с многообразием оценок одних и тех же событий разными историками писатель понимает, что должен сам обратиться к первоисточникам, чтобы правильно понять и почувствовать эпоху [5, с. 528–529]. Обращение к эпохе первых попыток освобождения от татаро-монгольского ига обусловлено исторической актуальностью темы. Начало Второй мировой, а затем и Великой Отечественной войны актуализировало тему захвата и уничтожения народов и их культур. Уже с конца 30-х гг. главенствующей для советского исторического романа становится военно-патриотическая тема. Она реализуется в романах «Козьма Минин» (1939) В. Костылева, «Севастопольская страда» (1939) С. Сергеева-Ценского, «Каменный щит» (1939) С. Хмельницкого, «Порт-Артур» (1940–41) А. Степанова и др. [26, с. 26–27]. По мнению С. П. Бородина, примеры из отечественной истории помогут лучше понять мотивы

вы и чувства завоевателей и их жертв. Изложение исторических событий, как отмечает С. П. Бородин, должно отличаться правдоподобием, в пределах исторической и бытовой достоверности должен находиться и вымысел. Включение материалов, не имеющих подтверждения в летописях, в роман допустимо, если они были бы возможны с точки зрения исторического процесса.

М. Д. Каратеев указывает на явную «ангажированность» некоторых памятников Куликовского цикла, стремящихся возвеличивать князей литовского происхождения среди прочих участников Куликовской битвы [18, с. 8]. Умевший работать с летописным материалом, М. Каратеев создал несколько исторических трудов, разъясняющих некоторые спорные исторические вопросы на материале древнерусских и европейских исторических документов [16; 17]. Обращение к эпохе Дмитрия Донского связано не только с авторским интересом, но и со слабой проработанностью темы возвышения Московского княжества. Эпоха, которую писатель выбрал для исследования, по его мнению, имеет особенно большое значение, поскольку именно с нее начинается выдвижение Руси «из феодального хаоса на великодержавный путь» [18, с. 7].

Материал древнерусских текстов становится основой сюжета исторического романа. В этой ситуации можно говорить о следовании исторической логике (и логике конкретного первоисточника) или о ее нарушении. На материале упомянутых нами романов работу по определению соответствия исторической «правде» провел историк В. В. Каргалов в своих книгах «Древняя Русь в советской художественной литературе» и «Московская Русь в советской художественной литературе». Исследователь отмечает очевидное авторское переосмысление исторического материала в романе В. Яна «Батый» на двух уровнях: сюжета и системы образов. В. Каргалов отмечает некоторые нестыковки в последовательности событий монгольского похода на Русь, масштабы и оценки стратегической значимости отдельных эпизодов похода. Так, исторически более масштабной и стратегически важной осаде Коломны в романе уделяется куда меньше места, чем взятию Владимира [19, с. 133–136]. Взятие стольного города подготавливается и описывается куда более драматично, вплоть до попыток автора проникнуть в область чувств и переживаний княжеской семьи, защитников города. Наравне с завершившейся разгромом русского войска битвой на реке Сить взятие Владимира в романе является одной из кульминационных точек сюжета. Можно предположить, что такая смена акцентов связана с особой разработанностью линии великого князя Юрия Всеволодовича – могучего и опытного воина и правителя, который, тем не менее, в ро-

мане излишне самоуверен и недалновиден. Ослепленный прошлыми военными успехами и переоценивающий собственные знания военных «привычек» степняков, он упускает последнюю возможность согласовать разрозненные попытки удельных князей противостоять монголам. Его образ включает в себе причины поражения русских войск и установления ордынского ига.

Некоторое искажение исторического материала историк отмечает и в образе предводителя монголов Батые. Как отмечает Каргалов (с опорой на древнекитайскую историю «Юань-Ши» и сочинение персидского историка Рашид ад-Дина), уже за 5–6 лет до событий, описанных в романе «Батый», Бату-хан был объявлен старшим среди ханов-чингизидов и не являлся тем гонимым беглецом, каким он предстает в начале романа. В связи с этим и эффектная сцена его избрания в качестве «джинангира», первые неудачи и непризнание его права на титул «властителя Вселенной» другими чингизидами не имеют под собой исторической подоплеку [19, с. 129–130]. Предположим, что подобный акцент в образе Бату-хана обусловлен стремлением автора, с одной стороны, показать зачатки будущей ордынской «замятни», а с другой – вывести в романе классический образ героя, преодолевающего многочисленные препятствия на пути к следующей ступеньке «карьерной лестницы». Подобный образ встраивался в авантюрно-развлекательную сюжетную линию исторического романа.

Среди древнерусских текстов, послуживших источниками для романа «Батый», В. Ян называет «Сказание о нашествии Батые», входящее в состав рукописного сборника XIV в. [46, с. 521]. Текст «Сказания о нашествии Батые» (именно с таким названием) упоминается в работе Д. Иловайского «История Рязанского княжества» (на эту работу ссылается А. Ю. Якубовский в одной из первых своих работ «Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.)» (1937), с которой, по видимому, и был знаком В. Ян [43, с. 147, сноска 1]). Сам сюжет памятника (в пересказе Иловайского) состоит из нескольких частей («рассказов»): рассказ о Корсунской иконе, повесть о гибели Рязани под мечами завоевателей, приписка о «роде поповском». Исследователь указывает и на данные сборника в своей работе (цит.: «Взято изъ рукописнаго сборника XVI столѣтія. Врем. И.О.И. и Д. № 15. Сообщ. В. М. Ундольским») [14, с. 127]. По указанному содержанию и данным о сборнике мы обнаружили подобный текст, который относится к основной редакции (Б, первого вида) цикла повестей о Николе Зараском: печатное издание по списку «В. Ундольского «Приход чудотворного Николина образа Зарайскаго, иже бе из Корсуны града в пределы Рязанские», Временник. Общ. ист. и древн. рос., XV, М.,

1852, Отд. III, с. 11–21» [24, с. 280–281]. Данный список более поздний, чем тот, которым пользовался В. Ян, если его датировка верна (не XIV, а XVI в.). В списке рукописей, содержащих цикл повестей, указанного Д. С. Лихачевым, нет ни одного датированного XIV в. [24, с. 267–281]. Тем не менее «воинская» часть цикла однозначно датируется Лихачевым именно XIV в. [24, с. 258]. Поэтому можем с большей долей вероятности предположить, что именно цикл повестей о Николе Заразском (и прежде всего «Повесть о разорении Рязани Батыем») [24, с. 269] стал основным источником для В. Яна. Отдельные «следы» «воинской части» цикла узнаются в ряде эпизодов романа, которые не встречаются в других исторических древнерусских текстах, повествующих о татаро-монгольском нашествии. На летописные своды, которые содержат в себе рассказ об этих событиях, указывает ориенталист И. Н. Березин [2, с. 112, сноска 119], на труды которого опирался В. Ян [45, с. 522]. Среди таких оригинальных эпизодов, воспринятых Яном из «Сказания...», можно отметить эпизод о гибели жены рязанского князя Федора Юрьевича. Основной авторский прием состоит в расширении материала первоисточника.

Прежде всего, это наблюдается на уровне проработки персонажей. Во многом статичное изображение человека в литературе Древней Руси («человек-эмблема») было оживлено автором; средневековые персонажи обрели характеры. Так, эпизоды, связанные с участием рязанских князей, достаточно скудные и этикетные в первоисточнике, расширены автором за счет углубления в мир чувств и переживаний княжеской семьи. В этом отношении особенно показательным становится эпизод самоубийства княгини Еупраксии, после того, как она узнала о гибели мужа, князя Федора Юрьевича. В древнерусском тексте автору важен сам патриотичный порыв княгини (попытка защитить себя и своего сына от участи рабов) и его результат: «И ускори к благовѣрной княгине Еупраксїи, каза ей, яко нечестивый царь Батый убиль блаженнаго Князя Федора Юрьевича. Блаженная же Княгини Еупраксеа царевна, стоя в превысоцемъ храмѣ своемъ и держа любезное чадо свое Князя Ивана Федоровича постника, услыша таковы смертносныя глаголы и горести исполнены, и абие ринувся с превысокаго храма своего на среду земли и з сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ и заразися до смерти...» [34, с. 15]. Характер и сама личность княгини не интересовали древнерусского автора (о характере в литературе тогда не «знали»), поскольку не были исторически значимыми. В «Батые», напротив, автор уделяет внимание ее порывистому и живому характеру, который особенно ярко проявляется в эпизоде ее прощания с мужем перед тем, как он отправился в «посольство» к Батыю. Чем более живо и непосредственно ведет себя кня-

гиня в сцене прощания с мужем («Как мальчишка побежала она навстречу Феодору, сходящему с крыльца, и бросилась ему на шею»; «Дрожащими руками обняла она [мать Феодора] молодую невестку, и обе залились слезами» [44, с. 181]; «Евпраксия забилась в крике и плаче на руках старой княгини» [44, с. 182]), тем более сдержанно в эпизоде своей гибели («Евпраксия не закричала, не забилась в слезах и причитаниях. Молча повернулась и, прижимая к груди сына, вышла из горницы. Поднялась по витой лестнице в свой терем, подошла к окну, распахнула его и вместе с ребенком бросилась на черневшие внизу камни» [44, с. 211]). Соединение двух «сценариев» поведения – оживленного, достроенного автором, и сдержанного, как в первоисточнике, – позволило автору вызвать живой отклик в читателе, выделить еще одну грань в патриотическом пафосе романа.

Прием расширения материала первоисточника наблюдается и в области сюжета: автор точно следует материалу, воспринятому из летописных источников напрямую (И. Н. Березин в своей работе дает на них ссылки) или в пересказе (работы И. Н. Березина, А. Ю. Якубовского). Не только основной костяк событий, но и их отдельные характерные детали, описанные в летописях, встречаются и в романе Яна, например, указание на то, как княжича Владимира Юрьевича привели монголы в качестве пленника к стенам осажденного Владимира [22, с. 196–197; 44, с. 311–312]; замечание о том, что козельский «младенец-князь» Василий во время разрушения Козельска «в крови утонул» [15, с. 176; 44, с. 414]; и др. Обстоятельства смерти князя Василия напоминают о формулах, встречающихся в воинских летописных повестях и охарактеризованных А. С. Орловым. Эпизод с молодым князем, захлебнувшимся в текущей по улицам крови, содержит формулу, которая относится к группе «Кровь лилась по удолям какъ рѣка» [31, с. 21–22]. Достаточно стереотипная для воинской повести, В. Яна она могла привлечь своей яркой образностью. Введение эпизода исторического текста может дополняться цитатой из первоисточника, заключающей оценку события: «Некому было стонать и плакать, некому скорбеть о погибших, родителям о детях, детям о родителях, братьям о братьях – все вместе лежали мертвые» [44, с. 254] (Ср. в «Приходѣ чудотворнаго Николина образъ Зарайскаго...»: «нѣсть убо стонюща ни отцу ни матери о чадѣхъ, ни чадомъ об отцѣхъ и о матерѣхъ, ни брату о братѣ, ни ближнему роду; но вси вкупѣ мертви лежаша...» [34, с. 16–17]).

Скудность данных по периоду татаро-монгольского нашествия, представленных в древнерусских текстах, по признанию самого В. Яна, побудила его обратиться к материалу исторических сочинений и средневековых текстов Европы и Востока для понимания эпохи. По-другому сложились

обстоятельства у С. П. Бородина: выбранная им эпоха обеспечила его разнообразным «отечественным» материалом.

Анализируя роман С. П. Бородина «Дмитрий Донской», В. В. Каргалов отмечает, что в целом автор следует логике летописного материала. Тем не менее фактические неточности все же имеются. Наиболее интересной неточностью является введение в роман эпизода о строительстве каменного московского Кремля, которое затянулось у Бородина на одиннадцать лет, в то время как по историческим документам его построили за один год. Причем одна из башен, Тайницкая, была построена уже в 1367, а не 1378 г. [20, с. 108]. Поскольку история строительства этой башни связана с эпизодом казни князем мастеров, отстроивших ее, такое перемещение, по нашему мнению, было важно для раскрытия идеи романа. Как отмечает сам Каргалов, Дмитрий Донской у Бородина показан с учетом «феодальной сущности» его правления [20, с. 107]. Приоритетность «государственной безопасности» и жизни подготовленного воина над жизнью обычного пахаря или мастера-зодчего для него очевидна. Князь беспокоится о том, чтобы секрет башни не попал в руки татар, т. к. главный зодчий нового Кремля – перс, человек, по мнению князя, одной веры с татарами: «Значит, кому ковы куем, того и в ковачи берем?...» [4, с. 37]. Эпизод помогает выстроить линию одного из идейных противников Дмитрия – монаха-расстриги Кирилла, спасшегося строителя, несогласного с политикой князя. Возможно, перенесение даты строительства башни на одиннадцать лет вперед можно связать со стремлением автора максимально полно вывести на поверхность скрытый конфликт между рисками государственной политики и тем, как они отражаются на народной жизни. Нежелание Кирилла служить «угнетателю» отходит на второй план перед лицом государственной угрозы, объединяющей всех, но неприязнь не уходит совершенно (Кирилл князю: «Какие же мы братья? Я во прахе лежу, а ты на коне скачешь...» [4, с. 367]). Мы можем предположить, что эпизод с казнью строителей башни был необходим автору для того, чтобы внести в свой роман социальный конфликт между князем Дмитрием Ивановичем и Кириллом, сюжетная линия которого развивается параллельно линии московского князя. Мы видим, как чувство ненависти этого персонажа к великому князю отходит на второй план в условиях опасности для родной земли. В условиях актуальности темы защиты родины, автору, вероятно, было важно призвать забыть все возможные социальные недовольства и ринуться на защиту государства. Подобный конфликт, который базируется не только на моральном, философском, но, прежде всего, классовом расхождении является одним из характерных явлений исторических романов с 30-х гг. XX в. [26, с. 25, сноска 26].

Роман М. А. Рапова охватывает больший исторический период, чем «Дмитрий Донской» С. П. Бородин, равный в среднем двадцати годам (с 1359 по 1380 гг.). Касательно романа М. А. Рапова, В. В. Каргалов отмечает многочисленные заимствования из летописей, но все же выделяет некоторые изменения, внесенные автором в исторические детали. Среди неточностей в плане датировки событий, родственных связей ханов и ссылок на средневековые тексты, заметно одно нововведение: добровольное соглашение владимирцев не пустить на великое княжение тверского князя. В романе жители Владимира «миром» решают исполнить просьбу московского князя, радеющего за объединение разрозненных княжеств в одно сильное государство. В то время как в летописях московский князь «по всем городом бояре и люди привел к целованию не датися князю великому Михаилу» [20, с. 92]. Этот эпизод вписывается в сюжетную линию князя – объединителя русских земель, политические решения которого хоть порой и вызывают недовольство народа, но принимаются им как «прогрессивные».

Основными приемами встраивания отдельных фрагментов средневекового текста в роман становится цитата и пересказ эпизода. Вводимая цитата оформляется автором как фрагмент летописи или официального донесения. Наибольшее распространение подобное цитирование получило в романах М. А. Рапова и М. Д. Каратеева (у последнего цитируются не только летописи и повести, но и ярлыки великих ханов). Например, в эпизоде романа, связанном с поимкой княжескими воинами новгородских ушкуйников, приводится фрагмент неназванной летописи: «Монах заточил перо и уже черным цветом, не торопясь, стал выводить: «...лето 6868 из Великого Новгорода разбойници приидоша в Жукотинь, и множество татар побиша и богатства их взяша и за то разбойничьство христиане пограблени быша в Болгарах от татар. То же лета князи Жукотинстии поидоша в Орду ко царю и биша челом царю, дабы царь оборонил себе и их от разбойников, понеже много убийства и грабления от них сотворяшеса беспрестани...» [35, с. 88–89].

Описание подобных событий разной степенью схожести встречается в Новгородской IV летописи, Софийской I летописи, Воскресенской летописи, Московском летописном своде, Симеоновской летописи. Однако дословное сходство в оформлении эпизода мы наблюдаем в тексте Никоновской (Патриаршей) летописи, дополняющей имена князей, активно «поучаствовавших» в поимке ушкуйников (Ср.: Того же лѣта изъ Великаго Новгорода разбойници приидоша в Жукотинь, и множество татаръ побиша и богатства ихъ взяша и за то разбойничьство христиане пограблени быша въ Болгарехъ отъ татаръ. Того же лѣта князи Жукотинстии поидоша во Орду ко царю и биша челомъ царю, дабы царь оборонилъ себя и ихъ от разбойни-

ковъ, понеже много убійства и грабленія от нихъ сотворяшесе беспрестани <...> князь велики Дмитрей Константиновичъ изъ Володимеря, и братъ его <...> Адрѣй Константиновичъ<...> и поимаша разбойниковъ...») [29, с. 232].

М. Рапов выдвигает и свою версию причин тенденциозности средневекового текста. В качестве примера можно привести размышление тверского летописца о том, как стоит отразить события конфликта князя Михаила Тверского с Дмитрием Московским. Прочитав текст московской летописи (где конфликт отражен), монах находит его слишком крамольным и решает умолчать о подробностях княжеской междоусобицы: «В лето 6878 по многыя ночи бысть знаменія на небеси, небо аки кроваво и столпы по небу. На ту же зиму прииде Ольгерд Литовский князь к Волоку и с Волока к Москве на Николин день...» [35, с. 439].

Другим приемом, использованным автором, становится пересказ эпизода, в частности фрагмента о жестокой казни татарами русских князей после разгрома в 1223 г. на реке Калке. Он сюжетно связан с эпизодом поездки юного князя Дмитрия в Орду за ярлыком на княжение. Если в средневековой литературе сон накануне важного события мог предсказывать грядущий поворот событий и выступать в тексте как элемент этикета [38, с. 31], то в романе сон – отражение не будущего, а прошлого. Он, во-первых, концентрирует в себе воспоминание о первом поражении русских от татарского войска (своего рода начало «закабаления»), а во-вторых, является следствием усталости и сильных переживаний как самой княгини (отпустила малолетнего сына «в пасть зверя»), так и всей русской земли:

Таблица 1

Гибель князей в битве на Калке в «Зорях над Русью» М.А. Рапова и Летописных повестях о монголо-татарском нашествии

<i>«Зори над Русью» М. А. Рапова</i>	<i>Летописные повести о монголо-татарском нашествии</i>
«Но в тревожных снах княгини Орда — это кровь замученных князей русских. <...>На окровавленном поле пьяная от кумыса и победы орда, и где-то вверху, на досках, покрытых пестрыми коврами, беснующиеся в нечестивом ликовании эмиры и мурзы. Дикий посвист, дикие крики, а снизу, из-под помоста, чуть слышный хрип князей русских...» [35, с. 100]	«А князей издавиша, подкладше подь дошки, а сами на верху сѣдоша обѣдати; и тако издохошася и животь свой скончаша.» [23, с. 116]

Целью включения в текст романа цитат из литературного произведения может быть стремление автора создать культурную и историческую преемственность, передать дух эпохи. Например, в текст романа вводится цитата из «Слова о полку Игореве»: «Светлое и пресветлое, пошто горячие лучи свои простерло над нами?» [35, с. 184] (Ср. из плача Ярославны: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! <...> Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои...» [37, с. 264–266]). Включенная в роман М. А. Рапова, она, вероятно, связана с желанием автора вставить свой роман литературный контекст, отразить эпоху и мировоззрение человека XIV в.

Несколько иную цель, по нашему мнению, преследует цитата из «Задонщины», включенная автором в финальный эпизод его романа. По завершении Куликовской битвы защитники русской земли остаются на поле брани, помогая раненым и прощаясь с умершими воинами. Рапов вводит в систему образов романа и образ предполагаемого автора «Задонщины», Софония Рязанца, который именно на поле завершившейся битвы и начинает создавать свое произведение [11]. После завершения битвы один из ее участников – Софоний – под влиянием нахлынувших чувств произносит несколько строк: «Игнатий увидел Софония, старик, прикрыв глаза рукой, глядел в небо, шептал: «О жаворонок-птица, красных дней утѣха, взлети под синие небеса, воспой славу...» [35, с. 731]. (Ср. в «Задонщине»: «Оле жаворонок, лѣтняя птица, красных дней утѣха, возлѣти под синие облакы, посмотри к силному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю...» [13, с. 106]). В сноске к этому эпизоду автор напрямую связывает поражение полков князя Игоря (следствие раздробленности Руси) и победу над Ордой в Куликовской битве (объединение княжеств).

Наибольшая свобода в области интерпретации материала средневековых текстов наблюдается при создании образов главных героев. Большая часть из них имеет прототипов в произведениях Куликовского цикла. Отдельно остановимся на двух персонажах: ратнике Фоме и воеводе Семене Мелике. Оба они фигурируют в «Сказании о Мамаевом побоище» как участники Куликовской битвы, но об обоих практически ничего неизвестно, кроме их «профессии» или факта участия в битве. В романе биография Семена Мелика развернута в самостоятельную сюжетную линию, не менее подробную, чем линия князя Дмитрия Московского. Семен на протяжении романа проходит путь от гридня суздальского князя до воеводы Дмитрия Донского. Путь, который приводит его на Куликово поле, связан с защитой семьи, в свое время пострадавшей от врагов. Автор сообщает о герое информацию личного плана, наделяет его индивидуальностью, чего

не могло быть в литературе Древней Руси. Также Семен Мелик в качестве родоначальника рода Милюковых упоминается в «Бархатной книге» [30, с. 345–346] и книге «Дворянского сословия Тульской губернии», в последней с указанием на обстоятельства его гибели на Куликовом поле [9, с. 181] (по-видимому, из «Сказания о Мамаевом побоище» информация и взята).

Фома Кацибей – персонаж во многих отношениях гораздо более интересный и специфичный. Разбойного вида Фома явно связывается автором с народной смеховой культурой. Плутводство и лицедейство проходят сквозь всю его биографию – от «подвигов» в качестве ушкуйника до эпизода, в котором он натягивает на себя шкуру козла для беспрепятственного возвращения домой после побега до ордынского плена. Фома знаменует собой иной, по сравнению с изначально «правильным» Семеном Меликом, его другом, путь воина и защитника земли [39, с. 74–77]. Можно предположить, что образ Фомы своим плутством и соположением для контраста введен рядом с ненаделенным этим качеством героем и отчасти восходит к архетипу трикстера, но, безусловно, не является его полным (гораздо более богатым на проделки) воплощением [27, с. 38–40].

Расширение исходного материала – это не единственный прием романистов. Им также становится переосмысление материала первоисточника. Особенно показательным в этом плане становится эпизод из романа «Богатыри проснулись» М. Д. Каратеева. Этот роман вызывает наибольший интерес в связи с его любопытной структурой. Он соединяет в себе три пласта материалов: собственно беллетристический пласт (роман), научный комментарий, основанный на данных первоисточников и цитаты из летописей и других памятников древнерусской литературы, введенные, например, как эпиграфы к главам. В связи с этим пространство романа существенно расширено: исторические комментарии, снабженные ссылками на первоисточники, предваряют художественное повествование. Наличие топографических карт, иллюстрирующих расположение сил монголо-татарского и русского войск, говорит в пользу научной точности работы. Однако это, прежде всего, исторический роман, который способен предложить авторское видение событий истории. Довольно оригинальный и судя по всему воспринятый из «Сказания о Мамаевом побоище» (далее – СМП) эпизод видения разбойнику Фоме Кацибейю в ночь перед Куликовской битвой полностью переосмыляется. В СМП он встраивается в провиденциальную линию, становится одним из эпизодов, предрекающих победу русского войска и закрепляющих «право» на эту победу: «В ту же ночь нѣкто муж, имянем Фома Кацибѣй, разбойникъ, поставлень бысть стражем от великого князя на рецѣ на Чуровѣ <...> Богъ откры ему в ночь ту видѣти видѣние вели-

ко. На висоцѣ мѣсте стоя, видѣти облакъ от вѣстока великъ зѣло изрядно приа, аки нѣкакиа плѣки, к западу идущѣ. От полуденныя же страны приидоша два уноши, имуща на себѣ свѣтлыи багряница, лица их сияюща, аки солнце, въ обѣихъ руках у них острые мечи...» И начаша их сѣщи и всѣх изсѣкоша, ни единѣ от них не избысть...» [32, с. 172]. В романе этот эпизод дан в реалистичном, ироничном и прагматичном ключе: заснувший в дозоре Фома придумывает видение святых в оправдание себе. Оно оказывается очень кстати для поднятия духа русского войска: «...сегодня нам твое «видение» вельми сгодится. С зарею будет тебе смена – ходи по полкам и всем пересказывай <...> Утром по всему стану только и судачили о том, что некоему святой жизни мужу, Фоме Кабычею, от Бога было в ночи знамение, чтобы русские люди шли в битву с верою без страха...» [18, с. 439–440]. Переосмысленный эпизод СМП встраивается в художественный мир романа, который, хоть и точно учитывает первоисточники, но создан в другую эпоху. Эпизод истолковывается в реалистичном ключе. Отметим, что общее бережное отношение автора романа к историческому источнику проявляется в сохранении элементов провиденциальной сюжетной линии. В частности, оставлен эпизод с напутственной речью, в которой Сергей Радонежский, благословляя на битву русское войско, «гарантирует» божественную помощь: «Иди смело и исполни долг, Богом тебе завещанный! Избрав тебя орудием своей всевышней воли, Господь не оставит тебя в решающий час...» [18, с. 409]. Автор отчасти следует идейной логике средневекового текста, оставляя и надежды героев на божественную помощь, и эпизоды молитвы великого князя.

Резюмируя, отметим, что изначальная тенденциозность и «непрозрачность» средневековых текстов зачастую понимается самими авторами исторических романов и даже обыгрывается в романах как одна из примет политической и культурной обстановки времени. В общем и целом, описание исторического события может строиться на летописных данных, в связи с этим в роман проникают как вполне правдоподобные, так и малодостоверные сюжеты и детали. Под влиянием идеологии, авторского замысла и авторской «подготовленности» в восприятии средневекового текста отдельные эпизоды, сюжетные линии или персонажи могут быть воссозданы почти дословно (эпизоды) или же переделаны под нужды времени.

1. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье / сост. и комм. В. В. Сапова. М.: Канон+, 2002.

2. Березин И. Н. Нашествие Батые на Россию // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Апрель. № 86. III отд. С. 79–114.
3. Блок М. Апология истории или ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко. М.: Наука, 1973.
4. Бородин С. П. Дмитрий Донской: роман. М.: Воениздат, 1987.
5. Бородин С. П. Дороги // Бородин С.П. Молниеносный Баязет. М.: Известия, 1976. С. 505–541.
6. Воробьева Н. Принцип историзма в советском романе // Советский роман. Новаторство. Поэтика Типология. М.: Наука, 1978. С. 350–389.
7. Голубков М. М. Утраченные альтернативы. Формирование монистической концепции советской литературы. 20–30-е годы. М.: Наследие, 1992.
8. Гуревич А. Я. История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавика: статьи разных лет. М.: РГГУ, 2005.
9. Дворянское сословие Тульской губернии. Тула: Тип. Губ. Правления, 1899–1916. Т. 2 (11) : [Алфавитный список дворянских родов с указанием важнейших документов, находящихся в делах разных фамилий Родословного архива Тульского дворянского депутатского собрания] / сост. В. И. Чернопяттов. М., 1908.
10. Диалоги о культуре и искусстве: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Пермь, 25–27 октября 2017 г.). Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2017.
11. Дмитриев Л. А. Задонщина // Словарь книжников и книжности Древней Руси URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3948> .
12. Добренко Е. А. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Munchen: Verlag Otto Sagner, 1993.
13. Задонщина / подг. текста, пер. и комм. Л. А. Дмитриев // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т.6: XIV – середина XV века. С. 104–119.
14. Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1858.
15. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб., 1843.
16. Каратеев М. Д. Арабески истории. Буэнос Айрес, 1971.
17. Каратеев М. Д. Из нашего прошлого. Исторические очерки. Буэнос Айрес, 1968.
18. Каратеев М. Д. Карач-Мурза. Богатыри проснулись: Исторические романы. М.: Профиздат, 1992.
19. Каргалов В. В. Древняя Русь в советской художественной литературе. Достоверность исторического романа. М.: Высшая школа, 1968.
20. Каргалов В. В. Московская Русь в советской художественной литературе. М.: Высшая школа, 1971.
21. Кларк К. Советский роман. История как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

22. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. СПб., 1846. С. 1–210.
23. Летописные повести о монголо-татарском нашествии / подг. текста, пер. и комм. Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. С. 92–131.
24. Лихачев Д. С. Повести о Николе Зараском // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. VII. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949. С. 257–406.
25. Лихачев Д. С. Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 96–112.
26. Лобанова Т. К. Исторические романы Василия Яна. М.: Наука, 1979.
27. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994.
28. Неканоническая эстетика. Вып. V: Все нелепицы мира: Абсурд в литературе и искусстве: сб. статей. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2019.
29. Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 10. СПб., 1885.
30. Новиков Н. И. Родословная книга князей и дворян... (Бархатная книга): [в 2-х ч.]. М., 1787. Ч. 2.
31. Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Имп. О-во истории и древностей при Моск. ун-те, 1902.
32. Основная редакция Сказания о Мамаевом побоище / подг. текста В. П. Бударagina и Л. А. Дмитриева, пер. В. В. Колесова, комм. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV – середина XV в. СПб.: Наука, 1999. С. 138–190.
33. Петров С. М. Русский советский исторический роман. М.: Современник, 1980.
34. Приход чудатворнаго Николина образа Зарайскаго иже бѣ изъ Корсуня града въ предѣлы Рязанскіе // Временникъ Императарскаго Московскаго общества историі и древностей российских. Кн. 15. М., 1852. С. 11–22.
35. Рапов М. А. Зори над Русью: Повесть лет, приведших Русь на Куликово поле. Ярославль: ЛИЯ, 1993.
36. Россия. Запад. Восток. Культурные связи: Документы и материалы из собраний Пушкинского Дома: Альбом / отв. ред. М. Ю. Коренева; подг. текстов и комм. И. В. Аршиновой, В. Е. Багно, А. В. Волкова, В. А. Ведюшкина, Н. А. Дроздова, К. Б. Егоровой, П. Р. Заборова, М. Ю. Кореновой, К. С. Корконосенко, Е. О. Ларионовой, С. А. Лунца, М. Э. Маликовой, Е. А. Митник, Г. Р. Монаховой, С. А. Степиной. СПб.: Нестор-История, 2018.
37. Слово о полку Игореве / подг. текста, пер. и комм. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 254–267.

38. Соколова Л. В. Сон Святослава // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5. Слово Даниила Заточника–Я. Дополнения. Карты. Указатели. 1995. С. 30–39.
39. Тубылевич Р. Е. Приемы интерпретации образа исторической личности и событий XIII–XV веков в русских исторических романах 40–50-х гг. XX века («Дмитрий Донской» С. М. Бородина, «Зори над Русью» М. А. Рапова) // Вестник Сыктывкарского университета. 2019. Вып. 2(10). С. 64–79.
40. Филиппчикова Р. Л. Функция документа в историческом романе // Исторический роман в литературах социалистических стран Европы. М.: Наука, 1989. С. 214–239.
41. Черноиваненко Е. Литературный процесс в историко-культурном контексте. Развитие и смена типов литературы и типов литературно-художественного сознания в русской словесности XI–XX вв. Одесса: Маяк, 1997.
42. Эко У. Средние века уже начались / пер. с итал. Е. Балаховской // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 257–268.
43. Якубовский А. Ю., Греков Б. Д. Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). Л.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941.
44. Ян В. Г. Батый. М.: АСТ, 2003.
45. Ян В. Г. Путешествие в прошлое // Вопросы литературы. 1965. № 9. С. 99–116.
46. Янчевецкий М. В. От составителя // Ян В. Г. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Правда, 1989. С. 515–525.

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ И «РУССКАЯ ВОЛЯ»

LEONID ANDREEV AND «RUSSIAN WILL»

Во второй части работы «Леонид Андреев и «Русская воля» в полном объеме рассматривается публицистика, в которой представлена андреевская концепция революции, вступившая в конфликт с реальной исторической практикой. Анализируются поставленные в ней важнейшие историко-философские и общекультурные проблемы: народная масса как двигатель исторических событий, деятельность «героя» и психология толпы, судьба личности в революции, соотношение революции и бунта. В результате делается вывод, что круг вопросов, затронутых Андреевым в его публицистике, выходит далеко за рамки социально-политической проблематики и вписывается в широкий контекст национального взгляда на русскую историю и особенности русского культурного сознания, актуализированный революцией 1917 года.

Ключевые слова: революция, бунт, массовая психология, теория «героя» и толпы, народное сознание, «коллективный герой», личность.

In the second part of the article «Leonid Andreev and “Russkaya Volya (“Russian Will)”», the journalism of L. Andreev, which demonstrated his concept of revolution is considered. On a material of journalism 1916-1919 major historical, philosophical and cultural problems are analyzed. Destiny of personality in revolution, a ratio of revolution and revolt, features of Russian cultural consciousness combining the principles of freedom and anarchy. As a result of the analysis concludes: range of questions raised in Andreev journalism goes beyond social and political issues and fits into broader context of national views of history, and especially the national consciousness, that actualized the October Revolution.

Keywords: “Russian Will”, political journalism, revolution, revolt, anarchy, national consciousness, personality.

2. Русская революция в зеркале публицистики Л. Андреева

В короткий период революционного переворота, между февралем и октябрём 1917 года, вплоть до закрытия новой властью оппозиционных газет, русская публицистика переживает настоящий взрыв. «Несвоевременные мысли» М. Горького, «Взвихренная Русь» А. Ремизова, статьи А. Бло-

ка, письма и статьи В. Короленко, полемически тенденциозные газетные выступления З. Гиппиус и ее «Петербургский дневник» – далеко не полный перечень произведений, которые могли бы составить целую книгу о России в один из самых трагических моментов ее истории. Публицистика Леонида Андреева (прежде всего, статьи писателя в «Русской воле») занимает в этом контексте значительное место.

Андреев не только не был противником революции, но ждал ее, призывал ее и работал для нее. Как и многие его современники, представители так называемой образованной общественности, он связывал будущее России с коренным преобразованием страны. Он приветствовал «благодатный шумный дождь» Первой русской революции: «с тех пор ты дышишь, с тех пор все новое, еще не осознанное, но огромное, радостно-страшное, героическое. Новая Россия. Все пришло в движение, меняет контуры и линии, меняет образ» [13, с. 163–164]; «...ни одной мысли в голове не осталось, кроме революции, революции, революции, вся жизнь сводится к ней» [13, с. 161], – писал он в феврале 1905 года.

При этом андреевское понимание революции было широким и неоднозначным. Он видел революцию «малую» – ход внешних событий – «когда царям головы отрубают», и «большую» – перестройку всех форм жизни; «внешнюю» – когда меняется политическое устройство и политические учреждения, и «внутреннюю» – когда каждый человек и народная масса живет порывами свободы и творчества. И до конца остался приверженцем и пророком «идеальной», «внепартийной» революции, освобождающей творческую энергию личности. Андреев, как и большинство интеллигенции, с огромным энтузиазмом встретил февральские события. «Нынче – 27 февраля 1917 г. один из величайших и радостнейших дней для России», – записывает он в дневнике [4, с. 30]. Его статьи в «Русской воле» демонстрируют эволюцию осознания писателем происходящих событий, а также во многом пророческое предвидение им хода русской истории XX века.

«Русская воля», как и подавляющее большинство газет, с восторгом отозвалась на события Февральской революции 1917 года, восприняв ее как точку отсчета новой России. Стремясь поспеть за стремительно развивающимися событиями, газета начинает выходить дважды в день, приурочив к началу исторического переворота новый отсчет газетных выпусков. Мартовские номера «Русской воли» выходят под жирной шапкой: «Да здравствует революция!». Редакционные статьи пестрят заглавиями: «Великий праздник», «Власть народа», «Династия Романовых исчезла безвозвратно», «Революция в окопах». Бьющая через край восторженная экзальтация выплескивается высокопарными фразами и велеречивыми штампами: «С ве-

ликим праздником, русский народ!»; «Начинается новая жизнь новой молодой России, получившей новое крещение в купели свободы и очищенной от грехов царизма». «Россия должна стать, наконец, великой державой – семьей всех народов, ее составляющих и борющихся одинаково с царизмом за свое свободное бытие»; «Построим дворец свободы, достойный великой революции» [15, с. 1] и пр.

В этой атмосфере одна за другой выходят «факельные» статьи Леонида Андреева: «Памяти погибших за свободу», «Путь красных знамен», «Убийцы и судьи», «Призыв» и др. В них писатель выражает уверенность, что революция выведет Россию из провинциального феодально-крепостнического захолустья и превратит в страну, указывающую путь современной Европе. Он приветствует отмену смертной казни и считает, что теперь «можно гордиться, что ты русский». Он с презрением отзывается о Николае II и его окружении и воспеваает подвиг известных и неизвестных борцов, подточивших трон Романовых («Памяти погибших за свободу»). Поддавшись захлестнувшей общество эйфории всеобщего ликования, приветствует манифестации свободных граждан, «радостных, веселых и добрых». В статье «Призыв» пишет восторженные слова о свободе, новой красоте, радостном смехе: «Граждане! Манифестируйте! Манифестируйте! Ищите единомышленников, собирайтесь в толпы и идите на улицы, высоко неся красные знамена с начертанными словами. <...> Собирайтесь на митинги, спорьте, доказывайте, говорите резко и говорите все, что вам диктует свободный ум и свободная совесть...»¹

Несмотря на потрясшие Россию внутренние события, «Русская воля» продолжает отстаивать «оборонческую» позицию и поддерживать политику «войны до победного конца». Из номера в номер повторяются призывы: «На фронт!», «Нет спасения вне победы!». Меняется лишь публицистическая риторика: авторы газетных статей настойчиво пытаются внушить, что в новых условиях уже не безмолвная жертвенная масса, а «свободные граждане-солдаты» «под красными революционными знаменами» должны защищать родину; что главная задача – победив внутреннего врага – последнего абсолютного монарха, победить и врага внешнего.

Экспрессивный пафос андреевских статей первых месяцев революции неотделим от общего контекста «Русской воли», во многом определяя как редакционную политику, так и общий стиль и фразеологию публицистического контента. Писатель наивно полагает, что чаемое им перерождение солдатской массы в «вооруженный и воодушевленный народ» совершилось, что «свободных граждан» будет удерживать на фронтах не армейская

¹ Русская воля. 1917. № 75. Утр. вып. 22 апреля. С. 3.

дисциплина, но «любовь к свободе и вера в грядущее братство». Продолжение войны рассматривается им как возможность освобождения не только России, но и Европы от дома Гогенцоллернов и превращения ее «в единое братское целое». В этом он видит новую миссию России: «По всему фронту, обращенному к немцам, шире разверните красные победные знамена: пусть знает ныне всякий стреляющий германец, что стреляет он в свободу! И под священным знаком красных знамен несите [мир] и свободу поработанным народам!»¹ – призывает он в статье «Путь красных знамен».

Исследователями неоднократно высказывалась мысль, что судьба Леонида Андреева имеет не только историко-литературное значение, но в свете всей русской культуры XX века исполнена символического смысла. Она наглядно продемонстрировала столкновение утопии с жестокой логикой истории, что обернулось личной трагедией писателя.

Выдающийся социолог XX века Питирим Сорокин, бывший непосредственным участником революционных дней в Петрограде, указывал, что все великие революции неизбежно проходят три типические фазы. «Первая из них – короткая – отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и большими ожиданиями реформ, которые обещает каждая революция. Эта начальная стадия лучезарна». Но постепенно в человеке начинает просыпаться зверь, и короткая увертюра сменяется второй, деструктивной стадией. «Великая революция превращается в яростный вихрь, сметающий на своем пути все без разбора. Он безжалостно разрушает не только отжившие институты общества, но и вполне жизнеспособные, <...> уничтожает не только исчерпавшую себя элиту, стоявшую у власти при старом режиме, но и множество людей и социальных групп, способных к созидательной работе. Революционное правительство на этой стадии является грубым, тираничным, кровожадным. Его политика в основном разрушительна, насильственна и террористична» [18, с. 82]. Сорокин называл и третью, конструктивную стадию революции, когда она, уничтожив контрреволюционные силы, на обломках начинает строить новый социальный и культурный порядок и новую систему ценностей, включающие в себя наиболее жизнеспособные дореволюционные общественные институты. Однако самому Сорокину, так же как и Андрееву, суждено было стать свидетелями лишь первых двух. Хаос, бестолковщина, борьба политических партий и отдельных «вождей» за власть, опасность массовых расстрелов, большевики, германцы, «у булочной хвосты в 500 человек» – все, что увидел писатель, очень быстро разрушило его оптимизм. «Праздник души кончился.

¹ Русская воля. 1917. № 4. Утр. вып. 8 марта. С. 3.

Положение очень трудное и тревожное. <...> Жестокие будут дни», – записывает он в дневнике 2 марта 1917 г. [4, с. 31].

В эмиграции Андреев будет биться над разгадкой тех «темных законов» истории, в соответствии с которыми борьба за свободу оборачивается слепым разрушением и пугачевщиной. В 1918 году, читая роман о французской революции (Э. Эркман и А. Шатриан «История крестьянина», 1872), он записывает: «И до конца остается необъяснимым и необъясненным то, чего и никто объяснить не мог: как столь великолепно начавшаяся революция превратилась в голый поток грязи, крови и безумия? Или в этом сказывается самое существо человека, животного, в массе своей злого и ограниченного, склонного к безумию, легко заражаемого всеми болезнями и всякую, самую широкую дорогу кончающего неизбежным тупиком? <...> Начало любви, начало жизни, начало Римской Империи и русской революции – все начала хороши <...>. Начинает гений, а продолжает и кончает идиот и скотина» [4, с. 132]. Этот вопрос, не оставивший писателя многие годы, актуализируется в процессе мучительного и горького осмысления революционных событий.

«Русская воля» день за днем приобретает все более политизированный характер. Все пространство газеты заполняют стенографические отчеты съездов многочисленных партий и заседаний Государственной думы, сообщения с мест о захвате крестьянами помещичьих земель, вести с фронтов, известия о поражениях русской армии и братании на фронтах, обернувшихся кровью и многочисленными жертвами. В конце апреля с первой страницы газеты исчезает шапка «Да здравствует республика!». Вместо нее появляются заголовки: «Отечество на краю пропасти», «Революция на краю пропасти», «Призрак гражданской войны». Доктор В.Н. Белоголовцев пишет о двух ликах революционной русской жизни – светлом и темном, о великом русском расколе¹. Символом момента стали семечки. «Семечки, семечки, семечки <...>. Всюду, на площадях, на улицах, садах и бульварах – густые слои выброшенной из миллионов ртов шелухи»². Россия перестала быть домом. Она превратилась в проходной двор.

Хроника событий фиксирует свидетельства разрушения общего дома России: заявляют о своей автономии Азербайджан и Финляндия. Внимательно наблюдает газета за разворачивающимися событиями на Украине, где Универсал украинской Рады выдвинул идею создания единой Украины из двух расщепленных ее частей: русской и австрийской, объявив Россию и Австрию врагами. Вожжами разбушевавшейся украинской стихии стали

¹ Белоголовцев Н.В. Два лика // Русская воля. 1917. № 136. 10 июня. С. 3.

² Там же.

историк Грушевский и писатель Винниченко (до революции активно печатавшийся в центральных русских журналах и получивший известность как неуравновешенная революционно-авантюрная натура и ярко выраженный проповедник индивидуализма), сформулировавшие идею украинского национализма и самостийности. Дебаты по отделению Украины и Финляндии и декларация по украинскому вопросу, предполагающая предоставить Украине широкую автономию, вызвала кризис Временного правительства, когда из него вышли представители партии кадетов, отстаивавшие идею единой и неделимой России.

В это время всеобщего опьянения «свободой», понятой как вседозволенность и эгоистичное самоутверждение различных партий в их борьбе за власть, Андреев был одним из немногих, который думал о *России* и считал, что наступил тот момент, когда всем русским людям надо вспомнить о России. Много позже А. И. Солженицын в своей эпопее «Красное колесо» сказал: никто не был «единственно и исключительно за *Россию*», и потому Россия рухнула.

30 апреля 1917 г. Андреев буквально «кровью сердца» пишет статью «Гибель». Начиная ее лозунгом «Отечество в опасности!», он констатирует, что Россия «близка к смерти»: надвигающийся голод, разложение армии, бессильное правительство и – самое больное для него – развал державы, когда ее, ослабевшую, стали рвать на части: «решительно и резко отмежевалась Финляндия <...>. О чем-то большем, нежели автономия, говорит Украина. Странно смотрит Сибирь». «Кто еще? Кому еще так ненавистна Россия, что ни одной минуты не хотят быть вместе, требуют развода – от умирающей? – восклицает писатель. – Идите и бейте, рвите на клочья немогущую дуру, тащите ключи из-под подушки, тащите все, что можно. <...> Чего ее жалеть, когда она сама себя не жалеет! Чего ее хранить и навязывать ей какое-то спасение, когда она сама себя не хранит и слепо лезет в могилу, сама себе на тысячу голосов поет отходную!»¹ Готовый разделить выпавшие на долю отечества страдания, писатель уже в предвестие надвигающихся событий подает сигнал SOS: «Спасите Россию, спасите ее, живые и уже мертвые души»². Для самого Андреева эта статья была особенно дорога искренностью и болью. Уже в эмиграции в своем дневнике он вспоминал, как его жена читала только что написанную «Гибель» соредктору по «Русской Воле» Н. Гредескулу – и он плакал. «Было больно и страшно смотреть на его старое, вдруг откровенно, как у детей, исказившееся лицо и на эти крупные слезы» <...>. И я сам ходил по комнате и плакал» [4, с. 70]. В

¹ Русская воля. 1917. № 89. Утр. вып. 30 апреля. С. 3.

² Там же.

то же время он понимает, что его слово уже не обладает прежней силой воздействия.

Ощущение стремительного движения в пропасть предельно обостряется после событий 3–4 июля – первой попытки вооруженного большевистского переворота, когда большевики вывели на улицу толпу под лозунгами: «Долой войну!», «Долой наступление!», «Долой Временное правительство!». «Пробил час. Спасайте Родину!» – под такой шапкой теперь выходят номера «Русской воли». Страницы газеты изо дня в день демонстрируют, как страна погружается в хаос. Промышленный и правительственный кризисы, министерская чехарда, жестокие поражения на фронтах, разгромы помещичьих усадеб и дикие грабежи, буйства солдат на фронте и в тылу. Утопические надежды Андреева на Россию, несущую другим странам революцию и свободу, терпят крах. «Русская революция – не пример для других народов, – с горечью констатирует публицист, скрывшийся под инициалами А.Д. – Вы знаете, какое впечатление мы производим на других? Впечатление неисправимых варваров, взбунтовавшихся рабов, а уж никак не учителей политической и социальной мудрости»¹.

Самым больным вопросом стало разложение армии. Писатель В. Муйжель, бывший военным корреспондентом, в своей постоянной рубрике «Война» с горечью констатировал, что солдат, оставленный ныне без палки, без угрозы расстрелом, без окрика офицера, покатился с фронтов неостановимой массой – «распоясанный, без шапки, босой, разленившийся за месяцы ничегонеделания <...> святой негодяй, несамостоятельный даже в своих решениях. <...> Бессознательно мстя за годы тьмы, презрения, заброшенности, тоски, унижения, за годы рабства и слепоты, в которой сам, быть может, и не был виноват, подвергая всю страну в трепет ужаса и негодования. <...> И попер, не пошел, а попер, громя встречные города, сминая на своем пути все мешающее, – босой, растрепанный, почти дикий»². «Оздоровление армии – вопрос жизни и смерти страны и революции»³, – писал профессор В. Бехтерев, предлагая вновь вернуться к железной дисциплине и очистить армию от разлагающего элемента. Не в силах остановить распад армии революционными лозунгами и призывами к патриотизму, Временное правительство, по предложению военного комиссара Б. Савинкова, пережившего потрясение от зверства распоясавшейся солдатской толпы при взятии галицийского города Калуша, в июле 1917 года восстанавливает в армии инсти-

¹ Бредни А.Д. // Русская воля. № 191. Утр. вып. 13 августа. С. 3.

² Муйжель В. Война // Русская воля. 1917. № 169. Утр. вып. 18 июля. С. 2.

³ Бехтерев В.П. Б/н // Русская воля. 1917. № 190. Утр. вып. 12 августа. С. 2.

тут смертной казни. И Леонид Андреев, автор прогремевшего на весь мир «Рассказа о семи повешенных» – самого страстного протеста против смертной казни как явления, противоречащего законам природы, принимает это решение как неизбежность.

После того, как из-за массового отказа солдат воевать было сорвано наступление русской армии на галицийском фронте под Тарнополем, что привело к окончательному разгрому русских войск 2 июля 1917 года, он пишет статью «К тебе, солдат!» (Русская воля. 1917. № 165. 14 июля). Писатель еще верит, что не все потеряно, что силой экспрессивного слова можно воздействовать на души. Он с болью говорил о том, что солдат, бывший когда-то красой, радостью и гордостью революции, увлеченный ложно понятой свободой, – стал ее проклятием, когда «носился по улицам на пьяных автомобилях и грозил ружьем наперевес женщинам и детям, и бахвалился, и уродничал, и хрипло кричал матерщину».¹ Проклятый народом, он превратился в труса, предавшего своих офицеров, товарищей, честь, Родину, и поэтому его ожидает позор и заслуженная кара. Эта одна из самых пафосных статей Андреева, переполненная риторическими вопросами, восклицаниями, обращениями, взывала: «Встань же, солдат. Поднимись из праха, открой нам и Богу свое человеческое лицо. <...> Родина умирает. Родина зовет тебя. Встань, милый солдат!»². Ввиду особой значимости статья была перепечатана дважды: в утреннем и вечернем выпусках «Русской Воли», по предложению читателей был объявлен сбор пожертвований для дополнительного напечатания статьи и ее широкого распространения. Статья была выпущена отдельно в виде листовки и неоднократно перепечатывалась (например, в кронштадской газете «Труд и земля» (1917. № 72. 19 июля. С. 3), в книге «К тебе, солдат» и другие очерки для солдатских чтений» (Иркутск, 1917)³. Она вызвала активную читательскую реакцию, нашедшую выражение в противоречивых откликах, опубликованных в нескольких номерах «Русской воли».

«С болью в сердце, со слезами на глазах читал я сегодня статью, вылившуюся в вопль измученной души нашего великого писателя Леонида Андреева «К тебе, солдат», – писал некто «солдат Чернов». Говоря об особой важности живого писательского слова, противостоящего волне большевистских «окопных», «солдатских» и всяких «неправд», превративших сол-

¹ Русская воля. № 165. Утр. вып. 14 июля. С. 2.

² Там же

³ Дэвис Р., Хеллман Б. Примечания // Леонид Андреев. S.O.S.: Дневник (1914–1919; Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919) / вступ. статья, сост. и прим. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 520.

дат в предателей «не по своему разумению, а потому что они не ведают, что творят», он обращался к Андрееву: «Пишите чаще, дорогой писатель, сейте разумное, доброе, пусть ваши живые слова проникнут глубже в темную солдатскую душу, пусть вызовут они слезы на заскорузлых обветренных лицах, пусть они зажгут светлый огонь долга перед Россией»¹.

«Я – один из тех, кому особенно больно видеть нашего милого и негодя солдата, потому что всю жизнь я посвятил ему, – писал отставной офицер Борис Филатов. – В Вас я, наконец, услышал то, чего не смел никто сказать солдату, и не могу не приветствовать Вашего подвига»².

Были и противоположные высказывания. Так, к примеру, подписавшийся «с почтением и с любовью читающий все Ваши произведения генерал-лейтенант в отставке», протестовал против того, что Андреев называл солдата рабом, задавленным постоянной муштрой, битым при самодержавии розгами и палками, оценив это как оскорбление русских офицеров. Резкое несогласие содержало коллективное обращение «К тебе, Леонид Андреев» солдат Запасного артиллерийского дивизиона, которые на специально созванном митинге признали статью «гнусной и несправедливой». Заявление, явно составленное агитаторами, отмеченное всеми штампами большевистской пропаганды, гласило: «Протестуем против таких направлений мысли и твердо помним, что не мы предатели, солдаты, а предатель своей родины торгово-промышленный капитал и буржуазная пресса, во главе с «Русской волей» и ее сотрудниками протопоповской закалки. <...> Сожалею, что Вы до сих пор не разделяете участи с ними, но надеемся, что Вы таковую скоро заслужите подобными статьями. Такой бесстыдной лжи не писала даже суворинщина и не проявляла марковщина. Ваша статья <...> опустилась ниже хулиганской выходки»³.

В следующем номере газеты содержался ответ на это заявление. «К тебе, человек, Леонид Андреев», – обращался солдат К. Дорошевич, переживший войну и побывавший в немецком плену. Незатейливыми словами благодаря за статью и признавая ее справедливость, он писал: «Статья эта <...> не нравится лишь предателям Родины. Тем, кто протестует против нее, надо идти на фронт, а не устраивать митинги по поводу газетных статей, болтать без конца и стращать крепостью. Позор для трусов 2-го артиллерийского дивизиона. Честь и хвала человеку, Леониду Андрееву, от всех

¹ Русская воля. 1917. № 166. Утр. вып. 15 июля. С. 6.

² По поводу статьи «К тебе, солдат» // Русская воля. 1917. № 175. Утр. вып. 26 июля. С. 5.

³ Там же. С.5.

честных, понимающих свой долг солдат»¹. Несмотря на бурное обсуждение, практического результата статья не возымела.

23 августа была потеряна Рига, и немцы вплотную приблизились к Петрограду. «"Немецкие товарищи" гонят русскую революционную армию, как стадо»², – констатировал А. Александров. Через день очередной номер газеты выходит с редакционной статьей без подписи, но явно принадлежащей перу Андреева (ее положения он повторит в более поздних авторизованных статьях). Задавая вопрос, почему русская армия терпит одно за другим сокрушительные поражения, он усматривает причину в неустойчивости армии, в превращении ее в толпу, лишенную физической и идейной организации. Но при этом считает, что виноват не народ, одетый в серые солдатские шинели, а «виноваты те, кто принесли ему, темному и невежественному, проповедь интернационализма, проповедь классовой борьбы, проповедь материализма», которые народ принял за чистую монету. Андреев первым ставит вопрос о вине интеллигенции за происходящее в России. «Пришел час расплаты за нашу умственную безответственность. Мы умственно и нравственно сбили народ с толку, мы расстроили весь наш политический и социальный механизмы, мы расстроили народный труд, мы расстроили армию. Мы – умственные и нравственные вожди, мы – во всем виноваты. Нам и нужно встать на колени перед народом и всенародно перед ним покаяться.

Социалистические газеты ищут причины поражения в предательстве генералов. «Русская воля» говорит правду «в этот грозный час русской истории», и ее сейчас же провозгласили ненавистницей народа.

Но правда гласит: «Не народ, не солдаты, не армия во всем этом виновата. Сбывается на наших глазах евангельская притча о соблазнении “малых сих”»³.

«Русская воля», ранее безоговорочно поддерживавшая Временное правительство, начинает его беспощадную критику. «Бесплодное, неумелое, без знания дела метание вместо последовательного государственно-военного строительства, демагогические выкрики вместо трудового призыва к правде и гражданскому долгу, возрастающая дезорганизация войска вместо стройной дисциплины, беспорядочная погоня за внутренним вра-

¹ По поводу статьи «К тебе, солдат!» // Русская воля. 1917. № 177. Утр. вып. 28 июля. С. 5.

² Александров А. Добивают // Русская воля. 1917. № 199. Утр. вып. 23 августа. С. 2. В.Н. Чуваков высказал предположение, что под псевдонимом А. Александров также выступал Л. Андреев [1.]

³ Русская воля. 1917. № 201. Утр. вып. 25 авг. С. 2.

гом, за контрреволюцией и изменой вместо признания и исправления собственных ошибок»¹, – так характеризовалась его деятельность. Меняется оценка ведущих политических деятелей, прежде всего А. Ф. Керенского. Восторженные оценки его личности: «живое чудо», «светлый юноша революции», «гордость России», сравнение его бескорыстного служения революции с подвигом Жанны д'Арк – сменяются констатацией неспособности обуздать стихию, непоследовательности, высокопарного пустословия. Отмечаются случайность и безличность предводителей, выброшенных наверх революционной волной. «Скоморох революции» – так называет Андреев главу партии социалистов-революционеров В. Чернова. На страницах газеты все чаще появляется новое имя – «большевики». Сначала упоминавшиеся вскользь, с долей легкого презрения как явление, недостойное внимания, они все больше и больше начинают вызывать опасение своей злобной риторикой, жесткой линией поведения, пренебрежением судьбой России. «Эти люди, верша судьбы России, не задумываются, не хотят и не могут думать о последствиях того, что они делают», – с опаской констатировал В. Самойлов, отмечая, что они «заняты своим, исключительно своим личным делом».²

В публицистике Андреева 1916–1917 гг. нет обобщающей картины событий и рационального объективного анализа. Она захватывает остротой переживания, силой непосредственной авторской эмоции, включением читателя в логику своих размышлений через приемы ораторской речи: риторические вопросы, рефрены и лейтмотивы, сочетание пафоса и иронии, элементов гротеска, пародии, шаржа. Сам писатель называл себя «публицистом-лириком», задача которого – непосредственное воздействие на души» [4, с. 328–329]. Но исключительная художественная интуиция – определяющее свойство андреевского таланта – позволяла ему прозревать глубинный смысл исторических явлений, чувствовать логику движения истории, предугадывая ее результаты. Писатель размышляет о вопросах философского и социально-психологического характера: судьбе личности в революции, законах поведения толпы, о свободе и воле, о характере русского бунта.

Леонид Андреев стал одним из первых, кто увидел, что «на подмостки театра истории выступил новый загадочный герой – «народь». При этом он прозорливо отметил принципиальное отличие этого нового «коллективного» героя от того, который изображала литература XIX века: «Не тот и не

¹ А. Д. Memento mori // Русская воля. № 202. Утр. вып. 26 августа. С. 2.

² Самойлов В. Герои и толпа // Русская воля. 1917. № 219. Утр. вып. 15 сентября. С. 2.

те народы, что «безмолвствуют» и всегда существовали как фон для героической личности – нет: народы действующие, совершающие, ведущие»¹. В программной статье «Перед задачами времени», открывавшей первый номер «Русской воли» за 1917 год, он утверждал, что все крупнейшие события нового века: Русско-японская война, Революция 1905 года, теперешняя мировая бойня – это «те взрывы, тяжелые повороты тяжелого тела и страшные потрясения, коими знаменуется выступление нового исторического героя», и задача литературы – «смело подойти к новому герою с его массовой психологией, массовой волей и доселе еще невиданными проявлениями последней в войнах и революциях» («Перед задачами времени»)². Он предсказал решающую роль, которую новому герою суждено будет сыграть в грядущих переворотах 1917 года.

А. Солженицын в романе «Март семнадцатого» – одном из «узлов» исторической эпопеи «Красное колесо», основываясь на исторических документах, подтвердит андреевское предвидение. Буквально по часам проследив ход событий 23–27 февраля, он покажет, как движение неуправляемой стихии, нарастающей, как снежный ком, не подчиняющейся ничьей воле человеческой лавины («толпа уже катила, неизвестно чьей головой и волей» [17, с. 439]; «...солдаты <...> оравой, ватагой, и каждый, куда хочет...» [17, с. 373]; «Шла толпа, ни к чему не прислушная, никем не судимая, ни за что не ответственная, не знающая никаких своих глашатаев и радетелей» [17, с. 362] – в несколько дней смело великую империю.

Андреев, увидев в начале революционных событий светлый лик освобожденного народа, очень скоро прозрел в нем звериный оскал толпы. «И где же эти люди – те, что сделали эту чудесную бескровную, весь мир поразившую светлую революцию, – восклицает он в статье «И снова рыцари на час». – Сильные своей массой, они грозят всякому, кто скажет им слово: совесть – они не хотят совести <... > Безумцы, жалкие слепцы! Гуляйте больше, кричите больше, спорьте и грозите, будьте счастливы сегодня, потому что завтра все от вас отнимется»³, – предрекает он в мае 1917 года.

Европейские позитивисты XIX века (Г. Тард, Э. Ферри, Ч. Ломброзо, Г. Лебон и др.), определявшие толпу как биологический организм с особыми физиологическими и психологическими факторами существования, главным из которых был закон массового подражания, считали революцию временем наибольшего проявления жестокости масс и выявления животной

¹ Русская воля. 1917. 1 января. № 1. С. 2.

² Там же

³ Русская воля. 1917. № 113. 14 мая. С. 2.

сущности человеческой природы. Ипполит Тэн в своем обобщающем труде «История современной Франции» показал, что именно «площадная толпа» была главной силой Великой французской революции. Он говорил о безумии народного восстания, когда рационалистические теории о царстве разума и все декларации прав человека рушатся, и разгул животных инстинктов возвращает граждан цивилизованной страны к первобытному состоянию [20, с. 181–199].

Андреев не раз ставил проблему соотношения «народа» и «толпы», сознательного и стихийного в психологии массы – в пьесах «Савва» (1906), «Царь-Голод» (1907), и особенно в рассказе-притче «Так было» (1906). В ней писатель, осмысливая события русской революции 1905 года, обращался к фактам Французской революции, пытаясь выявить законы любой революции, разработать универсальный архетип ее динамики, переживающей «приливы и отливы» настроений, создать некую ее «модель», «формулу», опираясь при этом на наблюдения историков и философов (прежде всего, Т. Карлейля и П. А. Кропоткина) о тождественности ритмических стадий всех революций.

В «Так было» Андреев запечатлел два облика народа: победное шествие предместий, двинувшихся защищать свободу («падающая лавина», «землетрясение», «зловещая стройность беспорядка»), и – «трепещущая страхом масса», «хаос и бессвязный гул» – злобно торжествующая при виде казни тирана – «Двадцатого» и тут же ревущая: «Да здравствует Двадцать Первый!». Сосредоточив внимание на «мистике власти» и «мистике рабства», Андреев утверждал, что свобода невозможна до тех пор, пока каждый человек не уничтожит внутри самого себя раба, который не любит свободу, но только «боится бича». В художественном произведении, написанном в 1906 году, Андреев пророчески предсказал движение событий, свидетелем которых стал в 1917 году.

Писатель учитывает биологические законы поведения толпы. «Поступки и действия отдельного человека могут быть рациональны или безумны. Выступления масс **всегда** психозепидимичны. По-видимому, это закон человеческого общежития. Государство, власть, революция – психозы!» [4, с. 120] – размышлял он в дневнике. Вместе с тем для него по-прежнему неизблема этическая традиция русской литературы, которая, по выражению Е.Н. Купреяновой, всегда воспринимала народ «как социальную субстанцию нравственного» [11, с. 232]. Поэтому в публицистике писатель традиционно пытается оправдать поведение толпы «фантастической» русской историей, веками рабства, утверждает, что самодержавие, которое царило тысячу лет, «исказило чистый лик русского народа, это оно, убивая граж-

данственность, свободу и совесть, творило миллионы явных и тайных рабов» [7, с. 310]. Однако уже через год Андреев приходит к жесткой самооценке: «Меня душевно вяжет и раздваивает привычное поклонение народу, культ революции. Я привык почитать рабочего только потому, что он рабочий, и мужика только потому, что он мужик. Это глупо, но почти непреодолимо. <...> Мне ясно: чем больше хочешь, чтобы чернь поднялась и стала людьми, тем беспощаднее надо быть к данной исторической черни, а привычка тянет к вреднейшей социальной сентиментальности и прекраснотушию [7, с. 166–167]. Андреев осуждает себя за общее с интеллигенцией увлечение наивной романтикой, нашедшей выражение в восторгах перед «бескровной» революцией: «Мы думали, что открывая двери зверинцев, все хлева и конюшни, ломая все загороди и выпуская истомленных в неволе зверей и скотину, мы немедля введем их в кабинет и в дружески серьезной беседе обсудим и постановим, как нам жить дальше» [4, с. 34].

Тем не менее в происходящем он винит не народ, не дикую толпу, выплеснувшуюся на улицы в революционные дни, но «революционную» интеллигенцию, предводителей революционных партий, оказавшихся неспособными управлять событиями. Непросветленность сознания делает, по его мнению, народ слепой игрушкой в действиях политических авантюристов. «Темный народ есть темный народ. Он ничего не знает и всему верит. Он в холеру громил бараки и докторов. <...>. С той же слепой верой он ныне, по подговору агентов Германии, провокаторов и честолюбцев, безумцев, корыстно жаждущих власти, готов громить Правительство, города, женщин, детей, друг друга. Как испуганные лошади, они не хотят выходить из горящей конюшни, как ошалелые бараны, они сами идут на стрижку», – пишет он в статье «К любящему Родину»¹.

В молодости Андреев испытал сильное влияние Н. К. Михайловского, сформулировавшего знаменитую теорию «героев и толпы»². Михайловский утверждал, что чем менее развито сознание, тем более масса склонна к слепому подражанию «герою», в равной мере способна и на благороднейший подвиг, и на самое жестокое преступление. Выход из противоречия между потенциальными духовными возможностями народа и биологическими законами поведения массы Михайловский усматривал в исторической деятельности «героев», которые направляют бессознательное движение масс и вносят в их действия начало разума и осознанное стремление к идеалу.

¹ Русская Воля. 1917. № 162. 11 июля. С. 2,

² Этому вопросу посвящены статьи Н.К. Михайловского 1882–1893 гг.: «Герои и толпа», «Научные письма», «Патологическая магия», «Еще о героях», «Еще о толпе».

Влияние идей Михайловского ощущается в рассуждениях Андреева: «Революция может ставить себе различные цели: ближе и дальше, – записывает он в дневнике. – Масса, народ этих целей не имеет и не знает: увлекаемая только революционной инерцией и своей тяжестью, она будет катиться до самого последнего края, до пропасти. Цели ставит разум и осуществлять их в дни революции может только *революционер*» [4, с. 34]. Отсюда огромная историческая и нравственная ответственность, которую возлагает писатель на подобных революционеров. Таковыми предстают, в его понимании, большевистские вожди, «умные мошенники и честолюбцы». Не останавливаемые никакими нравственными запретами, они ради реализации собственных корыстных целей цинично «жмут из массы свое масло» [4, с. 79]. Не народ, а большевики с их человеконенавистнической агитацией, родящей страх, подозрительность и злобу, положили, по его мнению, начало жестокости и крови. Народ же «был только орудием в бесчестных интеллигентских руках, как зверствующие стрельцы были лишь орудием Милославских и других бояр» [4, с. 125].

В происходящих событиях писатель с ужасом наблюдает утверждение «героя» – того, кто один поворачивает колесо истории и ведет народ в царство Дьявола. Таким «героем» представляется Андрееву Ленин – «самый подлинный и чуть ли не единственный революционер», обладающий «непреклонностью духа, жестокостью, революционной яростью».

На страницах «Русской воли» имя Ленина появляется в апреле 1917 года, после его возвращения из эмиграции в Петроград, и вначале упоминается исключительно в сатирическо-насмешливых тонах. Таков, например, фельетон В. Азова, иронически обыгрывающий факт проезда Ленина по территории Германии в «пломбированном» вагоне¹. Или карикатура «Германские способы ведения войны», представляющая Ленина в виде холерного эмбриона, внедренного Германией в здоровое тело России с целью ее распада². Пожалуй, ни одна газета не давала этой политической фигуре столь беспощадные характеристики, поддерживая распространенное мнение о Ленине как о германском шпионе (неслучайными представляются поэтому его ответные уничтожающие оценки). В публикациях «Русской воли» Ленин предстает как разрушитель России – «кандидат на бакунинский престол», призывающий к гражданской войне, олицетворение «грядущего хама», предсказанного Мережковским. В июле газета выступает с требованием суда над Лениным. Называя большевиков «опьяневшей и обезумевшей сектой», газета с недоумением и страхом констатирует расплыва-

¹ Русская воля. 1917. №40. Веч. Вып. 6 апреля. С. 1.

² Русская воля. 1917. №61. Веч. Вып. 13 апреля. С. 2.

ние «заразы большевизма» по России. «В русской жизни нет в настоящее время большего зла и большей опасности, чем большевизм Ленина и его товарищей»¹, – предупреждает на ее страницах известный своими революционными заслугами Вл. Бурцев.

Андреев раньше других современников, задолго до октябрьского переворота увидел в мало известной тогда фигуре Ленина будущего исторического триумфатора. В статье «Veni, creator!» («Гряди, победитель!»), написанной в сентябре 1917 года, Андреев нарисовал пророческую картину его прихода к власти: «Гремите военные оркестры! Вывешивайте флаги! Из красных полотнищ стройте триумфальные арки! Громче и веселее кричи, праздничный народ: в твой мрачный город вступает завоеватель! По июльским трупам, по лужам красной крови, вступает завоеватель Ленин <...> – громче приветствуй его, русский народ!»². Пытаясь разгадать загадку его фантастического воздействия на массы, он видит ее в ленинской «трагической» демагогии, обращенной к архетипическому, самому примитивному, первобытному началу в человеке. «Ленин <...> прямо взывает к зверю в человеке, он открыто приглашает его вырваться из клетки и начать работать зубами и когтями» <...>. И его слушатели или читатели, под влиянием его статей, мрачно сжимают кулаки, готовые немедленно броситься на ненавистных буржуев» («Скоморох революции»)»³.

Фигура Ленина, в представлении Андреева, приобретает гротесковые очертания в той художественной функции гротеска, когда последний становится способом изображения «непознанного» – темных, грозных сил, роковым образом вторгающихся в жизнь людей. «Маленький и даже щуплый» Ленин, который «встал над миллионами», в глазах побежденного им русского народа становится «выше Александровской колонны». «Прямота и откровенность злодея», которую Андреев подчеркивает в Ленине, его каменная непреклонность («неподвижен и прям, как гранитная скала»), простота, доведенная до наготы, – вызывают неизбежные ассоциации с фантастическим «сверхтипом» (Д. Николаев) щедринского Угрюм-Бурчеева - лишённого человеческих реакций истукана, превзошедшим всех глуповских градоначальников неиссякаемой энергией, направленной на претворение в жизнь идеалов «прямой линии» и всеобщего равенства перед шпицрутеном.

Для Андреева фигура Ленина столь же эмблематична; он квинтэссенция циничной идеологии большевизма, осуществляющей великий экспери-

¹ Русская воля. 1917. № 159. Утр. вып. 4 июля. С. 2.

² Русская воля. 1917. № 219. Утр. вып. 15 сентября. С. 2.

³ Русская воля. 1917. № 211. 6 сент. С. 2.

мент над Россией. В нем писатель подчеркивает то же сочетание человекоподобия и бездушной механистичности, равнодушие «к земному и человеческому», «великое презрение к людям». У обоих писателей фигура властителя, как созданного творческим воображением, так и реального, приобретает сатанинские очертания. В «Истории одного города» Угрюм-Бурчеев непосредственно соотносится с Сатаной, стоящим на ступеньках адского трона «с повелительно простертою вперед рукою и с мутным взором, устремленным в пространство» [16, с. 430]. Те же ассоциации возникают в андреевской характеристике Ленина: «Уже нет человеческих черт в твоём лице; как хаос клубится твой дикий образ, и что-то указывает позади дико откинута черная рука»¹.

Описание выступления Ленина в покоренную Россию сравнимо с загадочным щедринским «Оно», которое подобно тьме, ливню и смерчу обрушивается на глуповское государство и свидетельствует о наступлении непонятного и зловещего – того, что враждебно жизни, человеку, народу, общественному развитию: «Север потемнел и покрылся тучами; из этих туч *не-что* неслось на город <...> Полное гнева, *оно* неслось, бурвя землю, грохоча, гудя и стеноя <...> Хотя *оно* было еще не близко, но воздух в городе заколебался, колокола сами собой загудели, деревья взъерошились, животные обезумели и метались по полю, не находя дороги в город. *Оно* близилось, и по мере того как близилось, время останавливало бег свой. Наконец, земля затряслась, солнце померкло <...> глуповцы пали ниц» [16, с. 180]. Андреев, используя щедринские аллюзии, почти буквальные словесные повторы, создает поистине эсхатологическую картину: «Вот ты уже над городом, как дымное облако пожара. Вот ты уже, как черная туча, простираешься за горизонт и закрываешь все небо: черно на земле, тьма в жилищах, безмолвие, как на кладбище. <...> «Горе побежденным!». И так же как Угрюм-Бурчеев у Салтыкова-Щедрина – предвестие апокалипсических перемен в истории Глупова («Идет некто за мной, который будет еще ужаснее меня»), так и Андреев, подобно Кассандре, пророчески предрекал, что приход Ленина – лишь начало страшных испытаний, которые суждено пережить России в XX веке. За его спиной встает тень преемника-тирана: «Или ты не один? Или ты только предтеча? Кто же еще идет за тобою? Кто он, столь страшный, что бледнеет от ужаса даже твое дымное и бурное лицо?»

Густится мрак, и во мраке я слышу голос:

– Идущий за мною сильнее меня»².

¹ Русская воля. 1917. № 219. Утр. Вып. 15 сентября. С. 2.

² Там же.

Андреевское осмысление образа Ленина и большевизма оказало влияние и на оценки других публицистов. Любопытна в этом смысле статья В. Тана-Богораза «Российский Мефистофель», в которой обнаруживается не только андреевская концепция Ленина и большевизма как сатанинского начала, но и сам прием рецептивного восприятия данной фигуры через устойчивое впечатление от художественного образа. Внешне она представляет собой рецензию на гастролы Ф. Шаляпина, но созданные великим певцом образы помещены в современный социально-политический контекст. Знаменитый шаляпинский Мефистофель вызывает у эссеиста ассоциации с сатанинским смыслом большевизма. «Со сцены глядит на меня воплощенный большевик, темно-огненный, угловато-могучий, сатанински-насмешливый, сатанински-соблазняющий. <...> Гляжу на эту сатанинскую физиономию и вспоминаю Троцкого». Среди шаляпинских театральных масок Тан выделяет и еще одну, пророческую – это Ерошка. В данном случае автор имел в виду разухабистую песню Еремки («Широкая масленица, ты с чем пришла?») из оперы А. Н. Серова «Вражья сила», – один из артистических шедевров Шаляпина. В нем артист, переходя от ликования к угрозе и ужасу, выразил и хитрость, и удаль, и ощущение трагедии – все, что характерно для русской народной анархической стихии. В представлении Тана, именно такой Ерошка, у которого за голенищем нож, а в руке бутылка, сейчас по всей России справляет широкую кровавую масленицу, «с дымом пожаров, с кровью, с грабежом». «Подождите немного – и будет из масленицы целая кровавая баня, – предупреждает автор. – Умоется Россия из Ерошкиных рук, без щелока, без мыла, без воды, – собственной кровью своей умоется Россия.

Дайте срок, подождите немного – Мефистофель-Гомункулус и Ерошка-Великий сольются в одно»¹.

Оказавшись после признания большевистским правительством независимости Финляндии в эмиграции, отрезанным от России, Андреев с болью наблюдает ее гибель и главным виновником катастрофы считает Ленина, которому, как пишет в дневнике, «без колебания подписал бы смертный приговор» [4, с. 101]. Андреев наделяет Ленина уничтожающими эпитетами: называет его мясником, хладнокровно наносящим удары по бездыханному телу России, Иудой, у которого, в отличие от библейского, нет совести. Ленин, претендующий на то, чтобы стать великим социальным реформатором, преобразователем и собирателем России, стал, по мысли писателя, ее разрушителем и губителем. «Все, что он сумел добиться – это стать только Пугачевым. Новый «собиратель Руси», он собрал всю каторж-

¹ Тан В. Российский Мефистофель // Русская воля. 1917. № 233. 1 октября. С. 3.

ную, всю черную и слепую Русь и стал единственным в истории повелителем царства нищих духом. <...> Кого он ни зовет, к нему приходят только воры, среди которых бесследно теряется кучка честных, но не мудрых фантазеров, обманутых невежд да слепых, как совы, и бесчувственных доктринеров» [4, с. 367].

Задолго до апокалипсических российских событий Андреева занимало соотношение Революции и Бунта в русской истории и национальном сознании. Еще в 1902 г. он предпринимает попытку написать рассказ «Бунт на корабле», в котором бунт «рабов» должен был быть увиден глазами свободного человека. Была задумана им и пьеса под названием «Революция», исходной точкой которой, по воспоминаниям В. Вересаева, «служил протяжный и ровный звук: «у-у-у-у-у!», нараставший из темной дали, содержание, однако, было ему «совершенно неясно» [13, с. 174]. Этот замысел также не был реализован. Неудача произведений о бунте и революции, скорее всего, таилась в абстрактном эмоционально-романтическом восприятии данных феноменов и отсутствии конкретно-практического знания исторических реалий.

В 1900-е годы Андреев неоднократно упоминал об увлеченности анархизмом толстовско-кропоткинского толка и о своем идеале «анархиста-коммунара». В своих художественных произведениях писатель много писал о «русском бунте» как основе жизнесознания и поведения, о судьбах бунтарей, задаваясь вопросом Достоевского: «И правда ли, что бунтом жить нельзя?» [7, с. 18]. В рассказах «Мысль» (1902) и «Тьма» (1907), повести «Жизнь Василия Фивейского» (1903) он показал различные формы индивидуального бунта и различные типы бунтующих героев; в романе «Сашка Жегулев» (1911) – соединение бунта личности, в основе которого «больная совесть» и жажда «принять страдание», с бунтарством народной массы – «гнедых» (такое символическое собирательное имя дает Андреев крестьянству, ставшему на путь противления). Уже тогда он попытался разграничить для себя два этих понятия. В драме «Царь-Голод» (1907), изображающей страшную стихию восставшей толпы и во многом предвосхищавшей то, что в реальности увидел писатель в 1917 г., один из персонажей произносит фразу: «Не оскорбляйте революцию. Это бунт!» [3, с. 235].

К осмыслению проблемы Бунта и Революции Андреев вернулся на основе пережитого опыта. В сентябре 1917 г. он пишет статью «Во имя революции», в которой происходящее в России определяет как смертельную борьбу «между Революцией, которая слабо обороняется, и Бунтом, который яростно нападает»¹. Она стала своего рода первым вариантом итоговой ста-

¹ Русская воля. 1917. № 221. 17 сент. С. 2.

тьи «Европа в опасности» (1919), работа над которой продолжалась до самой смерти писателя.

По его убеждению, Революция и Бунт, как дети одной матери, рождаются из недовольства существующим и стремлением к свободе (полной и *неограниченной* – в бунте, к *большей* – в революции). Схожи их методы – разрушение, их орудия – огонь, пожары, насилие и убийство. Различие же между ними – Мысль. Бунт как начало стихийное, лишен мысли, поэтому его главным двигателем становится слепая толпа, увлеченная бессознательным порывом. Бунт – восстание темных бессознательных рабов, образующих «случайный *скоп*, но никогда не правильные ряды». Лишенный *идеи*, Бунт не знает будущего, не знает других целей и побуждений, кроме удовлетворения своих желаний. Его участники «могут произвести только огромный *беспорядок*, страшное уничтожение, великий *погром*, но Великой Революции им не свершить никогда» [2, с. 190].

Революция же, с точки зрения Андреева, «есть не что иное, как восставшая мысль». И совершается она не бессознательной толпой, а *человеком* и для *человека*, провозглашая общечеловеческие лозунги и утверждая его права, ибо «для нее, как для Бога, ценен *всякий человек*».

Для Андреева ключ к оценке любых событий и явлений – это человеческая личность, и лейтмотивными в анализе прошлых, настоящих и будущих бед России являются горестные размышления об отсутствии развитого уважения к личности, о торжестве «стадного» начала. «То, что я чту разум, подвиг, героическую личность и верховую культуру, – теперь, в дни господства четвероногих и низких лбов, делает мои переживания нестерпимо мучительными», – записывает он в дневнике в феврале 1918 года [4, с. 33].

Пренебрежение к человеческой личности, проявившееся в идеологии большевизма, писатель объясняет философскими и научными теориями, увлекшими незрелые умы на рубеже веков. На страницах дневника и писем он подвергает критике теоретические основы марксизма, решительно отвергает философский материализм, исторический детерминизм и учение о классовой борьбе, дающие, по его мнению, упрощенную и искаженную картину мира и обернувшиеся страшными последствиями, жертвой которых стала Россия: «Это так соблазнительно: все объяснить, и притом объяснить так, чтобы всем было понятно! И так как Дух наиболее трудно объясним, то его и заменили пищеварением. <...> А сколько таких общедоступных формул, «пролетария», «класса», «исторических и климатических условий», «добавочной стоимости» [4, с. 9].

В письме С. С. Голоушеву от 30 марта 1918 г. он восклицает: «Марксизм убил личность вконец, это ужасно, это создает нищенский мир. <...> Нет

ни великих людей, ни малых, ни злых, ни добрых, ни праведников, ни злодеев – есть только группы, классы и *процесс*, по которому неуклонно движутся эти группы и массы. Ужасающий исторический детерминизм». «Человеческая личность – вот что самое богатое и самое лучшее на земле. <...> Все в ней есть и еще кое-что неоткрытое. И личность убита! Сложное тело, состоящее из всех элементов мира, заменено простым телом *класса* или нищенским сочетанием водорода с кислородом» [4, с. 243–244]. Новая власть, – считает Андреев, – исполнена презрения к отдельному человеку, а Ленин «видит в нем только материал, как видели все революционеры, тот же Петр Великий» [4, с. 36]. Политику, основанную на группах, классах и массах, а не на личности, он называл опустошительной и губительной. И самым страшным результатом октябрьского переворота считал не разрушение хозяйства и «молодой русской промышленности», о чем говорили бывшие деятели Временного правительства, оказавшиеся в эмиграции, а то, что «слово *человек* было выкинуто из большевистского словаря» [4, с. 297].

В первые послеоктябрьские годы многие писатели и философы оценивали происходящее в России как бунт. Бунтарские тени Разина и Пугачева буквально витали в воздухе. Как стихийный бунт пугаческо-разинского мужичья представляла революция в текстах Б. Пильняка. М. Волошин в декабре 1917 г. пишет стихотворение «Стенькин суд», уверенный, что именно фигура Разина воплощает глубинный смысл происходящего: «Сейчас начинается настоящий Стенькин суд. Самозванство, разбойничество <...> – вот основные элементы русской смуты». Позже он добавлял: «В Стеньке больше бесовщины, чем демонизма. Он – легион, несмотря на его индивидуальность» [6, с. 185, 191]. Неоднократно возникает имя Стеньки в текстах М. Цветаевой. «И всякий раз, – справедливо отметит исследователь цветаевского творчества, – оно вбирает в себя размышления о глубинной сути российского человека, слишком склонного к губительным крайностям» [10, с. 254]. При этом отношение к бунтарской стихии будет не только отрицательным. Так, С. Есенин воспевал восставшую, «буйственную Русь», в которой пробудился мятежный «Буслаев разгул». А герой его стихотворной драмы «Пугачев» (1921) – «сердцем степной дикарь», мятежник и бунтарь по самой своей биологической природе, радуется «благовесту бунтов», провозглашенному «злой и дикой оравой» крестьян.

На этом фоне размышления Андреева предстают более глубокими и трагичными, а главное, имеющими далеко идущие историко-философские и социологические выводы. Андрееву суждено было пережить крушение созданной им революционной утопии, когда благородные и гуманистические взгляды оказались трагически разлученными с исторической жизнью

страны: вместо ожидаемой им «организованной демократии» установилась большевистская диктатура. В статье «Европа в опасности» (1919), констатируя, что от великой Российской империи осталась груда обломков и мусора без названия, хаос братоубийственной войны, слезы и гибель миллионов людей, он утверждает, что эти злодеяния совершила не революция, а бунт, родившийся вместе с революцией, но извративший ее лозунги. Большевизм – «уродливый ублюдок, дикая помесь Революции и Бунта, свободы и тирании», незаконно объявивший себя единым и истинным Богом революции [4, с. 364–365]. «Двадцать пятого октября 1917 г. русский стихийный и жестокий бунт приобрел голову и подобие организации. Это голова – Ульянов-Ленин. Это подобие организации – большевистская Советская власть» [4, с. 367]. Таков горький итог, к которому приходит писатель в своей последней статье.

Круг вопросов, затронутых Андреевым в его публицистике, выходит далеко за рамки социально-политической проблематики и вписывается в широкий контекст национального взгляда на русскую историю и особенности культурного сознания, которые предшествовали Октябрьскому перевороту, а затем им актуализировались. Еще Пушкин сказал об опасности русского бунта, причудливо соединяющего в себе привлекательный порыв к свободе и пугающую стихию разрушения, и предостерегал от его искусственного возбуждения. В статьях и речах современных политиков и публицистов часто звучит знаменитая фраза из «Капитанской дочки»: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный». Но мало кто вспоминает о ее продолжении, не вошедшем в окончательную редакцию и сохранившемся в «пропущенной главе» черновой рукописи: «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полужка, да и своя шейка копейка» [11, с. 210]. Н.А. Бердяев в своих книгах «Душа России» и «Судьба России», написанных непосредственно после октябрьских событий, попытался объяснить особенности и смысл революции экстремальными противоречиями в русском характере, одновременно авторитарном и анархическом, благоговееющем перед властью и стремящемся к безудержной свободе. Ф.А. Степун, писатель и бывший социалист-революционер, оценивая в эмиграции события Февраля и Октября, по сути, повторял андреевские размышления о неразрывности в русском перевороте революции и бунта: «Противопоставлять Февраль Октябрю как два периода революции, как всенародную революцию – партийно-заговорщицкому срыву ее, как это все еще делают апологеты русского жирондизма, конечно, нельзя. «Октябрь» родился не после «Февраля», а вместе с ним, может

быть, даже и раньше его; Ленину потому только и удалось победить Керенского, что в русской революции порыв к свободе с самого начала таил в себе волю к разрушению. Чья вина перед Россией тяжелее – наша ли, людей «Февраля», или большевистская – вопрос сложный. Во всяком случае, нам надо помнить, что за победу зла в мире в первую очередь отвечают не его слепые исполнители, а духовно зрячие служители добра» [19, с. 519]. В этом же ключе движется мысль М. Волошина, оставшегося в России. «Эпоха Временного правительства психологически была самым тяжелым временем Революции, – писал он в 1920 году, по сути, предвосхищая трактовку событий, много позже представленную в исторической эпопее А. Солженицына «Красное колесо». – Февральский переворот фактически был не революцией, а солдатским бунтом, за которым последовало быстрое разложение государства. Между тем обреченная на гибель русская интеллигенция торжествовала революцию как свершение всех своих исторических чаяний. Происходило трагическое недоразумение: вестника гибели встречали цветами и плясками. Правда – страшная, но зато подлинная обнаружилась только во время октябрьского переворота. Русская Революция выявила свой настоящий лик, тайно назревавший с первых дней его, но для всех неожиданный» [6, с. 312].

В августе–сентябре 1917 года после попытки корниловского мятежа со страниц «Русской воли» предстает картина полного разброда, хаоса, столкновения различных партий. Все более определенным становится ощущение приближающегося конца. «Трагедия России», «Россия умирает», «Как спасти Россию?» – таковы заголовки статей. В середине сентября газета констатирует: «В рядах революционной демократии произошел крутой перелом в сторону большевизма»¹. Теперь на первой странице газеты появляется шапка, печатающаяся жирными, от номера к номеру увеличивающимися буквами: «Большевики!» 25 октября 1917 года выходит последний номер газеты. На следующий же день после октябрьского вооруженного переворота по распоряжению Временного революционного комитета «Русская воля» в числе других десяти самых крупных буржуазных газет была закрыта, а ее мощная полиграфическая база была передана большевистской газете «Правда».

Для Андреева приход к власти Ленина означал конец русской истории в ее естественном течении. Октябрьский переворот он воспринимает как национальную катастрофу. В ночь с 25 на 26 октября из своей квартиры на Мойке он наблюдает события вооруженного восстания. 26 октября 1917 г. Андреев навсегда покидает Петроград. Через день после приезда в

¹ Русская воля. 1917. № 216. Веч. вып. 11 сентября. С. 2.

свой дом в Ваммельсуу он объясняет неприятие происходящего в письме С. Голоушеву: «Вчера, 26-го, прочел утренние газеты о торжестве победителей <...> и почувствовал, что в городе оставаться не могу. <...> Будто не в какой-то Зимний дворец стреляют пушками, а вся глупость и злоба стреляет во все человеческое. Ночью, в темноте, и сами темнота. Это переворот, но переворот с ног на голову. Все – кверху ногами. Бесмысленное, не вообразимое даже воображением, становится единственно реальным и сущим. Они – правительство России, власть. Они будут управлять Академией Наук, университетами, издавать законы, они, безграмотные. Ясно, что этого не может быть, но это существует, это факт!» [4, с. 31–32].

В эмиграции Андреев признает свою вину: «До 1914–1917 г., воспевая революцию и революционеров, я был подобен человеку, который восторгается бурей, сидя на берегу». Теперь же, находясь «в самом море, среди волн и гибели», он приходит к выводу, что «революция столь же малоудовлетворительный способ разрешать человеческие споры, как и война», объяснимый лишь низким нравственным уровнем человечества, которое «не может победить враждебную мысль, не разбив заключающего ее черепа, и смирить злое сердце, не проткнув его ножом» [4, с. 370]. Подводя горькие итоги крушения своих иллюзий, писатель делает беспощадный вывод: «Я был глуп, когда желал для России революции, глуп и также обманут. России нужны великие реформы. Не надо пария, существование пария – позор, но Парий-царь, Парий-повелитель – это гибель» [4, с. 83].

Время показало справедливость и значимость проблем, поставленных Андреевым в публицистике, и глубину его пророчеств. Современный писатель и публицист, а также популярная медийная фигура Д. Быков, отмечая уникальность положения Андреева в художественном процессе начала XX века, прав, когда говорит: «Он все чувствует, все понимает, все может назвать и ничего не может преодолеть» [5, с. 19]. К этому можно добавить, что именно это ощущение невозможности что-либо изменить при полном понимании хода событий стало личной трагедией писателя, ускорившей его смерть. Проникновенные слова произнес А. И. Куприн в своем отклике на смерть Леонида Андреева осенью 1919 года: «Спасите наши души!» С таким трагическим воплем, исполненным горечи и любви, сошел в могилу Леонид Андреев. Его имя было известно всему миру. Но услышал ли хотя один человек этот сигнал, обозначивший неминуемую и страшную гибель своей страны? <...> Андреев умер. Умер. Вдумайтесь в это слово из пяти букв. У нас больше никого не осталось.

Целую землю, где лежит тело, вмещавшее в себе ум, душу, сердце России» [12, с. 141–143].

Даниил Андреев, сын писателя, поэт и философ-визионер, называл своего отца не просто великим художником, но *вестником*, который обладал пониманием «темной демонической природы мирового закона». Публицистика Леонида Андреева времен «Русской воли» – еще одно тому подтверждение.

1. Андреев Л. Н. «Верните Россию!»: сборник / сост. И. Г. Андреева, послесловие и коммент. В. Н. Чувакова. М., 1994.
2. Андреев Леонид. Перед задачами времени. Политические статьи 1917–1919 годов / сост. и подг. текста Ричарда Дэвиса. Benson, Vermont, 1985.
3. Андреев Л. Н. Полное собрание соч. и писем: в 23-х т. М.: Наука, 2013. Т. 6.
4. Андреев Леонид. S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / под ред. и со вступит. ст. Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана. М.; СПб.: АТНЕНЕУМ-ФЕНИКС, 1994. 598 с.
5. Быков Д. Л. Время потрясений. 1900–1950. М.: Эксмо, 2018. 544 с.
6. Волошин М. А. Из литературного наследия. СПб.: Алетейя, 1999.
7. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 72.
8. См. об этом: Иезуитова Л. А. Об архетипе «бунта» в творчестве Андреева (Л. Н. Андреев и старообрядчество) // Иезуитова Л. А. Леонид Андреев и литература Серебряного века. СПб.: Петрополис, 2010. С. 118.
9. Кен Л. Н., Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим. СПб.: Коста, 2010.
10. Кудрова Ирма. Путь комет. Кн. 1. Молодая Цветаева. СПб.: Крига, 2007.
11. Купрянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л.: Наука, 1966.
12. Куприн А. И. Памяти Леонида Андреева // Свободная Россия. 1919. № 54. 20 ноября. Цит. по: Куприн А. И. Голос оттуда. 1919–1934. М., 1999.
13. Реквием: Сб. памяти Леонида Андреева / под ред. Д. Л. Андреева и В. Е. Беклемишевой; с предисл. В. И. Невского. М.: Федерация, 1930.
14. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1970. Т. 8.
15. Русская воля. 1917. № 1. Веч. вып. 6 марта. С. 1. В дальнейшем ссылки на это издание даются в подстрочных сносках.
16. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1969. Т. 8. 614 с.
17. Солженицын А. И. Красное колесо. Историческая эпопея: в 10 т. М.: Военное изд-во, 1994. Т. 5.
18. Сорокин П. А. Долгий путь. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, 1991. 304 с.
19. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб.: Прогресс-Литера-Алетейя, 1995.
20. См. об этом: Шишкина Л. И. Образ коллективного героя в творчестве писателей-знальцев // Русская литература. 1976. № 1. С. 181–199.

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

ПАМЯТИ ТАИСИИ ЯКОВЛЕВНЫ ГРИНФЕЛЬД-ЗИНГУРС

MEMORY OF TAISIA YAKOVLEVNA GREENFIELD-SINGURS

От редакции

В 2018 г. ушла из жизни первая заведующая кафедрой русской литературы Сыктывкарского университета Таисия Яковлевна Гринфельд-Зигурс. Она была одной из тех, кто создавал филологический факультет Сыктывкарского государственного университета, его «научное лицо». Таисия Яковлевна прожила долгую и насыщенную постоянным творческим трудом жизнь, оставив по себе добрую память у тех, кого жизнь хотя бы на время свела с этим замечательным человеком. К 90-летию Таисии Яковлевны современная кафедра русской филологии СГУ выпустила сборник статей «Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума» [11], в который вошли статьи учеников, коллег, друзей – с широким спектром охвата материала: язык, традиционная культура, русская литература (на всем протяжении ее истории). Каждый автор избрал свой метод подхода к теме, но все входящие в состав сборника публикации объединяет научный интерес к проблемам, сопряженным с существованием человека в конкретной природной и социальной среде. В сборнике также помещены материалы к списку трудов Т. Я. Гринфельд, которые мы переиздаем ниже.

Таисия Яковлевна еще успела увидеть эту книгу, но вскоре – 6 июля 2018 г. – ее не стало. Т. Я. Гринфельд скончалась в Казани, куда она уехала после юбилея к своим родственникам, где и похоронена.

Приводимые далее статьи и воспоминания – дань памяти и признательности ученому и человеку, внесшему большой вклад в становление и развитие филологической (литературоведческой) науки в Республике Коми и во всей нашей стране.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ТАИСИИ ЯКОВЛЕВНЫ ГРИНФЕЛЬД-ЗИГУРС

Детство Таисии Яковлевны прошло в Ярославле. С замечательной теплотой Таисия Яковлевна вспоминала о своем отце, что видно из дневниковых записей, которые она вела всю жизнь (они хранятся сейчас в личном архиве А. Н. Власова). С 1946 по 1951 г. Таисия Яковлевна училась на отделении русского языка и литературы филологического факультета Ленинградского государственного университета, далее окончила аспирантуру и в 1955 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Роман В. Я. Шишкова “Емельян Пугачев”». В 1956 г. начинается преподавательская деятельность Таисии Яковлевны на кафедре русской и зарубежной литературы Латвийского государственного университета, о чем с глубокой признательностью вспоминает А. Ф. Белоусов.

В 1969 г. по приглашению П. Н. Беркова Таисия Яковлевна переехала в Ленинград и приступила к выполнению обязанностей заведующего кафедрой советской литературы в Ленинградском государственном университете. Среди читавшихся ею курсов неизменно присутствовали те, что составляли ядро ее исследовательских интересов: «История русской советской/современной литературы», «Литература народов СССР», а также спецкурсы, посвященные русской натурфилософской литературе XX века и поэтике прозы. Об этом помнит поколение студентов тех лет и вспоминает далее Т. Ф. Волкова.

Вскоре после основания Сыктывкарского государственного университета (1972 г.), остро нуждавшегося в высококвалифицированных преподавательских кадрах, Таисия Яковлевна прибыла в столицу Коми (1976 г.), где возглавила только что открытую кафедру русской литературы. Она организовала (в основном из выпускников Ленинградского университета, курировавшего молодой вуз) преподавательский коллектив, объединив входивших в него сотрудников, представляющих самые разные научные интересы, общей темой – «Поэтика прозы». Благодаря ее энтузиазму филологический факультет СГУ приобрел в научных кругах страны известность как один из центров изучения темы «Человек и природа в художественной литературе».

Под руководством Т. Я. Гринфельд регулярно публиковались межвузовские сборники трудов: «Персонаж и предметный мир в художественном произведении [6]; «Проблемы изображения материального мира в художественной прозе» [8]; «Цвет и свет в художественном произведении»

[9]; «Чувство природы» в русской литературе [11], проходили Всероссийские конференции по этой теме.

Таисия Яковлевна внесла огромный вклад в создание на кафедре фольклористического и археографического научных направлений, музея редкой и рукописной книги в Сыктывкарском университете.

В 1989 г. в издательстве Саратовского университета вышла небольшая (200 страниц), но очень содержательно и фактографически насыщенная монография Т. Я. Гринфельд «Природа в художественном мире Михаила Пришвина» [3].

В 1992 г. Таисия Яковлевна получила ученую степень доктора филологических наук, защитив в Екатеринбурге диссертацию на тему «Чувство природы в творчестве М. М. Пришвина». В том же году Т. Я. Гринфельд вернулась в Санкт-Петербург, чтобы укрепить кадровый состав еще одного молодого учебного заведения – Ленинградского областного государственного университета (ныне – Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина), где была избрана профессором кафедры русской и зарубежной литературы (впоследствии – кафедры литературы и русского языка) и вплоть до 2016 г. вела активную учебную, научную и общественную деятельность. Здесь Таисии Яковлевне также удалось организовать научную работу по теме «Природа в русской литературе XVIII–XX веков», в рамках которой, в частности, в 2002 г. была проведена международная научная конференция «Природа: материальное и духовное», объединившая более 120 участников из разных стран [7]. С этой темой связаны и диссертационные исследования, которыми руководила Т. Я. Гринфельд [1; 4; 5]; этой теме посвящены научные труды и самой Таисии Яковлевны – крупнейшего исследователя творчества М. М. Пришвина (см. ниже список публикаций Т. Я. Гринфельд).

В 2017 г. вышла в свет ее капитальная итоговая монография «М. Пришвин и Природа. К развитию пейзажа в прозе XX века» [2]. Михаил Михайлович Пришвин был пожизненной научной любовью Таисии Яковлевны: писатель, удивительно созвучный ей по духу – скромный и мудрый, искренний и беззаветно самоотверженный в своем писательском труде, в своей любви к родной природе, неустанно читавший «развернутую зеленую книгу земли».

Однажды Пришвин записал в своем дневнике: *«Наша задача – показать труженику земли, что в точке приложения его труда **пересекаются меридианы и параллели всего земного шара**, что каждую его личную точку земли можно провести его личным меридианом и его личную параллель по всему земному шару...»*. Такой «точкой» стал и труд Таисии Яковлев-

ны: она воспитала поколения высококвалифицированных специалистов-филологов, в числе которых ныне также кандидаты и доктора наук.

1. Вазина М. Ф. Природа в прозе И. А. Бунина: дис. ... канд. филол. н. СПб., 2000.
2. Гринфельд-Зингурс Т. Я. М. Пришвин и Природа. К развитию пейзажа в прозе XX века. Монография. СПб., 2017.
3. Гринфельд-Зингурс Т. Я. Природа в художественном мире М. М. Пришвина монография. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 198 с.
4. Качалова М. П. Природа в «Дневниках» М. М. Пришвина (1905–1935): дис. ... канд. филол. н. Магнитогорск, 2011.
5. Котова В. Ю. Пейзажная миниатюра в русской прозе второй половины XX века: И. С. Соколов-Микитов, Ю. Н. Куранов, В. П. Астафьев, В. А. Бочарников, Ю. В. Бондарев, Б. Н. Сергуненков: дис. ... канд. филол. н. Великий Новгород, 2001.
6. Персонаж и предметный мир в художественном произведении: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Т. Я. Гринфельд. Сыктывкар, 1988.
7. Природа: материальное и духовное: тез. и докл. Всероссийской научной конференции Ин-та рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН и Ленингр. гос. обл. ун-та им. А. С. Пушкина Пушкинские чтения – 2002 (6-7 июня 2002 г.) / отв. ред. Т. Я. Гринфельд. СПб., 2002.
8. Проблемы изображения материального мира в художественной прозе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Т. Я. Гринфельд. Сыктывкар, 1989.
9. Цвет и свет в художественном произведении: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Т. Я. Гринфельд. Сыктывкар, 1990.
10. Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума: сборник научных трудов к 90-летию Таисии Яковлевны Гринфельд-Зингурс. Сыктывкар, 2017. Слово и текст в контексте культуры. Вып. 1.
11. «Чувство природы» в русской литературе: коллективная монография / отв. ред. Т. Я. Гринфельд. Сыктывкар, 1995.

Л. И. Шишкина

О ТАИСИИ ЯКОВЛЕВНЕ ГРИНФЕЛЬД

Хотелось бы начать издалека.

В наше время культурного кризиса, который провидчески предсказал Питирим Сорокин еще в середине прошлого столетия и признаки которого столь явственно обозначились сегодня, одной из важнейших утрат является потеря значимости целостной личности, идущей еще от эпохи Ренес-

санса. Наше время – это эпоха безличностей, эпоха «срединного человека», который думает, «как все», выглядит, «как все», меняет свои убеждения согласно требованиям момента и общего мнения. Т. Я. Гринфельд была, безусловно, личностью. Яркой, неповторимой, своеобразной. В этом смысле она стала своего рода «уходящей натурой», но тем важнее тот след, который она оставила в жизни тех, кто с нею сталкивался.

Таисия Яковлевна была человеком непростым и неоднозначным. В каком-то смысле мы были с ней противоположностями. Меня она постоянно упрекала в «академизме». Она же была человеком импрессионистического склада. Это сказывалось и в профессиональной деятельности, и в жизненном поведении. Мне, воспитанной в строгой историко-литературной школе Ленинградского филфака и Пушкинского Дома, была не близка ее сосредоточенность только на поэтике, художественных приемах имманентного повествования, казались несколько сумбурными и логически не выстроенными ее научные тексты. Порой удивляли ее эмоциональные вспышки и пристрастные суждения. Тем не менее постепенно осознавалась последовательность ее позиции, профессиональной и человеческой.

Таисия Яковлевна всю жизнь посвятила одной проблеме – Человек и Природа. Думается, истоки этого интереса нужно искать в детстве, которое прошло в далекой Сибири, где латышская девочка росла в окружении громадной и вечной тайги и собак, которые стали ее няньками и друзьями. Любовь к ним – не к маленьким, капризным, декоративным, а к большим, мужественным и верным – она сохранит до конца жизни. И в последнем ее предсмертном отъезде из Петербурга ее сопровождала преданная овчарка.

Проблема «человек и природа» – одна из основополагающих проблем культуры и литературы как ее зеркала и кода. Поэтому можно сказать, что Гринфельд выбрала генеральную и всеобъемлющую тему, оставаясь всю жизнь верной и предмету исследования – творчеству М. М. Пришвина. Пришвин – не самый избалованный вниманием наших литературоведов писатель. Гринфельд была уверена в его гениальности и значимости и, обладая поистине энциклопедическим знанием предмета, упорно доказывала это своими работами.

Интерес к дорогой для себя теме она внедряла и в сознание окружающих. Она сделала тему «Человек и природа» научным направлением кафедры русской и зарубежной литературы Сыктывкарского университета, и на ее материале ряд его выпускников, ставших преподавателями, защитили кандидатские и докторские диссертации.

Такое же постоянство Таисия Яковлевна демонстрировала и в своей жизненной и мировоззренческой позиции. Она, конечно, была «советским

человеком», исповедовавшим лучшие принципы ушедшей эпохи: активную общественную позицию, убежденность в своих принципах, четкую систему ценностей, чувство долга, абсолютную порядочность, которые сочетались с определенной ригористичностью и категоричностью суждений, некоторой ортодоксальностью взглядов. Это делало не только ее, но и многих людей, воспитанных прежней культурой, маргиналами в эпоху культурного слома, когда все абсолюты стали относительными, а ценности – предметами постмодернистской игры. Она не желала приспособляться к модным веяниям, оставаясь верной своим убеждениям, жизненным и профессиональным.

Ее роль в истории Сыктывкарского университета трудно переоценить. Она создала кафедру – молодую, работоспособную, яркую, напрочь лишенную налета провинциализма. Сейчас, когда я уже приобрела опыт существования в разных профессиональных коллективах и столкнулась с разными типами заведующих, могу с уверенностью сказать: Т. Я. Гринфельд была настоящим руководителем, может быть, близким к идеалу, потому что конечной целью ее деятельности всегда были интересы кафедры. Она последовательно создавала ее «имидж», приучала держать высокую планку, иногда буквально заставляя молодых преподавателей, погруженных в аудиторную работу, только начинавших создавать собственные курсы лекций, заниматься наукой. По ее инициативе стали регулярно выпускаться тематические сборники, материалы которых, даже при перечитывании сегодня, не кажутся устаревшими. Она всегда думала о перспективах своих сотрудников.

Правда, мне кажется, что и самой Таисии Яковлевне повезло с нами. Потому что собрались единомышленники, в большинстве своем выпускники знаменитого ленинградского филфака, молодые, горящие своей работой. Но в создании той комфортной дружеской, творческой атмосферы, в которой предоставлялись возможности для самореализации, роль Таисии Яковлевны была, безусловно, первостепенна.

Наконец, нельзя не сказать и еще об одной грани ее образа. Она, конечно, была преподавателем, исследователем, организатором, заведующим, но при всем при этом она была *Женщиной*. Красивой, привлекательной, кокетливой. Она не только писала статьи, но и шила, гордо щеголяя в одеждах, сконструированных собственными руками. Она создавала уютный дом и принимала у себя гостей. При этом, как и во всем, у нее было устойчивое понимание, какую роль должна выполнять женщина, как себя вести и как выглядеть, и это свое убеждение она неустанно внедряла в сознание окружающих.

Она любила жизнь и умела преодолевать ее препятствия и трагедии. Она была непоколебима в своих убеждениях, оценках и пристрастиях. Она создавала вокруг себя ауру, в которой людям было хорошо, и они к ней тянулись, несмотря ни на какие различия и разногласия. Такой она запомнится.

Т. Ф. Волкова

ЧЕЛОВЕК, С КОТОРЫМ МОЖНО БЫЛО ДРУЖИТЬ...

С Таисией Яковлевной Гринфельд я познакомилась еще будучи студенткой Ленинградского университета. Нашему курсу она читала лекции по литературе народов СССР. Этот курс наводил на нас ужас огромным объемом текстов, которые мы должны были прочитать, обилием незнакомых имен писателей союзных республик, большинство которых сейчас стали самостоятельными государствами. Мы уже были старшекурсниками и не хотели портить свои зачетные книжки плохими оценками. Поэтому придумали способ, как справиться с таким объемом необходимых для прочтения текстов: мы разделили писателей между собой, и раз в неделю или даже чаще (уже не помню) один из нас подробно пересказывал сюжеты написанных «его» автором произведений, среди которых были и довольно объемистые романы. Готовился каждый и по научной литературе, посвященной выбранному им писателю. Мы собирались в съемной квартире, где обитала одна из нашего сообщества – Ольга Сокурова (ныне доктор наук, преподаватель на кафедре культурологии в СПбГУ). Хозяйка квартиры Тамара Ивановна очень нам сопереживала и к началу «заседания» готовила большую кастрюлю супа, который мы, естественно, с удовольствием съедали в процессе такого своеобразного постижения литературы народов СССР. Надо отдать должное положительной стороне такого способа подготовки, так как в результате мы неплохо ориентировались в авторах и какие-то части курса знали довольно хорошо. Дальнейшее зависело от удачи: иногда кто-то получал вопрос, по которому он тщательно готовился для введения в курс дела остальной компании, но чаще все-таки попадался автор, о трудах которого отвечающий знал из пересказов своих товарищей. И иногда, забывшись, такой несчастный начинал отвечать Таисии Яковлевне на вопрос, вспоминающая разговорный стиль и специфические словечки «докладчика» во время его рассказа на нашем сборище. Это очень удивляло Таисию Яковлевну, но так как информация доносилась правильная, то она принимала особенности ответа как специфические особенности личности отвечающего. Спра-

шивала она строго и дотошно выясняла разные детали из произведений доставшегося студенту автора. Но в целом мы вполне успешно справились с этим курсом, хотя долго потом при встречах после окончания университета любимым нашим воспоминанием была сдача Гринфельд этого экзамена. И могла ли я тогда подумать, что жизнь принесет мне новую встречу с Таисией Яковлевной, в которой мы будем играть роли не учителя и ученика, а заведующего кафедрой и преподавателя, и даже более того – довольно близких людей. Довелось мне впоследствии и самой читать курс, который так нас страшил в ЛГУ, правда, его объем значительно сократился, т. к. отпали от Советского Союза многие республики, но многонациональный характер литература нашей страны не потеряла, и писателей, представляющих литературу разных народов, населяющих Россию, филологи должны знать.

А произошла эта вторая встреча с Таисией Яковлевной так. Проработав после окончания ЛГУ около пяти лет в Пермской областной библиотеке им. М. Горького в отделе редких книг и рукописей, я переехала в Сыктывкар на освободившееся место преподавателя древнерусской литературы и теоретических литературоведческих курсов. Я приехала к началу второго семестра зимой 1976 г. (начало моего преподавания в СГУ описано мною в отдельной публикации [1]). Это решение мною было принято с некоторыми колебаниями, т. к. тогдашний заведующий кафедрой русской литературы СГУ был мне знаком по Ленинградскому университету и по ряду причин не вызывал у меня симпатии, так что работать под его непосредственным руководством мне не очень хотелось. И все же я решилась на этот переезд, мечтая о преподавательской работе. И каково же было мое изумление, когда, стоя в ректорском «предбаннике» с заявлением о приеме на работу, я увидела Таисию Яковлевну с аналогичным заявлением в руках, а бывшего заведующего кафедрой русской литературы выходящим из кабинета ректора с заявлением об уходе! Так мы с Таисией Яковлевой оказались коллегами по недавно отделившейся от общей кафедры литературы и языка чисто литературоведческой кафедре: Таисия Яковлевна стала ею заведовать, а я в роли ассистента преподавать свои любимые предметы.

Таисия Яковлевна сыграла в моей жизни важную роль и в выборе темы моей будущей кандидатской диссертации. Поскольку общей научной темой кафедры была тема природы в ее литературном воплощении, я стала искать памятники древнерусской литературы, в которых наиболее значимы были бы изображения природы. Предстояла всероссийская конференция, посвященная проблемам изображения природы в литературе, и я хотела вписаться в нее со своей древнерусской литературой. Мне пришлось перечитать произведения разных жанров и разных эпох, чтобы найти подходящий ма-

териал. Так я вышла на «Казанскую историю» – большую повесть XVI в. о трехсотлетних русско-казанских отношениях и взятии Казани Иваном Грозным. Нужный материал в ней нашелся, а позднее я поняла, что это и есть тот памятник, которому можно посвятить несколько лет жизни в аспирантуре. Так увлечение Таисии Яковлевны темой природы вывело меня на тему моей кандидатской диссертации.

Очень важной для меня чертой Таисии Яковлевны была ее нацеленность на научный рост молодых членов возглавляемой ею кафедры. Она поддерживала прежде всего тех, кто не удовлетворялся только преподаванием, но стремился к научной работе. То же отношение у нее было и к студентам. Девушки-студентки не вызывали у нее особого доверия, она предпочитала юношей как исследователей, которые в дальнейшем могут заниматься научной работой, не обремененные рождением детей и прочими бытовыми проблемами, которые в семейных союзах ложились прежде всего на плечи женской половины. И когда юноша даже не демонстрировал особых способностей к научной работе, но проявлял к ней заметное устремление, Таисия Яковлевна старалась всячески ему помочь «выйти в люди», говоря при этом: «Надо дать возможность солдату стать генералом». И надо отдать ей должное, такая позиция иногда оказывалась оправданной и давала замечательные результаты.

Таисия Яковлевна не часто приглашала к себе домой. Ее небольшая квартира была ее крепостью, где она могла (по ее же рассказам) сбросить с себя всю одежду и лежа на ковре, писать свои бесконечные карточки, делая нужные выписки из разных научных книг. Но иногда все же и нам удавалось отведать кулинарных чудес Таисии Яковлевны. Помню одно такое посещение ее квартиры, когда хозяйка угощала какой-то необыкновенно вкусной рыбой, политой оригинальным соусом. Зная, что это блюдо не может не понравиться, Таисия Яковлевна приготовила большое количество этой рыбы, и вся она, естественно, нами была съедена.

Когда я начала работать под началом Таисии Яковлевны, я, конечно, написала всем своим друзьям по ЛГУ, кто заведует нашей кафедрой. Некоторые мне сочувствовали, помня строгость ее как экзаменатора. Но у меня с Таисией Яковлевной с самого начала сложились очень теплые дружеские отношения. Наверно, она ценила во мне ту одержимость научной работой, которая ей была так близка. Меня же привлекала та жизненная мудрость, которую я ощущала в Таисии Яковлевне. Поэтому я часто советовалась с ней не только по научным проблемам, но и намереваясь принять какое-то важное жизненное решение. Когда я наконец получила квартиру и увидела, что ее окна выходят на школу, я сразу же поделилась с Таисией Яковлевной

своим намерением завести дочь, в котором она меня поддержала и всячески позднее меня утешала в моей многотрудной материнской доле.

Таисия Яковлевна тоже была матерью. У нее был уже взрослый сын, студент, которого она обожала, но редко виделась с ним. Однажды мы узнали, что он погиб под колесами автомобиля. Так сложилось, что многие из нас, сотрудников кафедры, в те трагические дни оказались в Ленинграде, где произошло это несчастье. Таисия Яковлевна так была ею потрясена, что после похорон на время потеряла зрение и лежала в больнице. Тогда за ней заботливо ухаживал Андрей Власов, ее ученик, на всю жизнь оставшийся верным и преданным другом Таисии Яковлевны. Сильный организм Таисии Яковлевны и ее любовь к работе помогли ей со временем оправиться от этой потери. Помню, что в последующие после похорон дни уже из Сыктывкара я написала ей большое сочувствующее письмо, содержание которого вскоре стерлось из памяти, т. к. оно было написано экспромтом под сильным впечатлением от потери, постигшей Таисию Яковлевну. Каково же было мое удивление, когда через много лет встретившись с Таисией Яковлевной в Публичной библиотеке, которую она часто посещала, уже переехав из Сыктывкара в Ленинград, я услышала от нее очень проникновенные слова благодарности за это письмо, о самом факте написания которого я к тому времени уже давно забыла. И потом Таисия Яковлевна еще несколько раз вспоминала о том, как вовремя она получила это письмо. А я даже не помню, о чем я в нем писала! Кажется о том, что сын был в ее жизни, и это самое главное.

Когда Таисия Яковлевна надумала уезжать из Сыктывкара, решившись выйти замуж и завести собаку (большую овчарку, с которой она очень любила гулять и за ней ухаживать), встал вопрос о том, кому после Таисии Яковлевны руководить кафедрой. Несколько кандидатур отпали одна за другой, так как намечавшиеся на эту должность категорически от нее отказывались. Наконец очередь дошла и до меня. Я тоже вначале не могла представить себя в этой роли, но Таисия Яковлевна одобрила мою кандидатуру, а мои друзья уверили меня, что я справлюсь. Так я стала преемницей Таисии Яковлевны. Эти перемены проходили в период, когда кафедра была еще способна на веселые капустники, так что «передача власти» происходила в том числе и в форме капустника, в ходе которого все члены кафедры на мотив из оперетты «Моя прекрасная леди» (по пьесе Б. Шоу «Пигмалион») пели куплеты, каждый о своих проблемах. Лучше всего пели, обладая хорошим голосом и слухом, Таисия Яковлевна и Лидия Ивановна Шишкина. Все остальные что-то произносили в стиле речитатива. Поскольку я уже

дала согласие на заведование кафедрой, мне предложили свой куплет начать словами: «Я управлять хочу...».

Шоу имело большой успех у студентов. Действо разворачивалось в студенческом клубе в подвале университетского корпуса, находящегося на улице Старовского, за тогдашним кинотеатром Парма, где сейчас располагается экономический факультет СГУ. Кульминацией шоу стало эффектное символическое действо передачи власти заведующего от Таисии Яковлевны новому заведующему, то есть мне. Мы все знали, что такой момент в сценарии есть, но как он будет проходить, Таисия Яковлевна держала в секрете. Она вышла на сцену с гирляндой больших карточек, нанизанных на нить, на которых написаны были приятные дела заведующего, руководящего темой природы; затем эту гирлянду Таисия Яковлевна торжественно перевесила на мои плечи, но повернула ее другой стороной. И на тех же карточках все увидели совсем другие дела и обязанности заведующего: отчеты, нагрузка, распределение часов, и т. п. Все это Таисия Яковлевна не только сама придумала, но и сама исполнила – написала карточки, прошила их толстой нитью. Вообще Таисия Яковлевна была рукодельницей. Она любила менять наряды, причем по большей части шила их сама. У нее был свой устойчивый стиль в одежде, который ей, действительно, очень подходил: она носила узкие до колен юбки, демонстрируя свои красивые ноги, с разнообразными блузами, которые часто меняла.

К сожалению, из моей дырявой памяти так много всего ушло! Но то, что она все же сохранила, я хотела изложить в моих воспоминаниях, чтобы в них эта удивительная женщина-ученый предстала не только в своих научных и преподавательских трудах, но и как человек, который мог быть просто другом, старшим товарищем для своих подопечных. Забыть Таисию Яковлевну невозможно!

Волкова Т. Ф. Из воспоминаний Татьяны Федоровны Волковой // Валентина Александровна Витязева – первый ректор Сыктывкарского государственного университета: Сборник документов, материалов, воспоминаний. Каталог личного фонда. Вып. 2. Сыктывкар, 2004. С. 48–55.

**ТАИСИЯ ЯКОВЛЕВНА ГРИНФЕЛЬД-ЗИНГУРС:
МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ**

Подг. Н. В. Кожуховской, Т. С. Каневой, при участии А. Я. Лapidус

1. «Емельян Пугачев» Вяч. Шишкова. Художественное своеобразие // *Zinātniskie raksti. Ученые записки. Literatūras vēstures jautājumi. Вопросы истории литературы.* Рига, 1959. Т. XXIX. С. 213–139.
2. Народ в романе Вяч. Шишкова «Емельян Пугачев» // *Raksti. Ученые записки.* Рига: Изд-во Лиепайского гос. пед. инт-та, 1959. С. 209–131.
3. На литературных кафедрах Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки // *Вопросы литературы.* 1959. № 8. С. 249–251.
4. О взаимосвязи и взаимозависимости национальных литератур // XX Научно-методическая конференция, посвященная 20-летию Советской Латвии (1940–1960): тезисы. Рига: Латвийский гос. ун-т им. П. Стучки, 1960.
5. «Корабельная чаша» М. Пришвина. Заметки о мастерстве // *Petera Stuckas Latvijas valsts universitātes zinātniskie raksti. Ученые записки Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки.* Рига, 1962. Т. 46. С. 9–26.
6. Ритм и размер поэзии Я. Райниса в переводах В. Брюсова // *Latvijas PSP zinātnuakademijas vestis. Известия Академии наук Латвийской ССР.* Рига, 1963. № 5. С. 31–45.
7. Я. Райнис в переводах В. Брюсова // XXXIII *Zinātniskas metodiskas konferences materiāli. Материалы XXXIII научно-методической конференции.* Рига, 1963. С. 146–148.
8. В. Брюсов – переводчик Я. Райниса // *Брюсовские чтения.* Ереван: Айастан, 1963. С. 199–216.
9. Латышские дайны в переводах В. Брюсова // *Брюсовские чтения.* Ереван: Айастан, 1964. С. 448–463.
10. Речь автора и рассказчика у М. М. Пришвина // *Язык и стиль художественного произведения: тезисы и доклады. IX Научно-теоретической конференции.* М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1966. С. 122–124.
11. Положительный герой современной советской литературы: материалы в помощь лектору. Рига, 1967. *В соавт. С Д. Д. Ивлевым.*
12. Образ автора в произведениях М. М. Пришвина // *Образ автора в литературе: тезисы межвузовской конференции.* Борисоглебск, 1968.
13. Вопросы социалистического реализма в современных дискуссиях // *Курс лекций по теории социалистического реализма.* М.: Высшая школа, 1973. С. 212–244.
14. Курс «Литература народов СССР» в вузах // *Вестник Ленинградского университета.* Вып. 1. № 2. 1973. С. 88–96.

15. О художественном методе М. Пришвина // Русская литература. 1973. № 1. С. 46–56.
16. Опыт В. Брюсова и современные переводы Я. Райниса // Брюсовские чтения. 1971. Ереван: Айастан, 1973. С. 512–533.
17. Рассказ-миниатюра М. М. Пришвина // Вестник Ленинградского ун-та. 1973. Вып. 2. № 8. С. 68–79.
18. Tautasdziesma. Латышская народная песня // Zagadnienia rodzajow Ziterackich. Вопросы литературных жанров. Lódzkie towarvstwo naukowe. Lódz, 1975. Т. XVIII. 2 (35). С. 40–46.
19. Романтизация картин природы в произведениях М. М. Пришвина // Романизм. (Теория, история, критика). Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1976. С. 41–62.
20. Изображение природы в рассказах М. М. Пришвина и И. С. Соколова-Микитова (различия в художественном методе) // Человек и природа в советской прозе: межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1980. С. 6–25.
21. Человек и природа в советской прозе : учебное пособие. Сыктывкар: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1980. 100 с.
22. «Самостоятельная» природа в рассказах М. М. Пришвина и И. С. Соколова-Микитова (к типологии природоописаний) // Проблемы типологии литературного процесса: межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1981. С. 100–114.
23. «Скрытый» повествователь в рассказах М. М. Пришвина о природе («Глаза земли») // Человек и природа в советской прозе: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л. Ф. Ершов. Сыктывкар: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1981. С. 87–103.
24. История коми литературы // Войвыв кодзув. 1982. № 9. С. 51–54. В соавт. с Л. И. Шишкиной.
25. Ритм прозы как средство выражения гармонического начала в произведениях М. М. Пришвина («Корабельная чаша») // Единство и многообразие. Типология социалистического реализма и творческая индивидуальность писателя. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1982. С. 102–118.
26. Тема человека и природы в советской прозе. Национальная психология и национальный стиль в изображении природы // Актуальные проблемы развития социалистических национальных художественных культур в условиях зрелого социализма: тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Махачкала, 1982. С. 153–154.
27. И. С. Соколов-Микитов и М. М. Пришвин // Творчество И. С. Соколова-Микитова. Л.: Наука, 1983. С. 104–119.
28. Курсив как средство усиления авторского голоса // Стиль и идеология (активность авторского повествования): межвузовский сборник науч-

ных статей. / отв. ред. Л. Ф. Ершов. Сыктывкар: Пермский гос. ун-т, 1983. С. 91–105.

29. Народ в творчестве М. Пришвина. Портрет человека и «лицо» природы // Проблемы типологии литературного процесса: межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1983. С. 104–118.

30. Повествование о природе. «Скрытый» повествователь // ИНИОН АН СССР № 14333. 18. 11. 83. Сыктывкарский гос. ун-т. Сыктывкар, 1983. 9 с.

31. Повествователь и природа в романе «Угрюм-река» В. Шишкова // Проблематика и поэтика творчества В. Я. Шишкова: к 110-летию со дня рождения писателя: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Н. М. Дмитриева. Калинин, 1983. С. 68–84.

32. Портрет в художественном мире М. Пришвина // Поэтика художественного произведения: межвузовский научный сборник / отв. ред. В. С. Синенко. Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1983. С. 85–97.

33. «Самостоятельная» природа в романе М. Шолохова «Тихий Дон» (К типологии пейзажа) // Великий художник современности: материалы научной конференции к 75-летию М. А. Шолохова. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 152–153.

34. М. Горький и М. Пришвин в 1920-е годы: тема человека и природы // Горьковские чтения – 1984: материалы конференции «М. Горький и литература XX столетия». Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1984. С. 77–83.

35. «Материальность» природы в произведениях М. М. Пришвина и пейзаж в русской живописи конца XIX-начала XX // Стиль писателя и культура эпохи: межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1984. С. 97–110.

36. Литературоведческий анализ стиля в коми школе (повествование, описание, рассуждение как виды художественной речи) // Преподавание русского языка в финно-угорских школах СССР: сборник тезисов V Международного симпозиума (Коми АССР, г. Сыктывкар, 1–5 апреля 1985 г.). Сыктывкар, 1985. С. 77–79.

37. Образ природы и жанр миниатюры в творчестве М. М. Пришвина // Жанровые формы в русской литературе конца XIX – начала XX века: межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев, 1985. С. 90–111.

38. Спецкурс «Человек и природа в советской литературе» в эстетическом воспитании студентов негуманитарных факультетов // Психолого-педагогические проблемы совершенствования нравственно-эстетического воспитания студенческой молодежи: тезисы докладов республиканской научно-методической конференции. Сыктывкар, 1985. С. 140–143.

39. Традиция «антропоморфизма» в изображении природы и ее обновление в прозе М. М. Пришвина // Стиль и время. Развитие реалистического повествования: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л. Ф. Ершов. Сыктывкар: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1985. С. 103–121.

40. К «родословной» миниатюры М. М. Пришвина // Творчество М. М. Пришвина. Исследования и материалы: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1986. С. 47–59.
41. М. Горький и М. Пришвин (Изображающее слово в пейзаже) // Творчество М. Горького в художественной системе социалистического реализма (Горьковские чтения – 86). Горький: Волго-Вятское книжн. изд-во, 1986. С. 90–97.
42. Изображение как вид художественной речи в миниатюрах // Поэтика русской советской прозы: межвузовский сборник научных трудов. Башкирский ун-т. Уфа, 1987. С. 45–53.
43. Пластическая выразительность человека в миниатюрах М. М. Пришвина и Б. Н. Сергуненкова («Фацелия», «Лесная капель», «Тысячелистник») // Портрет в художественной прозе: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л. Ф. Ершов. Сыктывкар: Пермский ун-т, 1987. С. 101–109.
44. Развитие чувства природы в прозе Пришвина 1920-х–1930-х годов // Эстетический идеал и проблема положительного героя в советской литературе (традиции и новаторство): межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Лазарев. М.: Московский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1987. С. 39–48.
45. Миниатюры М. М. Пришвина: философская идея в подробностях пейзажа // Персонаж и предметный мир в художественном произведении: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Т. Я. Гринфельд. Сыктывкар, 1988. С. 117–131.
46. Ритм «рисующей» речи в миниатюрах М. М. Пришвина: «Жизнь дерева», «Времена года» // Поэтика прозы М. М. Пришвина: межвузовский сборник научных трудов / Шуйский пед. ин-т. Шуя. 1988. ИНИОН АН СССР. № 35397. 1.09.88. 27 с.
47. Человек и природа в художественных произведениях В. И. Даля // Четвертые Далевские чтения. Ворошиловград, 1988. С. 51–53.
48. Изображение как вид художественной речи в миниатюрах М. М. Пришвина // Историко-литературный процесс. Методологические аспекты. Рига: Латвийский ун-т, 1989. С. 18–19.
49. Природа в художественном мире М. М. Пришвина: монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 198 с.
50. «Свет» и «тени» в художественном мире М. М. Пришвина // Проблемы изображения материального мира в художественной прозе: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Т. Я. Гринфельд. Сыктывкар, 1989. С. 113–124.
51. «Чувство природы» в творчестве М. М. Пришвина // Литература и критика в системе духовной культуры: тезисы областной научно-методической конференции преподавателей. Тюмень, 1989. С. 38.

52. Взгляд «простолюдина» и чувство природы М. М. Пришвина и И. С. Соколова-Микитова // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (16–19 мая 1990 г., г. Сыктывкар). Сыктывкар, 1990. С. 27.
53. Пейзаж в дореволюционной прозе А. Н. Толстого как элемент полемики // А. Н. Толстой. Проблемы творчества. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 98–107.
54. Проблемы изображения. Свет и цвет в пейзаже // Методология и методика историко-литературного исследования: тезисы докладов. Рига, 1990. С. 143.
55. «Серый» цвет в художественном мире М. М. Пришвина // Цвет и свет в художественном произведении: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Т. Я. Гринфельд. Сыктывкар, 1990. С. 85–98.
56. «Чувство природы» и цвет в пейзажах М. М. Пришвина // Личность писателя и его творчество: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Н. И. Желтова. Волгоград, 1990. С. 32–44.
57. Корабельная чаща М. М. Пришвина в Коми ССР // Вестник культуры Коми ССР: Информац.-публицист. сборник. 1991. № 4. С. 74–78.
58. Традиции С. Т. Аксакова в «материальности» природы М. М. Пришвина // Аксаков и славянская культура: тезисы докладов юбилейной конференции (27–30 сентября 1991 г.). Уфа: Башк. гос. ун-т, 1991. С. 82–85.
59. М. М. Пришвин: изображающая речь в миниатюре // Литература и язык в контексте культуры и общественной жизни: тезисы Межгосударственной научной конференции. Казань: Казанский ун-т, 1992. С. 40–42.
60. Очерки М. М. Пришвина. Природа в контексте проблем духовной культуры Севера // Духовная культура: История и тенденции развития: тезисы докладов Всероссийской научной конференции (1–5 июня 1992 г., г. Сыктывкар). Ч. 2. Сыктывкар, 1992. С. 58–60.
61. В. В. Розанов и М. М. Пришвин: понимание прекрасного в природе // Розановские чтения: материалы к докладам научной конференции. Елец, 1993. С. 31–32.
62. М. М. Пришвин в истории словесного пейзажа // Проблемы освоения духовно-эстетического наследия народов России: Всероссийская научная конференция преподавателей и студентов (25–27 марта 1993 г., 2–3 апреля 1993 г., г. Сыктывкар): тезисы докладов. Сыктывкар, 1993. С. 96–97.
63. Материальность природы в художественных произведениях В. И. Даля // Прекрасное в образном мире произведения: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В. С. Манаков. Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 1994. С. 24–36.
64. «Самостоятельная» природа в прозе И. А. Бунина // Духовная культура: проблемы и тенденции развития: тезисы докладов Всероссийской на-

учной конференции (11–14 мая 1994 г., г. Сыктывкар). Сыктывкар, 1994. С. 87–89.

65. Вл. Соловьев, В. Розанов, М. Пришвин: понимание красоты в природе: научный доклад. Сыктывкар: СГУ, 1995. 24 с. (Серия препринтов). *Рец.*: Новые книги // Новое лит. обозрение. 1996. № 21. С. 410.

66. Модернистский и реалистический образ природы в прозе начала XX века. Противостояние идей: Андрей Белый, А. Н. Толстой, И. А. Бунин // «Чувство природы» в русской литературе: коллективная монография / отв. ред. Т. Я. Гринфельд. Сыктывкар, 1995. С. 147–205.

67. «Социальный» пейзаж и «самостоятельная» природа: проза 1930–1950-х годов; М. М. Пришвин, И. С. Соколов-Микитов // «Чувство природы» в русской литературе: коллективная монография / отв. ред. Т. Я. Гринфельд. Сыктывкар, 1995. С. 289–370.

68. Традиции С. Т. Аксакова в «материальности» природы М. М. Пришвина // Поэтика русской прозы XX века: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В. С. Синенко. Уфа: Башк. гос. ун-т, 1995. С. 99–110.

69. «Чувство природы» и пейзаж // «Чувство природы» в русской литературе: коллективная монография / отв. ред. Т. Я. Гринфельд. Сыктывкар, 1995. С. 3–20.

70. Андрей Белый: теория символотворчества и конкретный пейзаж в прозе // Пушкинские чтения – 96: сборник тезисов межвузовской конференции (6 июня 1996 г., Ленингр. обл. гос. ун-т). СПб., 1996. С. 15–17.

71. М. М. Пришвин о естественных ритмах в основе праздников // Праздник в русской культуре, фольклоре и литературе (Пушкинские чтения – 97): сборник статей / отв. ред. Т. В. Мальцева. СПб., 1998. С. 70–83.

72. М. М. Пришвин: эпизодические лица в лирико-философской прозе // Пушкинские чтения – 98: материалы межвузовской научной конференции. СПб., 1998. С. 14–15.

73. Мир как единство в творчестве М. Пришвина // Михаил Пришвин и русская культура XX века: сборник статей по материалам Пришвинских чтений, проходивших в Доме-музее М. М. Пришвина в д. Дунино под Москвой и Тюмен. гос. ун-те / под ред. Н. П. Дворцовой и П. А. Рязановой. Тюмень, 1998. С. 164–168.

74. Л. Леонов и М. Пришвин: развитие чувства природы в русской прозе // Леонид Леонов и русская литература XX века: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л. М. Леонова (19–20 мая 1999 г.) / отв. ред. В. П. Муромский, Т. М. Вахитова. СПб., 2000. С. 69–75.

75. Миниатюра М. М. Пришвина. Дневник как источник малого жанра // Жанры в историко-литературном процессе: сборник научных статей / отв. ред. М. А. Жиркова. СПб., 2000. С. 138–146.

76. Натурфилософия М. М. Пришвина как система идей // Природа и человек в художественной литературе: материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. А. И. Смирнова. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2001. С. 70–77.
77. Проблема изображающей речи: С. Т. Аксаков, И. А. Бунин, М. М. Пришвин // Природа: материальное и духовное: тезисы и доклады Всероссийской научной конференции Ин-та рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН и Ленингр. гос. обл. ун-та им. А. С. Пушкина Пушкинские чтения – 2002 (6–7 июня 2002 г.) / отв. ред. Т. Я. Гринфельд. СПб., 2002. С. 9–10.
78. Описание как художественная речь: изображающее слово С. Т. Аксакова // Природа в художественной литературе: материальное и духовное: сборник научных статей / отв. ред. Т. Я. Гринфельд-Зингурс. СПб., 2004. С. 32–41.
79. Миниатюра. Из истории определения разновидности жанра // Жанры в историко-литературном процессе: сборник научных статей / науч. ред. Т. В. Мальцева. СПб., 2005. Вып. 3. С. 91–103.
80. Миниатюра В. В. Розанова // Пушкинские чтения–2007: материалы XII международной научной конференции (6–7 июня 2007 г.) / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб., 2007. С. 101–108.
81. Проспект монографии «Природа в русской прозе XVIII–XIX–XX веков. Поэтика» // Природа в художественном слове. Идеи и стиль: сборник научных статей / под ред. Т. Я. Гринфельд-Зингурс. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. С. 212–218.
82. «Правда» искусства в понимании Л. Толстого и творческий опыт М. Пришвина // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. № 4. Т. 1. Филология. С. 32–38.
83. Отзвуки русского эстетического опыта в латышской литературе // «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст: материалы XVI международной научной конференции «Пушкинские чтения – 2011» / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб., 2011. С. 224–247.
84. М. Пришвин и Природа. К развитию пейзажа в прозе XX века: монография. СПб., 2017.

**СПИСОК НОВОЙ КРАТКОЙ РЕДАКЦИИ
«ПОВЕСТИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАБАКА»**

**THE LIST OF THE NEW BRIEF VERSION
OF «THE NOVEL ON THE ORIGIN OF TOBACCO»**

В статье представлена текстологическая характеристика списка «Повести о происхождении табака» (БАН 33.15.15, XIX в.), а также доказательства того, что этот список представляет собой новую (IX) краткую редакцию Повести.

Ключевые слова: *Повесть о происхождении табака, древнерусские повести, табак, текстология, редакции, краткие редакции.*

The article gives a textological characteristics for the list of «The novel on the origin of tobacco» (Academy of science library 33.15.15, XIX century), as well as evidence that this list is a new (IX) brief version of the Novel.

Keywords: *The novel on the origin of tobacco, Old Russian novels, tobacco, textology, revisions, brief revisions.*

Списки Повести о происхождении табака в ее варианте «Сказание от книги, глаголемыя Пандокъ», по наблюдениям Т. Ф. Волковой, можно разделить на списки основной, особой, распространенной и кратких редакций [2, с. 11]. Ученицей Т. Ф. Волковой О. С. Уляшовой в дипломной работе 1994 года «Сказания о табаке: проблемы поэтики и текстологии» были выявлены 8 списков Повести, которые после некоторого текстологического анализа составили группу кратких редакций. Так как ни один из этих списков не был похож на другой, то каждый из них был определен как отдельная краткая редакция: I краткая редакция – список БАН, Текущие поступления, № 506, XVIII в. (лл. 17–22); II – НБ СыктГУ, Усть-Цилемское собрание, р. 46 (электронная копия), кон. XIX в. (лл. 383–391 об.); III – БАН, собрание Успенского, № 202, XVIII в. (лл. 32 об.–42); IV – РНБ, О I, № 134, XVIII в. (лл. 91 об.–99); V – ГИМ, собрание Вахрамеева, № 436, XVIII в. (лл. 74–85); VI – БАН, Архангельское собрание, Д. 545, XVIII в. (лл. 211–220); VII – ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 202, XIX в. (лл. 2–22 об.); VIII – ИРЛИ, Пинежское собрание, № 134, XVIII в. (лл. 1–21 об.).

К исследованию кратких редакций обращалась Т. Ф. Волкова в своей статье «Повесть о происхождении табака (Список усть-цилемского книжника И. С. Мяндина в контексте рукописной традиции повести)»: она приводит результаты подробного текстологического анализа списка II краткой редакции, читающегося в Торжественнике И. С. Мяндина [2]. Наблюдения О. С. Уляшовой об особенностях списков кратких редакций, дополненные некоторыми нашими наблюдениями, были приведены нами в статье «Краткие редакции Повести о происхождении табака» [1]. Однако при транслитерации нами списков Повести, указанных в описании рукописного отделения БАН СССР [3, с. 94–95], но ранее не исследованных, было обнаружено, что список БАН 33.15.15 (далее – Б.), не привлекавшийся Т. Ф. Волковой и О. С. Уляшовой, также представляет собой сокращенный вариант текста Повести.

Список Б, содержащий сказание о табаке, датируется первой четвертью XIX века. Это рукопись в 8-ку, в бумажной обложке, на 13-ти листах, написанная полууставом. На внутренней стороне обложки несколько оттисков печатей «Смотрителя магазиновъ Лешуконскаго сельскаго общества» и «Олемскаго питейнаго дома» (в современном Лешуконском районе Архангельской области – Т. Б.). На л. 13 об. выписки о проклятиях на пьющих табак, чай, кофе; на том же листе читается письмо переписчика рукописи к некоему Семену Кузмичу при посылке настоящей «книжицы» с просьбой распространять ее [3, с. 94–95].

Список интересен уже своим заглавием, отличающимся от заглавий большинства известных нам списков Повести. Сравним заглавие вводимого в научный оборот списка Б с заглавиями двух других списков – РНБ QI № 1285 (далее – Р 1285) I вида основной редакции (наиболее близкой к архетипу Повести) и списка РНБ QI № 720 особой редакции повести.

Р 1285 Основная редакция, I вид	РНБ QI № 720 Особая редакция	Б Новая краткая редакция
Сказание от книги, глаголемья Пандокъ, о хранителномъ былии, меръзскомъ зелии, еже есть травѣ табацѣ... (л. 173)	Сказание от книги, глаголемья Пандокъ, <i>Иеронимова словеса</i> о табаце, зелейной мерзости... (л. 246)	Выписано из книги, <i>называема</i> Пандокъ, <i>а другая Миръ з Богом, печатано въ Киевопечерской лавре, при архимандрите Викентии Гиблиге, листь 253, лета 1777 году</i> (л. 1)

Как видим, в списке Б появляется указание не только на книгу Пандокъ как источник Повести, но и на другую книгу – «Миръ с Богом», при этом указывается место (Киево-Печерская лавра) и время («лета 1777 году») ее печати. Видимо, здесь имеется в виду книга «Мир человека с Богом» Иннокентия Гизеля (его имя в заглавии повести искажено), который был архимандритом Киево-Печерской лавры с 1656 по 1683 г. Ранее такое заглавие не встречалось ни в одном из известных списков всех редакций Повести. Скорее всего, этот список сделан с печатного издания Киево-Печерской лавры.

Повесть в данном списке начинается со вступления – мотив 1 (мы используем классификацию мотивов, разработанную Т. Ф. Волковой) [2, с. 13–20] и обычно содержит ссылку на 2-ю главу Апокалипсиса. Однако самой отсылки к Апокалипсису в списке Б нет. Сравним:

Р 1285 Основная редакция, I вид	Б Новая краткая редакция
<p>Мотив 1. По первомъ пришествии Господа нашего Иуса Христа на землю и по // еже во адъ сошествии, и по воскресении и по вознесении Господнемъ бысть сицево нѣчто, еже писано о семъ, еже видѣ Иоаннь Феологъ. Пиша, глаголя во Апокалипсисѣ во главѣ второй (лл. 173–173 об.) ...</p> <p>(Далее в рукописи следуют мотивы 2–8, в которых содержатся отсылки к 2-й и 17-й главам Апокалипсиса и трактуется образ вавилонской блудницы как первоисточника табачного зла).</p> <p>Мотив 9. Егда бо маниемъ Господь на земный образъ преложися и волею на смерть прииде и удицею вочеловечения своего земля (в других списках – змия – Т.Б.) извлече во адъ, сирѣчь диявола связавъ узами нерѣшимыми и во тмѣ посади, онъ же сатана умыслилъ на земли плевель насадити и посла // слуги своя любодѣйчивыя бѣсы и блудныя дѣмоны, не стерпя срама студодѣяния своего, аще возможно прельстити и избранныя Божия (лл. 176–176 об.).</p>	<p>Мотив 1. По первому пришествию Господа нашего Иуса Христа на землю, понеже и во адъ сошествия, (мотив 9) и диявола связавъ узами нерешимыми и во тме посадилъ, // он же сатана умыслилъ на земли плевель подати, послалъ своя любодейчивы блудныя бесы, не терпя срама и студодеяния своего, какъ бы прельстити избранныя Божия (лл. 1–1 об.).</p>

Как видим, отсылка к тексту Апокалипсиса в начальном фрагменте списка Б нет. Осталась только начальная фраза Повести о том, что всё, происходящее в ней, случилось после первого пришествия Христа на землю и его схождения в ад; мотивы 2–8 опущены, а текст сокращенного мотива 1 напрямую соединяется с текстом также сокращенного в своей начальной части мотива 9, при этом опущено и метафорическое выражение списка Р 1285 «*и удицею вочеловечения своего земля* (в других списках – змия – Т. Б.) *извлече во адъ*». В результате предпринятых писцом списка Б сокращений акцент в этом списке переносится на замысел дьявола распространить на земле табак. Такого перехода от 1-го мотива к 9-му нет ни в одной из кратких редакций Повести.

В дальнейшем повествовании, сохранив мотивы, связанные с блудницей Иезавелью и рожденной ею дочерью – «великой любодеей» (мотивы 10, 11, 35–39), читающиеся и в других кратких редакциях Повести, составитель списка Б полностью опускает все эпизоды, связанные с основными героями Повести – царем Анепсием, правителем эллинской страны, и врачом Тремикуром, нашедшим табак. Читатель не узнает из списка Б о том, что в стране царя Анепсия все люди жили в трезвости (мотивы 17–20); что царь Анепсий увидел пророческий сон, в котором предсказывается гибель человечества от употребления табака и, испугавшись этого сна, бежал из своего царства, никому ничего не объяснив; о встрече его с ангелом, посланным Богом, чтобы истолковать Анепсию увиденное им во сне (мотивы 21–34, 40–42). Остается скрытой от читателя и история обнаружения табака врачом Тремикуром (мотивы 43–48); рассказ о появлении у царских ворот толпы эллинов, экстремально ведущих себя под воздействием табака (мотивы 49–52). Нет в Б и диалога Анепсия с Тремикуром, в котором врач рассказывает царю об обстоятельствах обнаружения табака (мотивы 53–55), а также описания дальнейших действий царя, захотевшего проверить верность услышанного в пустыне от ангела и соединить им сказанное с рассказом Тремикура (мотивы 56–61). Отсутствует в Б и рассказ о девушке-христианке, которая пересказала Анепсию основные догматы христианства, что и побудило его креститься в христианскую веру (мотивы 62–74), нет сообщения о крещении царя Анепсия и его народа (мотивы 75–76) и пересказа царем Анепсием прибывшему епископу, о котором поведала ему девушка-христианка как о своем учителе, произошедших с ним событий, связанных с обретением табака (мотивы 77–86), отсутствует и молитва епископа (мотивы 87–88).

В результате перечисленных сокращений в списке Б после рассказа о блуднице Иезавели и ее грешной дочери (мотивы 35–39) сразу следует

рассказ о повелении Господа своему ангелу явиться епископу и проклясть табак (мотив 89). Ранее ни в одном из списков кратких редакций такого сокращения текста не наблюдалось. Даже в самом коротком списке повести – РНБ О I № 134 (IV краткой редакции) есть упоминание царя (пусть и без имени), а также сохранены некоторые реплики из диалогов царя с епископом. Из героев повести в списке Б остается только христианский епископ, который выступает носителем слова Божия и распространителем учения о греховности использования табака и пагубности его воздействия на курильщиков.

Таким образом, оформленная сюжетно занимательная часть произведения в списке Б сокращена практически полностью, что придает повествованию сугубо дидактический характер. Из-за такого сокращения текста сюжет Повести меняется коренным образом – сказание сводится к дидактическому наставлению, направленному против употребления табака. Это сближает список Б со списком 4-й краткой редакции РНБ О I № 134, который также отличается своей дидактической направленностью.

Список Б, сократив всю беллетризованную часть повествования, вместе с тем сохраняет все фрагменты Повести, рассказывающие о судьбе нарушающих запрет на употребление табака (мотивы 92–94), показывающие картину разложения нравов в последние времена (мотивы 95–97), повествующие о наказаниях, которые должны понести курильщики (мотивы 103–108). Без изменений оставлены в Б и сообщение о повелении Господа епископу проклясть табак (мотив 89), и описание явления епископу ангела с этим повелением (мотивы 90–92), и сообщение о проклятии табака епископом (мотивы 98–102). См., например:

РНБ 1285 Основная редакция, I вид	Б Новая краткая редакция
Мотив 89. И паки посла Богъ аггела своего, повелѣваше прокляти той законопреступный плодъ (л. 203 об.).	Мотив 89. Паки посла Господь аггела своего, повелевающе проклести той зелие – закана преступление (л. 3 об.).
Мотив 94. И сего ради повелѣ Богъ тебѣ вѣрныхъ иереовъ собрати, и плодъ той собравъ, прокляти (л. 205 об.).	Мотив 94. Сего ради повелелъ тебе Богъ собрати верныхъ ереовъ, плодъ той проклясти (л. 5).

Такие фрагменты призваны были еще раз указать читателям на греховность происхождения табака и усилить назидательную составляющую произведения.

Установить источник списка Б на данном этапе исследования не представляется возможным, поскольку все фрагменты, содержащие специфические чтения, определяющие ту или иную редакцию Повести, были писцом сокращены. Однако стоит отметить, что в списке Б читается в конце «Явление на Красной горе» (мотивы 111–123) – фрагмент, рассказывающий о явлении некой недужной девице Фёкле на Красной Горе пресвятой Богородицы, которая исцеляет ее и повелевает рассказывать людям о требованиях Бога, в частности почитать господские праздники и не употреблять табак. Последствия курения табака по тексту «Явления» ужасны – Господь уже занес свой острый меч над курильщиками, жены и дети их пойдут в плен и умрут от голода, поля опустеют, перестанут приносить урожай. Богородица предупреждает, что готовится Страшный суд и необходимо каяться в своих грехах, чтобы быть к нему готовым. Фёкла передает слова Богородицы православным людям.

Появление этого фрагмента в конце Повести характерно только для списков II вида основной редакции. Все основные мотивы «Явления» в списке Б сохранены. Поэтому можно предположить, что он восходит к какому-то списку II вида основной редакции Повести.

Таким образом, всё вышеперечисленное свидетельствует о том, что список Б не совпадает ни с одним из списков 8 кратких редакций, выявленных ранее, по характеру сокращения текста и представляет собой 9-ю краткую редакцию «Повести о происхождении табака».

1. Бровкина Т. В. Краткие редакции повести о происхождении табака // Человек и событие в исторической памяти: сборник статей / отв. редактор Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар, 2017. С. 104–114.

2. Волкова Т. Ф. Повесть о происхождении табака (Список усть-цилемского книжника И. С. Мяндина в контексте рукописной традиции повести) // Вестник СыктГУ, 2008, Вып. 7. Серия 6: Филология. Искусство. Сыктывкар, 2008. С. 15–33.

3. Описание рукописного отделения БАН СССР. Т. 4. Вып. 1. Повести, романы, сказания, сказки, рассказы / сост. А. П. Конусов и В. Ф. Покровская. М., Л., 1951. С. 94–95.

**РУКОПИСНЫЕ СБОРНИКИ С.А. НОСОВА:
ОПИСАНИЕ СБОРНИКА № 12**

**HAND-WRITTEN COLLECTIONS OF S. A. NOSOV:
DESCRIPTION COLLECTION № 12**

Мы продолжаем издавать описание рукописных сборников печорского старообрядческого писателя С. А. Носова (1902–1981) [1; 2; 3]. С. А. Носов известен не только как составитель и переписчик рукописных сборников религиозных текстов, но и как оригинальный духовный писатель, автор цикла эсхатологических видений, воспоминаний о своей жизни и о жизни предков, многочисленных писем религиозного содержания.

Ключевые слова: старообрядческие рукописные сборники, крестьянская духовная проза, археография.

We continue to publish a description of the manuscript collections of the Pechora, the old believers writer S. A. Nosov (1902–1981) [1; 2; 3]. In addition to the compiler and copyist of manuscript compilations of religious texts S. A. Nosov is known as the original spiritual writer, the author of a series of eschatological visions, memories about his life and about the lives of ancestors, numerous letters with religious content.

Keywords: handwritten old believers ' collections, the peasant spiritual prose, archaeography

Книга 12. Переплет из обложки учебника «Экономическая география зарубежных стран», на верхней крышке наклеены два ярлычка оранжевого цвета: «№ 12», «Книга двенадцатая 12», 185 л., фиолетовые и синие чернила, бумага в клетку и в линейку, заголовки написаны красными чернилами или красной пастой, подражание полууставу.

Л. 1¹ – Содержание словъ по книгѣ 12.

Л. 2 – Ефрем Сирин слово 99. Нач.: «Егда хочещи почести или чтущаго послушати прежде помолися Богу глаголя...».

Л. 1² – Катихисисъ большой глава 4 лист 11 вопросъ что есть вѣра отвѣтъ. Нач.: «Вѣра убо есть единомысленныи умъ и обѣтование душев-

¹ Л. 1 и 2 не пронумерованы.

² Авторская нумерация начинается с этого листа.

ное на молитву Богу что же и самъ Господь во Евангелии еже от Мака глаголетъ...».

Л. 8 – Из слова жития преподобнаго Филарета Милостиваго¹. Нач.: «Сей поять себѣ жену именемъ Фезозву, родиста же сына Иоанна и дщери двѣ, Ипатую и Еванфию...».

Л. 20 об. – 25 ноября житие святаго священномученика Климента папы Римскаго². Нач.: «В царство Доментияна царя римскаго бѣ мужъ благородень от царска рода и богатъ именемъ Фавстъ, имаше жену красно зѣло именемъ Мильтидию...».

Л. 30 – Краткие выписки из жития Выропустыннаго отца Иоанна, иже Внифатьевичем именовася кии нынѣ в сѣверныхъ странахъ за Мезенью в нетлѣнныхъ своихъ мощехъ почиваетъ. Нач.: «Сей блаженный отецъ Иоаннъ Кольское воспитание, Выгопустынное обучение мезенскихъ же и прочихъ сѣверныхъ странахъ благодатное осияние...».

Л. 36 – Катихисисъ большой лист 364 глава 73 о крещении вопрос: от коего времени имать начало нашего крещения. Отвѣт. Нач.: «Егда крестися Христось и егда прикосновениемъ пречистаго тѣла своего воды освяти...».

Л. 37 – Бѣсѣды апостольские от послания 1 к коринфянам лист 531. Нач.: «Велие убо есть крещение но велие то не крестяи творить но призываемыи въ крещение...».

Л. 38 – Книга Видѣние Григория вопрошение Феодорино ко ангеломъ и отвѣтъ ангела. Нач.: «Всякъ христианинъ приемлетъ от святаго крещения святаго ангела хранящаго его невидимо...».

Л. 38 – Толковое Евангелие на крещение Господне слово 68. Нач.: «Еже трижды в водѣ погружаемъ бывати и возгружаемымъ тридневное Христово погребение бываетъ яко же Христось три дни и три ноци в земномъ сердце сотвори...».

Л. 40 – Списокъ с прѣдела священнаго собора блаженны отецъ и страдалъцевъ, бывшаго в области Куржецкой. 1-я страница. Нач.: «Во славу всевышняго Бога и во утвержение Христовой церкви текущаго нынѣ лѣта осмыа тысящи сто 64-го генваря 7-го числа...». Конец: «Сия рукопись хранится в императорской С.-Петербургской публичной библиотеке в рукописном отдѣлении под названіемъ «Старовѣрческій символъ послѣдняго времени» за № 485. Сия списалъ лично представлявшіи к ихъ императорскимъ величествамъ Николаю Александровичу и его достоющей матери Марии Феодоровнѣ христианинъ Томской губернии Феодор Афанасьевич

¹ Далее в скобках: краткия описания.

² Далее в скобках: краткая запись.

Гусевъ, християнинъ поморскаго согласія 14 марта 1894 года. Неизмѣнно с подлиннымъ верно».

Л. 43 – из книги Максима Грека слово 41 на афродитянина. Нач.: «Подобаетъ вѣдати, яко всяко писание трети нѣкими свойствы изряднѣе достовѣрное да имать».

Л. 43 об – Апостоль толковый лист 612 Афанасія Александрийскаго. Нач.: «Нужно есть божественная писания разумѣется хотящимъ истязывати со многимъ опаствомъ...».

Л. 44 – Краткіе выписки по житію преподобнаго Алексія человека Божія. Нач.: «Бѣ мужъ благочестивыхъ царей Аркадія и Онорія великъ в боярехъ и богатъ зѣло...».

Л. 53 – Прологъ 7 сентября от житія Иоанна архіепископа новгородскаго. Нач.: «Иногда стоящу святому на молитвѣ в келии своей хотящее ему врагъ спону сотворити и пострашити святаго...».

Л. 54 об. – Прологъ 19 октября о блаженныя Клеопатры и сына ея Иоанна¹. Нач.: «Во время мучения святаго Иуара сия Клеопатра пошла взятии мощи умершаго мужа в Египтѣ и усмотри мѣсто идѣже погребень Иуаръ святыи...».

Л. 55 об. – Апокалипсисъ стих 298. Нач.: «Тѣмъ же непрестанемъ в сокрушении сердца Бога молящее избавитися отъ всѣхъ насъ...».

Л. 56 – Толковый Апостоль листъ 152. Нач.: «Дѣянїя святыхъ апостоль написа апостоль евангелистъ Лука вся яже зная по ряду мучение же его точию не приложъ книзѣ сей...».

Л. 56 об. – Из предисловія толковаго Апостола. Нач.: «Лука апостоль в книзѣ дѣянїи апостольскихъ в началѣ ихъ великою часть святаго Евангелїя Христова описуетъ почему бы исповѣдали яко сознесся Господь...».

Л. 58 – Толковый Апостоль лист 8. Нач.: «Четверодесятїи убо постъ есть преддверіе будущихъ благъ и назнаменуеть еже в плоти трудное житіе...».

Л. 72 об. – Афанасїи Александрийскїи. Нач.: «Нужно есть божественная писания разумѣти хотящимъ истязывати со многимъ опаствомъ...».

Л. 79 об. – Нравоучение о умершихъ Златоустъ. Нач.: «Ибо и мертвыхъ не того ради плачемъ еже умроши ни о живыхъ радуемъ того ради еже живуть но рыдаемъ грѣшныхъ не точию умершихъ...».

Л. 85 – Из слова ко отрекшимся мира Христа ради. Нач.: «Единаго старца вопроси братъ како спасуся онъ же с волкъ с себе ризы своя и препоясавъ чресла и руцѣ протягъ и рече...».

¹ Далее в скобках: краткая запись.

Л. 85 об. – Прологъ июля 3 из слова о покаянии. Нач.: «Согрѣшилъ ли еси не приложи еще но о первыхъ твоихъ помолился о чистящихся глаголетъ бо Исаия приидѣте возрадуемъ Господеви...».

Л. 86 – Из книги жития преподобнаго Нифонта. Нач.: «Вопрошая преподобнаго о покаянии онъ же ми глагола вѣси брате благъ есть Богъ нашъ и не имать осудити всякаго христианина еже согрешати...».

Л. 86 об. – Златоуст в пятокъ 6-я недели поста. Нач.: «О согрѣшении не просто глаголы произнесемъ ибо вѣмъ азъ многихъ, мже убо глаголют...».

Л. 87 об. – Златоуст вторник 3 недели поста. Нач.: «Покаяние глаголю не одинаго дне бываемое всегда въ нощи и во дни и на всякъ часъ...».

Л. 88 – О славѣ небеснѣй и о радости праведныхъ. Нач.: «Бѣ два воина нѣкая благочестива и добродѣтельна зѣло и любовь имѣюще между собою и единою совѣщатися...».

Л. 89 об. – Повѣсть чюдна зѣло полѣзна о пустынницѣ нѣкоемъ. Нач.: «Августину святому епископу шествующу в корабли с дружиною своею посѣщающе грады и веси иже бяху под его паствою...».

Л. 91 – О старцы сѣдѣвшемъ в пустыни 70 лѣтъ глава 26. Нач.: «Старець нѣкий сѣдя в пустыни 70 лѣтъ в велицѣ постѣ и воздѣржаніи пребывая...».

Л. 93 об. – Прологъ 2 марта еже не осуждати всякаго согрѣшающаго. Нач.: «Помышляющее убо братие Господа глаголюща не судити да не осужени будете...».

Л. 94 об. – Прологъ 30 марта слово о нѣкоемъ отцѣ преставльшемся не осуди никого. Нач.: «Сей мужъ нѣкто во иночествѣ образѣ пребывая в небрежении всякомъ и лѣностию свое житие скончавъ...».

Л. 95 – Из слова в Прологъ 9 сентября. Нач.: «Что убо сотвори святыи Аммонъ егда приидоша к нему братия глаголюще: Игумене, иди и виждь...».

Л. 95 об. – Слово о неосуждении нѣкоего Иоанна. Нач.: «Бѣ нѣкий человекъ именемъ Иоаннъ любимецъ у царя и не бяху у него на главѣ и брадѣ власы ни главныя на брадѣ его...».

Л. 96 об. – Прологъ 18 мая из слова о молитвѣ. Нач.: «Подобаеть убо молящемуся ни долгихъ словесъ простирати но часто молитися...».

Л. 97 – Чти слово пролог 18 апрѣля о послушании с вѣрою молящихся на всякомъ мѣстѣ. Нач.: «Павель апостоль в темницѣ затворен лежа окованъ но понеже с вѣрою молящееся темницу потрясе...».

Л. 97 об. – Краткие выписки о молитве и крещении из Макария, Исидора, бесед евангельских, Потребника, Стоглава.

Л. 105 об. – О Еносѣ и Илии из книги Мерзости запустѣнія свидѣтельства многихъ сятыхъ отецъ¹. Нач.: «Во Апокалиписиѣ говорится насчетъ будуща-

¹ Далее в скобках: здѣ же кратко будетъ указано на сии книги.

го что звѣрь иже исходитъ от бездны сотворить с двумя пророками брань и побѣдить ихъ...».

Л. 108 – Книга «Великое Зерцало» глава 33. Нач.: «Бѣ человекъ благонравный и благочестивый по мнозѣмъ убо покаянии яже здравъ будя творя и в велию болѣзнь впаде...».

Л. 109 – Прологъ 28 марта слово о нѣкоемъ воинѣ именем таксиотѣ воскресшемъ из мертвыхъ. Нач.: «Не умолчю бывшия благодати Божия на родѣ человечестѣмъ не ложъ бо реки не хочу смерти грѣшнику но обратитися и живу бытии...».

Л. 112 – Краткия выписки по книге блаженнаго Андрея Христа ради уродиваго глава 64 о кончинѣ. Нач.: «Въ послѣдняя дни воставить Господь Богъ царя от нищеты ходити начнетъ во мнозѣй правдѣ и всякую брань установить...».

Л. 113 – Книга «Щить вѣры» лист 223. Нач.: «Амвросии святыи и Августины мудрствуютъ сице первое, Гога и Магога глаголютъ бытии брань и гонение антихриста...».

Л. 119 – Кирилъ Иеросалимский глава 4. Нач.: «Яко Христось временно пришествия своего и кончины вѣка никому не сказа, токмо знаменія нѣкая...».

Л. 119 – Златоуст и Феофилакт «Щить вѣры» лист 13. Нач.: «Яко мало будетъ иже к Богу тогда и человекомъ вѣру хранящее тогда и Господь молитися уча вѣру помяну являя сокровенное...».

Л. 119 об. – Апостоль к солуняном послание зачин 271. Нач.: «А о лѣтѣхъ и временехъ братие не трубѣ есть вамъ писати сами бо вы извѣстно вѣсте яко день Господень...».

Л. 119 об. – Апостоль Павел к ефесянам зачин 225 рече. Нач.: «Да не бывае к тому младенцы умомъ влающеся и скитающеся во всякомъ вѣтрѣ учения во лжи человечестѣй.

Л. 120 – От соборнаго послания Иоанна Богослова зачин 73 пишетъ. Нач.: «Возлюбленнии не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи аще от Бога суть...».

Л. 120 – Номоканонъ древлеписменный. Нач.: «Чювственно ожидающи антихриста впрעדъ бытии анафема есть...».

Л. 120 об. – Краткие выписки из «Катехизиса», Кирилла Иерусалимскаго, Златоуста, Апостола о пришествии антихриста.

Л. 123 об. – Святой Киприянь и его учение о церкви глава 118, 3 книга. Нач.: «Об антихристѣ сказано, что онъ приидетъ в образѣ человека...».

Л. 123 об. – Творение преподобнаго Ефрема Сирина ч. 7 страница 246-247. Нач.: «Такимъ образомъ онъ¹ явится и взойдетъ в храмъ Божии чтобы сѣсть внутри и именно в церкви...».

Л. 125 – Апостоль толковый листъ 21. Нач.: «Преставлениемъ Еноховымъ прообразова погидение смерти Авеля бо ради явися отвѣти извѣстное...».

Л. 126 – Пролог 28 мая. Нач.: «Аще родится отроча и небрежениемъ поповымъ умереть некрещено то люте попу тому аще ли небрежениемъ родителю умереть...».

Л. 126 – Пролог 10 июня из слова о Феофанѣ. Нач.: «Феофанъ во святыхъ отецъ нашъ бѣ убо от антиохийскаго града родися от невѣрну родителю и пришедъ в совершенныи возрастъ...».

Л. 127 – Титлы на крестѣ Господни. Нач.: «М. – Мария. Р. – роди...».

Л. 128 – О печати царя Соломона. Нач.: «Премудрыи же Соломонъ сынъ Давидов имяше по данной ему от Бога премудрости печать, которой повиновалися дѣмоны...», далее – толкование печати.

Л. 129 – Краткие выписки из Святцев, Правой веры, Евангелия, Страстей Христовых о благовещении Богородицы, крещении Иисуса, о знаменях, о воскресении Иисуса.

Л. 131 об. – Прологъ 8 мая. Нач.: «От похвалъ Софрония Иеросалимскаго о Богословѣ яко отецъ Иоанна Богослова заведей бяше мати же Саломия дщи Иосифа Обручника...».

Л. 133 – Краткий списокъ миробытной истории от Адама и до нынѣшнихъ время. Нач.: «От Адама и до нашихъ время от Адама до внития сыновъ Божиихъ к дочеремъ человеческимъ 2102 годъ. А до потопа 1140 лѣтъ, а от Адама до потопа 2242, от потопа до раздѣления языкъ 530 лѣтъ, при столпотворении быша начальницы Невротъ...».

Л. 135 об. – Книга «Правая вѣра» глава 15. Нач.: «Аще четырьми обхождении весь годъ состоится сиречь весною, лѣтомъ, осенью, зимою...».

Л. 136 об. – Кирилъ Иеросалимский лист 195. Нач.: «Того ради и самъ Господь нашъ не токмо словомъ, якоже глаголется повелѣлъ и учинилъ да быхомъ постилися, но и собою образъ намъ предаде...».

Л. 138 – От жития преподобнаго отца Нифонта. Нач.: «Въ началѣ нача его лукавыи вмѣтати въ скорбь различну и в пьянство и во объядение...».

Л. 159 – Из слова Кирилла Иеросалимскаго на срѣтение Господне. Нач.: «Сие отроча чetyредесять лѣтъ Моисея губителя египтяномъ сотвори и чetyредесять лѣтъ наставника Израилеви и пастуха и устрои...».

¹ Далее в скобках: антихриста.

Л. 159 – Из слова Анастасия мниха синайскаго на преображение Господне. Нач.: «Ту убо славу божества своего тайно в человечествѣ показа апостоломъ вшед на гору...».

Л. 161 об. – Евангелие толковое слово 19 листъ 109. Нач.: «Единѣмъ же токмо ученикомъ чотыредесятьми деньми является знаменія показоваше...».

Л. 61 об. – Повѣсть от «Патерика алфавитнаго» о отце Георгии Арселаитѣ знамение 3 глава 4. Нач.: «Повѣдаша намъ о отцѣ Георгии нареченнѣмъ Арселаитѣ иже бысть пустынное воспитание и отцемъ великая похвала о нем же многая...».

Л. 165 – «Кормчая» листъ 646. Нач.: «Прежде бо самѣмъ творити таже и инѣхъ учити заповѣдано якоже учителемъ начальникъ глагола иже бо аще сотворитъ прежде рече и научит...».

Л. 166 – «Кормчая» листъ 595. Нач.: «Слыши Господа, рекша ученикомъ шедше научите вся языки крестяше ихъ во имя Отца и Сына и святаго Духа учащее я блюсти вся...».

Л. 166 – «Старчество» слово 5. Нач.: «Родительница есть всѣмъ добродѣтелемъ смирение и послушание, от тоя раждается милостыня, миръ и любовь...».

Л. 167 – Из глаголь ангела преподобному Макарию. Нач.: «Скажи ми, святыи ангеле и сия, аще человекъ наставитъ и научитъ инаго грѣшнаго человека спасеннымъ путемъ ходити и изметъ его от грѣховъ...».

Л. 167 об. – «Номоканонъ» при большом «Потребникѣ». Нач.: «Долженъ другъ другу воспоминати аще видиши брата согрѣшающа и не речеши да познаетъ грѣхъ свой...».

Л. 168 – «Прологъ» 8 октября слово о святаы Таисии, бывшия прежде блудницы. Нач.: «Блаженная Таисия имяше мать неподобну злымъ ея дѣломъ и бѣ зракомъ вельми красна сию же поимши мати веде ю в мѣсто пагубное души...».

Л. 170 – «Прологъ» 2 ноября слово о святѣмъ Серапионѣ како спасе блудницу. Нач.: «Черноризецъ нѣкии именемъ Серапионъ живый в пустыни единою же прииде во градъ потребы ради и видѣ блудницу и глагола ей: Не поими к себѣ никого же, азъ приду к тебѣ вечеръ».

Л. 170 об. – «Прологъ» сентябрь 14 слово о двою мниху яже спасоста блудницу. Нач.: «Два нѣкая мниха идяста от пустыни в Тирсь градъ потребы ради и обитаста в гостиницѣ еже ту препочити ночь...».

Л. 171 об. – «Прологъ» 22 ноября слово о Пафнутии мнисѣ како спасе разбойника. Нач.: «Пафнотии мнихъ житие постное изволивъ вина же ни-

коли же не вкушаше нѣкогда же ходя по пустыни обрѣте разбойники и тии бяху пияще вино...».

Л. 172 – Повѣсть о некоѣмъ пустынницѣ погибшемъ и разбойницѣ спасшемся. Нач.: «Бѣ нѣкто пустынникъ живыи во Египетскихъ странахъ единъ в келии Богу работая день и ночь, ядь же бѣ ему от травы и корения и воду пияше...».

Л. 173 об. – Краткие выписки из посланий апостолов, Номоканона об истине.

Л. 174 – О талантѣ. Нач.: «Погрѣбшии талантъ есть иже только о своей пользѣ пецися, а о прочихъ спасении ни едино слово творя...».

Л. 175 – Аввы Дорофея слово 5 при книге *святаго* Ефрема Сирина притча 11 стих 6-14. Нач.: «Намъ писание указывает строго что вы без писания ничего не соваршати¹...».

Л. 175 об. – Апостол толковый лист 103. Нач.: «самъ убо владыка глаголет: Испытайтѣ писания не испытуя не обрѣтаеть искомое...».

Л. 175 об. – Бесѣды апостольския листъ 2483. нач.: «Святый Златоустъ: многие непщуют² довлети себѣ во благоволение свою добродѣтель и аще свое житие добрѣ устроить...».

Л. 176 – Евангелие учительное слово 37. Нач.: «Овъ хлѣбы, другие ризу, инъ чашу студеной воды, овъ же помощь, овъ же споспѣшение словомъ елико возможно...».

Л. 176 – Катехисис малый лист 56 вопросъ Можетъ ли человекъ быть причастникъ чужихъ грѣховъ ответ. Нач.: «Можетъ егда кто моги кого отвѣсти от грѣха не отведеть, такоже кто и не накажетъ имѣя силу в наказании...».

Л. 177 – Апостоль толковый лист 479. Нач.: «И во время бо в не же хотящее Богъ иудеовъ из Египта извести и посла Моисея. Отвѣща Моисей, рече: аще ли не увѣрують ми, ни послушаютъ гласа моего рекутъ бо яко нѣсть Богъ явилъ ми ся...».

Л. 177 – Апостоль толковый листъ 566. Нач.: «Вѣра есть начало правды, святыни глава и благочестия начатокъ, исповѣданию основание...».

Л. 177 об. – Апостоль толковый листъ 153. Нач.: «Аще грѣхи будетъ сотвориль отпустятся ему исповѣдайте убо другъ друга...».

Л. 178 – Апостоль толковый листъ 831. Нач.: «Ибо аще праведнѣ богатства имѣемъ и яко же достоинъ ихъ содержимъ ничто же насъ вредять...».

¹ Так в ркп.

² Далее в скобках: дмають.

Л. 178 об. – Апостоль толковый листъ 861. Нач.: «Мужие любите жены ваша и не гнѣвайтесь на нихъ толкование. Нач.: «Сиречь да не будетъ между вами брани нѣсть бо горчайшаго якоже мужеви брань к женѣ...».

Л. 179 – Краткие выписки из Апостола толкового, Златоуста о любви к жене.

Л. 179 об. – В словѣ Дионисия Ареопагита о иноческомъ свершении указано. Нач.: «От перваго лѣта Декиева царства в немъ же уснуша святы отроцы до тридесять и осмаго лѣта юного Феодосия царя...».

Л. 179 об. – Прологъ 17 декабря. Нач.: «Яко Ананиеву главу взялъ Азария, Азариеву главу вся Мисаиль, а Мисаилову взя Даниль...».

Л. 180 – Пророкъ Данииль глава 12 стихъ 13. Нач.: «Ты же иди и почивай еще бо дние суть и часы во исполнение скончания...».

Л. 180 об. – О славъ небеснѣй и о радости праведныхъ вѣчнѣй¹. Нач.: «Нѣкии совершенный в добродѣтелехъ инокъ вниде в размышление хотя свѣдати о славъ небесней...».

Л. 183 – Святой Исаакъ Сиринъ глава 79. Нач.: «От безумия и душевныя слѣпоты раждается гордыня, от разума же и познания – смирение...».

Л. 183 об. – К Филиппу нравоучение 7 книга Алфа. Нач.: «Гордѣливыи же и инѣмъ пагуба бываетъ от безумия сия страсть раждается...».

Л. 183 об. – Василий Великий глаголетъ. Нач.: «Смирение Христово подражание, возношение же и дерзновение – безстудие дияволе...».

Л. 184 – Краткие выписки из Скитского патерика, Евангелий от Луки, Матфея, Исаака Сирина, Альфы и Омеги о посте и воздержании от пищи.

1. Мелихов М. В. Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова: сборник № 26 // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар. 2015. № 3. С. 336–352.

2. Мелихов М. В. Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова: сборник № 9 // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2015. № 5. С. 115–122.

3. Мелихов М. В. Рукописные сборники С. А. Носова: описание сборника № 11 // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2018. № 8. С. 79–87.

¹ Далее в скобках: Прологъ.

СЕКСТ ПОМПЕЙ ФЕСТ. О ЗНАЧЕНИИ СЛОВ.
ИЗБРАННЫЕ ГЛОССЫ*DE VERBORUM SIGNIFICATU
ON THE MEANING OF WORDS. SELECTED GLOSS

Одним из важнейших антикварно-грамматических сочинений является частично сохранившийся труд римского грамматика II в. Секста Помпея Феста «О значении слов», являющийся, по сути, энциклопедией по римской архаике, представленной в форме лексикона, построенного по алфавиту. Труд сохранился частично. Но сохранилась полностью его эпитома, составленная в VIII в. Павлом Диаконом, частично восполняющая утраченный текст Феста. Сочинение никогда не переводилось на русский язык, нет и его современных переводов на другие языки. В настоящем приложении публикуются сохранившиеся глоссы на букву S.

Ключевые слова: римские грамматика, Веррий Флакк, Секст Помпей Фест, Павел Диакон, О значении слов

One of the most important antiquarianism works which partly survived is *De Verborum Significatu* written by Sextus Pompeius Festus, a Roman grammarian of the 2nd century A.D. This treatise is an encyclopedia of Roman archaism presented in the form of alphabetically arranged lexicon. The treatise has partly survived but its epitome made by Paulus Diaconus in the 8th century survived in full which in a way restores the lost Festus's text. The writing has never been translated into Russian, there are no modern translations into other languages either. This publication includes glosses on letter S.

Keywords: Roman grammarians, Verrius Flaccus, Sextus Pompeius Festus, Paulus Diaconus, *De verborum significatu*

[370]

<S...> в песне салиев зовется <...>.

<**Susque deque**> употребляется часто вместо «больше-меньше»; в собственном значении – вверх-вниз (*sursum deorsumque*), потому что древние говорили *susque* вместо *et sursum* (и вверх).

<**So**>**nivio**. *Sonivius* в песнопениях салиев и авгуров означает «поющий» (*sonans*).

* Продолжение. Начало см.: Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2018. Вып. 8. С. 88–96; 2019. Вып. 10. С. 105–128.

<**Sine sacris hereditas**> – «наследство без обязанности совершения жертвоприношений». Эта поговорка используется обычно тогда, когда что-либо приобретается без какого-либо неприятного довеска; поскольку некогда исполняли с большим тщанием не только публичные жертвоприношения, но и частные, а наследнику доставалось не только имущество, но жертвоприношения: он должен был производить их чрезвычайной тщательностью.

Suppum. Древние называли *suppus* того, кого теперь мы именуем *supinus* (опрокинутый навзничь), ставя, вслед за греческим словоупотреблением, разумеется, букву *s* вместо придыхания; так же как когда греки говорят ὕλας, мы говорим *silvas* (лес); точно также ἕξ – *sex* (шесть), ἑπτὰ – *septem* (семь). Это слово упоминает и Луцилий (1297): «*Si vero das, quod rogat, et si suggeri<s> suppus*» (Ежели ты даешь, что он просит, и подставляешь спину).

Sempronia horrea (Семпрониевы амбары) именуют то место, где, согласно закону Гракха¹, находилось под охраной государственное зерно.

Statua. Есть статуя цирковому борцу, который, будучи некогда поражен молнией в Цирке, был похоронен на Яникуле. Впоследствии на основании декрета сената, принятом после предзнаменований в соответствии с ответом оракулов, его кости были перезахоронены внутри Города, на Вулканаале, что находится выше комиция, и там была поставлена эта колонна с его изображением.

Servilius lacus (Сервилиев пруд) назван так от [имени] того, кто позаботился о том, чтобы вырыть его в начале Югарной улицы; он находится рядом с базиликой Юлия. На этом месте М. Агриппой была поставлена статуя гидры.

[372]

Sonticum morbum. Элий Стиллон справедливо говорит, что в законах XII Таблиц (2, 2) выражение *sonticus morbus* означает «опасная болезнь». Некоторые полагают, что это такая болезнь, которая причиняет ущерб, так как *sontes* имеет тот же смысл, что и *nocentes* (чинящие вред). Невий говорит (com. 128): «*Sonticam esse oportet causam, quam ob rem perdas mulierem*» (Должна быть серьезная причина, чтоб ты погубил женщину).

Sacram viam. Некоторые полагают, что Священная дорога (*Sacra via*) названа так оттого, что на ней был заключен союз между Ромулом и Тацием. Другие считают, что этой дорогой пользуются жрецы для совершения жертвоприношений во время Ид. Так что не должно, как-то обычно полага-

¹ Гай Семпроний Гракх – плебейский трибун 123–122 гг. до н.э., принявший, наряду с другими, т.н. хлебный закон. См.: *Cic. Sest.* 103; *Brut.* 222; *Off.* II. 72; *Liv. Per.* 60; *Vell.* II. 6. 3; *Plut. C. Gr.* 5. 2; *Flor.* II. 1. 7; *App.* BC. I. 21; *Vir. Ill.* LXV. 3.

ют, именовать ее Священной только между регией и домом царя священнодействий, либо между домом царя и святилищем Стрении, или между регией и крепостью. Веррий говорит, что стоит писать ее название не в одно слово, но отдельно, в два, как и наименования других дорог – Фламиниевой, Аппиевой, Латинской, подобно тому как Новая дорога пишется в два слова (*Nova via*), а не в одно (*Novavia*)¹.

Scita plebei. Плебисцитами именуются те [решения], которые утвердил плебс своим голосованием без патрициев, по внесении [их] плебейским магистратом.

Solitaurilia означают жертвоприношение трех различных видов животных – быка (*taurus*), барана, хряка², поскольку туши их [приносятся] целыми (*solidi*) и невредимыми; <...> валухи и боровы. Названы они так оттого, что по-оскски *sollum* означает «весь», «целый». Отсюда те копья, что полностью сделаны из железа, именуют *sollifera*, а человека, сведущего в искусствах, – *sollers*; *solida* называют и те [вещи], которые не рыхлы и не пустотелы ни в какой [своей] части. Также и при всех этих жертвоприношениях быки должны иметь все части тела, то есть ту, разумеется, которую отрезают при кастрации. Есть те, кто полагает, что из трех этих жертвенных животных при создании слова объединили с *solidum* лишь быка (*taurus*) по той причине, что он самый крупный из них. Другие считают, что название возникло из смешения наименований всех трех животных – хряка, барана, быка, и относится равным образом ко всем из них. Если наименование этого рода жертвоприношений образовано от *sollum* и *taurus* в соответствии с древним словоупотреблением, то неудивительно, что произносится оно через одну *l*, поскольку тогда никакие буквы не удваивались на письме. Эний, как говорят, изменил эту традицию; будучи греком, он последовал за употреблением греков, которые и на письме, и при чтении удваивали немые, полугласные и плавные звуки.

[374]

<**Socordi**>**am.** Некоторые употребляли *socordia* вместо *ignavia* (глупость), М. Катон в седьмой книге «Начал» использовал его вместо *stultitia*, когда пишет (15): «...*ob immensam timiditatem et socordiam causa erat, ne quid negotii publici...gereretur*» (безграничная робость и глупость стали причиной того, что не занимался он государственными делами). Представляется однако, что слово составлено из *se*, то есть сокращенного предлога *sine* (без), и *corde* (сердце).

¹ См.: *Varr.* LL. V. 47; *Plin.* XIX. 23; *Serv.* Aen. VIII. 641.

² Один из видов очистительных жертвоприношений, именуемых также *suovetaurilia*.

Semis, semodius, semuncia (половина, полмодия, пол-унции) происходят из греческого, на том же основании, что и другие, которые имеют букву *s* вместо придыхания, как, например: ἑπτὰ – *septem* (семь), ὕλαι – *silvae* (леса). Слова, что приведены выше, произошли от греческого слова «половина», греки называют ее ἡμισυ (половина).

[**Sublicium pon<tem>**. Некоторые полагают, что Свайный мост (pons Sublicius) назван так от *sublices* (сваи), специфического слова языка вольсков, которым они именуют толстые балки; оттуда жители Формий именуют мост именно так <...>, другие авторы называют их *sublices*. Третьи полагают, что назван он Свайным (Sublicius) оттого, что под (sub) ним струится текучая (liquens) вода. Что существовало подобное мнение, подтверждает и Невий, упоминая *pons Sublicius*, когда говорит в своей книге о Пунической войне <...>. Саллюстий в четвертой книге «Истории» (85) <...>.]

[376]

[**Supervacaneum** (излишнее), как кажется, Веррий отделяет от *vacuum* (пустота) на основании того, что *vacuum* зовется исключительно то, что имеется в избытке и в избытке в фамилии, тогда как *supervacaneum* есть то, что бесполезно; но это различие не встречает одобрения.]

[<**Strufertarios**>. Древние называли струфертариями <...> как говорит <...> нанятых за плату людей, которые производят возле деревьев, пораженных молнией, во искупление совершенных преступлений определенный род жертвоприношений, которые включают пироги, именуемые *strues* и *fertum*, сопровождая их сакральной словесной формулой: «Прошу тебя, Юпитер, будь благосклонен ко мне». Жертвоприношения такого рода производятся и без привлечения струфертариев.]

<**Suberies**> (пробковое дерево) – вид дерева, с которого сдирают пробку для плавания. Луцилий (1302) <...>.

<**Silicernium** именуют погребальную трапезу, которую греки называют περὶδειπνον; но <...> Веррий полагает, что это род блюда, именуемый нами *farci-men* (колбаса), использовавшийся при очищении семьи от траура; зовется же он *silicernium* оттого, что тот, по поводу кого устраивалось поминовение, <...> уже познал покой (*silentium*). Цецилий в «Ростовщике» (122): «*Credidi silicernium eius me esse esurum*» (Я верил, что буду есть его силицерний). <...>

<**Sudum**>. Веррий говорит, что *sudus* означает *subudum* (сырость), но примеры почти из всех авторов доказывают скорее то, что *sudus* означает «сухой». Таким образом, *sudum* есть как бы *seudum*, то есть *sine udo* (без влаги), так же как *securus* есть *sine cura* (без заботы) <...>.

[378]

<**Sublesta**> древние использовали в значении «слабая» и «тонкая». Плавт в «Персах» (347): «*Ad paupertatem si immigrant infamiae, gravior paupertas fit, fides sublestior*» (Прибавится ли к бедности бесславие, / Тем тяжелее бедность, меньше будет к нам / Доверия; – пер. А. Артющкова); то есть «слабее». Он же в «Нерволярии» (98) называет вино *sublestissimum* («очень слабое»), потому что оно ослабляет либо тело, либо душу.

Satur (полный) не относится ни к человеку, ни к *плоти*.

Supellectilis (утварь) и *senis* (старик) употреблялись согласно правилу в именительном падеже; теперь эти слова, как кажется, различаются своим конечным формантом: ведь все слова, оканчивающиеся на букву х, принимают при склонении основу косвенного падежа¹. Эти два слова отклоняются от общего правила, *как многие другие*, что не должно, однако, опровергать само правило.

Scurrae. Веррий говорит, при том совсем безосновательно, что слово *scurra* (льстец) произошло от греческого, то есть от *σκυρτάζειν*, либо от *sequi* (следовать), к чему он склоняется больше. Зовется он так оттого, что и люди более низкого состояния, и все прочие, которые сопровождают кого-либо почета ради, имеют обыкновение идти не впереди, а следовать за ним. Он, разумеется, считает так потому, что Луцилий говорит (1138): «*Cornelius Publius noster Scipiadas *dicto tempus quae intorquet in ipsum oti et delici<i>s</i> luci effictae* atque cinaedo, et sectatori adeo ipse suo, quo rectius dicas, ibat forte domum: sequimur multi atque frequentes*» (Наш Корнелий Публий из рода Сципионов, я вам скажу, время изводит в праздности да наслажденьи, шагает с кинедом, сказать более прямо, со своим прилипалой, споро домой; следуем за ним мы толпою поспешной). Он понимает, как кажется, в последователях тех, что бранят его, а не следующих в силу обязанности.

[379]

Secus. Вальгий полагает, что *secus* произошло от греческого слова *ἐκὰς* (далеко). Разумеется это абсурд. Ведь вполне очевидно почти из всех примеров, в которых используется это слово, что оно означает «иначе».

Stipem. Свидетельством того, что *stips* означает чеканную монету, служит и то, что ею воину выплачивается *stipendium* (жалованье), и то, что когда обещают предоставить деньги, говорят о том *stipulari* (стипулировать)².

¹ В классической латыни форма именительного падежа на х (*supellex*, *lectilis*; *senex*, *is*), однако основа косвенного падежа образуется по-разному.

² Т.е. заключать устный торжественный договор (*stipulatio*). Ср.: *Varr. LL. V. 182*. См. также: *D. 47. 22. 1pr.*

Sobrinus (двоюродный брат) – это, как говорит Эллий Галл, и сын двоюродного брата моего отца, и сын двоюродной сестры моей матери. На том же основании женщина называет так брата, и двоюродного брата по отцу, и двоюродного брата по матери, и сына двоюродного брата и сестры по матери. В той же степени родства находятся и двоюродные сестры по матери¹.

[380]

Sororium tigillum. Балка получила название сестриной по следующей причине. Когда по уговору [римского] царя Тулла Гостилия и альбанского вождя Меттия Фуфития сразились [от каждой из сторон] по три брата-близнеца Горации и Куриации, дабы победителям поединка досталась власть над противником, и наш Гораций одержал верх и победителем вернулся домой, то сестра его, выйдя навстречу и узнав о смерти жениха, убитого рукой ее брата, отвернула от него свое лицо. По этой причине Гораций убил ее. И хотя отцом он был оправдан в совершенном деянии, предстал однако перед дуумвирами как убийца сестры, а будучи обвинен ими, обратился к народу. Этого суда победитель, когда две балки были перекрыты третьей, которую установил его отец, прошел под ней, как бы пройдя под ярмом. Воздвигнув на том месте жертвенник Юноне Сорории и Янусу Куриацию, он освободился от достойного наказания преступления, что было подкреплено авгуриями. По этой причине эта балка называется сестриной².

Sororiare («растут вместе, как сестры») говорят о грудях девочек, когда они впервые набухают, тогда как в отношении мальчиков [говорят] *fraterculare* («растут вместе, как братья»). Плавт в «Безделицах» (85) <...>: «*Tunc papillae primulum fraterculabant; illud volui dicere, sororiabant. Quid opus est verbis? <...>*» (Тогда впервые соски набухали, что братья; то есть я хотел сказать набухали, что сестры. Что должно словами <...>»).

Suregit и **sortus** древние ставили вместо глагола *surrexit* и причастия от него, как если бы была форма *surrectus*. Л. Ливий часто прибегал к использованию этих форм.

¹ См.: s.v. Propius sobrino. P. 261; sobrinus. P. 379; D. 38. 10. Зпр.: «К шестой степени родства относятся...также те, кто происходит от двоюродных братьев и сестер и которые называются в собственном смысле слова троюродными братьями (*sobrini*)»; 33. 8. 1. 3.

² Согласно традиции, исход противостояния между Альбой-Лонгой и Римом в эпоху царя Тулла Гостилия был разрешен поединком братьев-близнецов Горациев и Куриациев. Выиграв сражение, последний из Горациев вернулся в Рим, где, застав у ворот сестру, позволившую себе оплакивать одного из Куриациев, за которого она была просватана, убил ее, за что подвергся царскому суду, но был прощен народом и очистился, построив жертвенник Юноне Сорории и Янусу Куриацию. См., например: *Liv.* I. 25–26; *Dionys.* III. 21–22 etc.

Sors означает и наследство, откуда мы говорим *consortes* (сонаследники), и прорицание бога, и то, что каждому выпадает по жребии (*sortiri*)¹.

[382]

Soracum (сундук) есть то, в чем перевозится скарб актеров. Плавт в «Персе» (392): «*librorum eccillum habeo plenum soracum*» (Ведь книг-то полный ящик у меня лежит! – пер. А. Артюшкова).

Sobrium vicum. Полагают, <...> в том числе Элий, что улица была названа Трезвой (*vicus Sobrius*) оттого, что не было на ней места ни тавернам, ни кабакам; другие – оттого что на ней обычно возливают Меркурию молоко, а не вино.

[<**Soni**>**vium tripu**<**dium**>. Благоприятное предзнаменование, как говорит Аппий Пульхр, названо так оттого, что при нем издается звук (*sonare*), так как каша выпадала из клюва цыпленка или рта четвероногого <...>].

[<**Sons**> – виновный, поскольку, от противного, *insons* – невиновный].

Sodalis. Некоторые полагают, что *sodales* (товарищи) названы так оттого, что заседают (*sedere*) они и едят сообща; другие – оттого что имеют обыкновение питаться тем, что принесено своего (*ex suo datis*); третьи – потому что советуются (*suadere*) меж собой о том, что было бы полезным [для них]. <...> Поскольку они собираются часто, то их называют и *congerrae* от греческого слова γέρρα (плетень).

Sodes [есть] *si audes* (если тебе угодно), *uti sis* [ставится] вместо *si vis* (если хочешь), а *ilico* вместо *in loco* (на месте). Теренций в комедии «Девушка с Андроса» (85): «*Dic, sodes, quis heri Chrysidem habuit?*» (Скажи, угодно тебе коль, кто у Хрисиды был вчера?)

Surum. *Surus* – кол, употребляли и производное от него существительное в уменьшительной форме – *surculus* (заноза). Плавт (*frag. inc. 41*) <...>. Энний (*Ann. 525*): «*Unus surum surus ferre, tamen defendere possent*» (Пока хоть один держал кол, могли они все ж давать отпор).

[<**Suremit**> – «он взял» (*trag. inc. 235*): «*Inque manum suremit hastam*» (И взял он в руку копьё); и «... *puerum surempsit ...*» (... он поднимет мальчика...)]

[384]

«**Scyrium non Syrium**» сказал <...>.

¹ Ср.: *Varr. LL. VI. 65*: «Откуда также *sors*, отчего и сами *consortes* (совладельцы)»; *Isid. Etym. X. 51*: «*Consors* (совладелец) [происходит] оттого, что часть (*pars*) имущества принадлежит ему. Ибо древние ставили *sors* вместо *pars*. *Consors*, следовательно, оттого, что имеет он общую долю (*communis sorte*)». См.: *D. 5. 1. 14*; *21. 2. 21pr.*; *2. 14. 56pr. etc.*

Summussi называли шептунов. Невий говорит (trag. 63): «*Odi summusos, proinde aperte dice, quid sit quod times*» (Ненавижу я шептунов, говори потому открыто, что есть, чего ты боишься). Энний в шестой книге (Ann. 182): «... *intus in occulto mussabat*» (...шептал про себя он тайно). Энний в «Андромахе» (94): «*dicere ... non est: nam mussare si...*» (говорить... не стоит; ведь шептать...). Ювенций в «Анагноризомене» (1): «*Quod potes, sile, cela, occulta, tege, tace, mussa, mane*» (Можешь, так умолчи, утай, скрой, сохрани в тайне, промолчи, безмолвствуй, сохрани в себе).

Sum. Энний в первой книге использовал *sum* вместо *eum* (Ann. 98): «*At tu non ut sum summam servare decet rem*» (Но не тебе, а ему подобает охранять государство). И во второй (131): «*At sese sum quae dederat in luminis oras*» (Но самого его, что предоставил жизнь).

Sollo по-оскски означает то же, что у нас – *totus* (целый). Луцилий (1318): «*[s]uasa quoque omnino dirimit, non sollo dupundi*»¹, то есть *non tota*. Также Ливий называет *sollicuria* женщину, заботливо относящуюся (*curare*) ко всякому делу, а *solliferreum* – вид копья (34, 14, 11), изготовленный целиком из железа (*ferreum*). *Sollers* – тот, кто сведущ во всяком деле, а *sollemne* – то, что должно совершаться ежегодно.

[386]

Solia называются сидения, на которых могут сидеть не более одного [человека]; потому о тех, кто устраивает селлистерний (*sellisternium*)², говорят, что они *soliar sternere* (стелют ковер); сами места, которые застилаются этими коврами, называют *sol<i>aria Babylonica*. Названия всех этих сидений, как говорит Веррий, произошли от *solus* (один). Также и ванны, устроенные для мытья, куда может поместиться один человек, называют *solia*. Как кажется, слово это скорее произошло от *s[c]e[n]dere* (сидеть), чем от *solus*.

Sollistimum. Аппий Пульхр в первой книге «Авгуральной науки» пишет, что *sollistimum* – это трипудий, благоприятное знамение, когда птица роняет из клюва то, что несет в нем; или когда целая скала рушится или живое дерево падает без всякого воздействия человека.

Solum – земля. Энний в третьей книге (Ann. 150): «*Tarquinio dedit imperium simul et sola³ regni*» (Передал Тарквинию власть тут и царскую землю). А также в другом месте (Ann. 455): «*Sed sola terrarum postquam permensa parumper*» (Но после, стремительно пройдя по краям и долам).

¹ «Всякой посуды себе накупил – дешевле полушки» (пер. Е. Рабинович).

² Религиозное пиршество в честь женских божеств. Их подобия усаживали на сидения, подстлав под них коврик или подложив подушку. См.: s.v. Struppi. P. 473; *Val. Max.* II. 1. 2; *Tac. Ann.* XV. 14.

³ Возможно имелся в виду *solium* – царский трон. См. выше s.v. *Solia*.

Solea, как говорит Веррий, именуют не только то, что подкладывается под подошву ноги (сандалия), но и дубовую балку, поверх которой возводится фашинная стена.

Solox – свалывшаяся шерсть, животное, что пасется свободно там и сям вне загона. Тициний в «Бородаче» (3): «*Ego ab lana soloci ad purpuram data*» (Я из свалынной шерсти, отданной, чтоб выкрасить в пурпур); и Луцилий (1246): «*pastali pecore ac montano, hirtio atque soloce*» (Горных пастбищ стада со свалывшейся космами шерстью; – пер. Е. Рабинович).

Sos древние использовали вместо *eos* (их), как, например, Энний в первой книге (22): «*Constitit inde loci propter sos dia dearum*» (Затем ради них Великая богиня установила место); и в третьей книге (151): «*Circum sos quae sunt magnae gentes opulentae*» (народы великие и могущественные, что вокруг них); в седьмой (256): «*Dum censent terrere minis, hortantur <i>be sos*» (В то время как стремятся напугать они угрозами, напротив поощряют их к тому); в одиннадцатой (356): «*Contendunt Graecos, Graios memorare solent sos*» (Говоря о греках, они обычно называют их гречишками). Иногда они употребляли *sos* вместо *suos*, как когда тот же Энний использует это слово в дательном падеже (Ann. 149): «*Postquam lumina sis oculis bonus Ancus reliquit*» (После того как благородный Анк сомкнул свои очи).

[388]

Sultis есть *si voltis* (если желаете). Плавт в «Безделках» (80): «*Sequitur me hac sultis legiones omnes Lavernae*» (Коли желаете, за мною следуйте по этому пути все легионы Лаверны); и в «Канате» (820): «*Curate haec sultis magna diligentia*» (Желаете коль, позаботьтесь о том с великим усердием). Катон в речи «Против Л. Цезеция» (52, 1): «*Audite sultis milites, si quis vestrum in bello superfuerit, si quis non invenerit pecuniam, egebit*» (Согласитесь, если хотите, воины: если кто-нибудь из вас останется цел на войне, но не раздобудет денег, то впадет в нищету; – пер. Н.Н. Трухиной)

Solari. Свидетелем того, что древние употребляли глагол *solari* (утешать) без предлога, является Пакувий, когда говорит (365): «*Solatur, auxiliatur, hortaturque me*» (утешает, помогает и ободряет меня).

Solatum селяне называют смертельную болезнь, о которой упоминает также Афраний (425) <...>.

Solipu<gna> (белый ядовитый муравей) – вид вредного насекомого; на солницеке (*sol*) оно становится злым и возбужденным, откуда и получило название.

[**Sosp<es>** почти у всех авторов означает «здоровый»; так Афраний в «Письме» (132): «*Di te sospitem servent tuis*» (Боги хранят тебя целым и невредимым для твоих). Вергилий в восьмой книге «Энеиды» (470): «*Maxime*

Teucrorum ductor, quo sospite numquam» (Тевкров доблестный вождь, пока ты жив – не признаю; – пер. С.А. Ошерова). Энний (trag. 386): «*Parentem et patrem di servate sospitem*» (Боги, храните невредимым родителя и отца моего). Акций (695): «*Si rite ad patriam sospes pervenisset*» (По обычаю, если невредимым на родину прибыл). Энний, как кажется, использует слово в значении «спаситель», когда написал (Ann. 590): «*Quo sospite liber*» (Свободный, благодаря спасителю его). Впрочем, Веррий говорит, что *sospitare* означает «наделять доброй надеждой» или «не вводить в заблуждение пустой надеждой».]

[390]

<**Sucrotilla**> называли тонкий и высокий голос. Тициний в (171) <...> «*feminina fabulare succrotilla vocula*» (Женские басни, крики, болтовня). Афраний в «Письме» (126): «*Loquebatur succrotilla voce serio*» (говорил он серьезно писклявым голосом). Плавт в описании женских тонких ножек в <...> (Cist. 408): «*Cum extertis talis, cum todellis crusculis*» (С истертыми лодыжками, с тонюсенькими ножками); и это правильно, поскольку нет у них силы в ногах.

[<**Su**>**cula** (ворот) – вид машины, из гладко обработанного толстого просверленного к изнутри деревянного цилиндра, вокруг которого, как вокруг соска свиноматки, вставлены деревянные рукоятки, именуемые *porculi*, вращая за которые, тянут груз посредством тягового каната. Этим же именем наши авторы именуют созвездие из пяти звезд, которое греки называли Гиадами от слова дождь. Наши же называли их Сукулами, полагая, возможно, в век низкого уровня красноречия, что происходит их название от *subus* (свинья).]

<**Su**>**ccingulum** древние называли перевязь для оружия. Плавт (Men. 200): «*Ab Hippolyta succingulum Herculis aequo magno neutiquam abstulit periculo*» (Наверно, Ипполиты пояс взять / Легче было Геркулесу, чем добычу эту мне; – пер. С. Радлова).

<**Sucerda**>**e** зовется свиной помет <...>: «*simus sucerdae*» (пометом свиным станем). Тициний (178): «*Quid habes nisi unam arcam sine clavi? eo condis sucerdas*» (Что есть у тебя? Разве что сундук без ключа. Дерьмо свиное в нем прячешь). Так же как от *sus* (свинья) происходит *sucerda*, так и от *ovis* (овца) – *ovicerda* (овечий помет). <...>

[<**Suburanam** <**tribum**>. Полагают, что Субуранскую трибу некогда именовали Суккузанской <...> Очевидно названа она Суккузанской от Суккузанского пага, где упражнялись воины.]

[392]

<**Succidanea hostia**> именуют жертвенное животное, которое приносится в жертву во вторую очередь, поскольку закалывается оно как бы *sub*

priore (вслед за первым); некоторые полагают, что названо оно так от *succedere* (идти вслед), а не от *succidere* (убивать).

<**Suggilatum**>. Считают, что *suggilatus* (синяк) происходит от греческого слова, так как та часть [лица], что находится под глазом, именуется греками κύλον (нижнее веко).

<**Sycophantas**>. Некоторые говорят, что доносчики, именуемые сикофантами, названы так по следующей причине. Некогда молодые афиняне имели обыкновение забираться в сады <...> и воровать смоквы. По этой причине было установлено законом, что тот, кто совершит такое, лишался головы. Отсюда те, что стремились за незначительный ущерб наложить это наказание, стали называться сикофантами.

Sulci называют борозды, которые плугом проводятся либо при севе, либо при основании города; либо ямы с прямыми сторонами, в которые высаживаются деревья. Некоторые выводят это слово из греческого, поскольку греки говорят ὄλκός (борозда).

Suasum называют цвет, который образуется на белом одеянии от сажи, растворенной в воде. Плавт (Трус. 271): «*Quia tibi suaso infecisti propudiosa pallulam*» (Выкрасила сажой, бесстыжая, плащик). Некоторые же читают здесь *insuasum*. Хватает и тех, которые говорят, что всякий цвет ткани, образующийся при ее окрашивании, именуется *suasum* по той причине, что ткань как бы «склоняется» (*persuaderi*) изменить свой цвет с белого на другой.

Saltum. Элий Галл во второй книге «О значении слов, которые имеют отношение к праву» так определяет *saltus*: «*Saltus est, ubi silvae et pastiones sunt, quarum causa casae quoque: si qua particula in eo saltupastorum, aut custodum causa aratur, ea res non peremit nomen saltui<s>; non magis, quam fundi, qui est in agro culto, et eius causa habet aedificium, si qua particula in eo habet silvam*» (Сальтусом именуется имение, в состав которого входят леса и пастбища, а для пользования ими также и хижины; если какая часть имения обрабатывается в интересах пастухов или охранников, это не препятствует именовать его сальтусом, в той же мере, как земельный участок, представляющий из себя обработанное поле, на котором с этой целью возведено некое здание, если какая-либо его часть включает в себя лесной массив именуется *fundus*).

[394]

Superescit означает «останется в живых». Энний (Ann. 494): «*Dum quidem unus homo Romanus toga superescit*» (Пока будет жив хоть один римлянин, одетый в тогу). И Акций в «Хрисиппе» (266): «*Quin hinc superescit, Spartam atque Amyclas trado*» (Лишь бы остался в живых, отдаю Спарту и

Амиклы). Но в собственном смысле *super* означает «выше», как когда мы говорим: *super illum cedit* (становится выше его). Но в соответствии с греческим словоупотреблением ставится также и вместо предлога *de*, так как греки используют в этом случае ὑπέρ. Плавт в «Хвастливом воине» (1212): «*Mea opera super hac vicina, quam ego nunc concilio tibi*» (что помог я покорить / Красоте твоей соседку; вот вручаю, забирай. – пер. А. Артюшкова). И в «Привидении» (727): «*Ehem, vix tandem percipio, super rebus nostris loquitur*» (Что? Ах да! / Понял наконец: об этих наших говоришь делах! – пер. А. Артюшкова). Пакувий в «Меде» (237): «*Qua super re interfectum esse Hippotem dixisti?*» (И по какой такой причине ты сказал о том, что Гиппос был убит?). Катон в речи «Против Анния» (1): «*Nemo antea fecit super tali re cum hoc magistratu utique rem*» (Никто меня раньше не доводил до того, чтобы такое дело я исследовал с этим магистратом; – пер. Н.Н. Трухиной). Афраний в «Деве» (343): «*Alis de rebus in qua coepisti super*» (Что касается других дел, что ты предпринял касательно...).

Supercilium (бровь) именуется так оттого, что находится над ресницами (*supra cilium*), то есть выше защитного покрова глаза.

Sub iugum mitti говорится о побежденных врагах, у которых отнято всякое наступательное и оборонительное вооружение, когда им приказывают пройти под ярмом, представляющим из себя два воткнутых в землю копья, связанных меж собой сверху третьим, являющимся символом Януса.

Subices Энний в «Ахилле» поставил вместо *subiecti*, когда написал об облаках следующее (2): «*Per ego deum subices umidas: inde oritur imber sonitu saevo spiritu*» (Молю тебя богом, подними ты влажные тучи, льет из которых дождь с ветром и грохотом грозным).

Superstites – непосредственные свидетели. Стороны, меж которыми имеются разногласия, побуждаются вчинять иски по делу, требующего засвидетельствования, в присутствии свидетелей. Плавт в «Артемоне» (6): «*nunc mihi licet quidvis loqui: nemo hic adest superstes*» (теперь дозволено мне говорить что угодно: нет здесь ни одного свидетеля). В обыденном словоупотреблении *superstites* указывает на тех, кто остаётся в живых. Так говорят, что дети останутся в живых, переживут своих родителей... «*Quantomobrem progredi superem ulterius vivendo, quanquam omnes superstites mihi velim*» (Вот почему я пожелал дойти до края жизни, хотя хотел, чтоб пережили все меня).

[396]

Su<pervaganea> именуют авгуры птицу, которая издавала крик, пролетая очень высоко; названа она так оттого, что как бы странствует (*vagari*) в небесной высоте выше (*super*) всех прочих.

Supercilia. Полагают, что брови (*supercilia*) находятся под опекой Юноны, как находятся под ней, говорят, и женщины, поскольку защищают они глаза, через которые мы наслаждаемся светом, который предоставляет Юнона. Оттуда, как кажется, и сама богиня прозвана Люциной.

Supernati (подрубленные) называют тех, у кого подрублены бедра подобно свиным окорокам (*pernae*). Энний (*Ann.* 286): «*His pernas succidit iniqua superbia Poeni*» (С чрезмерной надменностью пунийца он подрубил им бедра). И Катулл (17, 19): «... *In fossa Liguri iacet suppernata securi*» (Чей у корня подрублен ствол топором лигурийца; – пер. С.В. Шервинского).

[**Supremum.** *Supremus* иногда означает «наивысший», как говорит, например ... (*trag. inc.* 39): «*Supreme belli atque armorum arbiter potens*» (Судья могущественный войны великой и оружия). Плавт (*Pseud.* 16): «*Me antidhac supremum habuisti semitem consiliis tuis*» (Мыслям всем твоим / Главнейшим до сих пор я был поверенным; – пер. А. Артюшкова). Иногда означает «крайний», как в законах XII таблиц (1, 9): «*Solis occasus diei suprema tempesta esto*» (Пусть заход солнца будет крайним сроком [судоговорения]) <...> «*suppremo crimine necte tuo*» (свяжи обвинением тяжким) <...> «*Ab illo sepeliri die suppremo*» (Быть похороненным им в день последний) <...> «*et quasi suppremo <...> tempera voltu*» (и как бы ликом последним...). Катон (*inc.* 36) <...> что он никогда не уклонялся от любой помощи (*suprema advocatio*) всякому страждущему, обвиняемому перед претором». Иногда означает «наибольший», когда, например, штраф в две овцы и тридцать быков называют наибольшим (*suprema multa*).]

[398]

[**Subsidium** назывался тыловой резерв, когда воины стояли в в тылу войска и приходили на помощь теснимому боевому порядку. Резервисты состояли из тех, кто уже отбыл срок военной службы; тем не менее, они сохраняли свое место в войске. Они считались триариями (*triarii*) и составляли третий боевой порядок, как Плавт замечает в «Безделках»: «*Agite nunc, subsidite omnes, quasi solent triarii*» (Теперь действуйте, подсобите все, как обычно делают то триарии). Аналогичным образом, президиариями (*praesidiarii*) именовались те, кто размещался впереди них, либо кто был поставлен впереди в другом месте.]

Subsolaneae <...> именуется <...>.

[<**Subsilles**> есть то, что иначе именуют *ipsilles*, а именно маленькие металлические пластинки, используемые при жертвоприношениях; говорят, что прежде всего они необходимы во время священнодействий, и по виду они напоминают фигурки мужчин и женщин.]

Substillum. Древние называли промежуток времени перед дождем, когда уже немного сыро, а также и после дождя, когда еще не вполне сухо; [назван он так] оттого, что дождь либо уже накрапывает (*stillare*), либо еще не прекратился.

<**Subscudes**> (шипы) именуются клиновидные планки, которыми доски скрепляются между собой, оттого, что в досках, в том месте, куда они вставляются, рубят (*succidere*) паз. Пакувий в «Ниптре» (250): «*Nec ulla subscus cohibet compagem alvei*» (И никакой шип не скрепляет единство дощечек кадки). Плавт в «Астрабе» (13): «*Terebratus multum sit, et subscudes addite*» (Есть отверстие большое, так шипы вставляйте вы).

[400]

Sub corona. Говорят *sub coronam venire* (продавать под короной) оттого, что пленники продаются по обыкновению под короной, как, например, говорит Катон в книге «О военном деле» (2): «*Ut populus suus sua opera potius ob rem bene gestam coronatus supplicatum eat, quam re male gesta coronatus veneat*» (Чтобы народ шел скорее по собственной воле, возложив венок, возносить молитву за счастливо законченную войну, чем после поражения увенчанный был бы продан с торгов). Также знаком того, что народом ничего не предоставляется, что Плавт подчеркивает в «Садочке» (91): «*Praeco ibi adsit, cum corona, quiqui liceat veneat*» (Посодействует там аукционист с короной сбывать-продать за любую цену).

Sublimem. *Sublimis* означает «возведенный в высоту», как, например, Энний говорит в «Тиесте» (302): «*Aspice hoc sublime candens, quem vocant omnes Jovem*» (Взгляни на сияние в вышине, что все Юпитером кличут). Вергилий в первой книге «Георгик» (242): «*Hic vertex nobis semper sublimis*» (Встала вершина одна над нами навечно; – пер. С.В. Шервинского).

Sublimavit, то есть «он возвел вверх», употребил Катон во второй книге «Начал» (33): «*In maximum decus atque in excelsissimam claritudinem sublimavit*» (Он удостоился великой славы и высшей степени почета). Слово происходит от *limen superius* (высокая дверь), потому что она выше нас.

Succenturiare означает «доукомплектовывать центурию ради восполнения [ее численного состава], восполнять». Плавт в «Сатурионе» (114): «*Subcenturia [cen]tum require, qui te delectet domi*» (Доукомплектуй до требуемой сотни центурию, что дома ты набрал). И Цецилий в «Триумфе» (229): «*nunc meae malitiae astutia opus est; subcenturia*» (Теперь моему коварству нужна хитрость; пополни центурию).

Subrumari¹ говорится о козлятах, когда они подносятся к вымени, оттого ли, что вымя называется *rumis*, или оттого, что, посасывая молоко, они тянут за вымя.

[402]

Subulo на языке этрусков означает «флейтист». Так Энний (Sat. 65) пишет: «*Subulo quondam marinas propter adst[r]abat plagas*» (Морского берега подле стоял флейтист однажды).

Suburam. Веррий говорит в другой книге, что Субура (Subura)² названа так от Суккузанского пага. И это подтверждает мнение тех, кто говорит, что назван так и район Города, и триба от постоянного охранения, которое приходит на помощь (*succurrere*) Эсквилину, когда эта часть Города подвергается нападению со стороны габийцев. Дополнительным подтверждением этого мнения служит то, что наименование этой трибы пишется через букву *s*, а не *b*.

Subverbusta означает «клейменная» (*veribus usta*), когда Плавт говорит (*inc. frg. 42*): «*ulcerosam, conpe[n]ditam, subverbustam, sordidam*» (израненная, закованная, клейменная, жалкая).

Suboles (поросль) произошло от *olescere*, то есть «расти», так же как *adolescentes* (юноши), *adultae* (взрослые [женщины]), и *indoles* (потомство). Лукреций говорит в пятой книге (4, 1232): «*Sive virum soboles, sive est muliebris origo*» (Отпрыск ли это мужской или женское то порожденье; – пер. Ф.А. Петровского). Вергилий (*Ecl. 4, 49*): «*Cara deum suboles, magnum Iovis incrementum*» (Отпрыск богов дорогой, Юпитера высшего племя! – пер. С.В. Шервинского).

Subuculam. Элий Стилон и Клоаций почти в одних и тех же выражениях показывают, что зовется так вид жертвенного пирога, приносимого богам, изготавливаемый из полбы, масла и меда; всем, однако, известно, что зовется так и определенного вида туника.

Sub vos placo, когда это выражение употребляется в молитвах, оно имеет тот же смысл, что и *supplico* (умоляю), как то в законах (XII, *inc. 3*): «*tran-sque dato*» (пусть выдаст), и (XII, 8, 12) «*endoque plorato*» (пусть слезно умоляет).

Suffiscus называли кожную оболочку бараньих тестикул, которая зачастую использовалась вместо кошелька; возможно названа она так от сходства с *fiscus* (казна).

¹ «Кормить сосцами».

² Район Рима в низине между Эсквилином, Квириналом и Виминалом. См.: s.v. Suburanam. P. 390.

[404]

<**Subacti**> – размолотые; иногда – побежденные; в других случаях – загнанные, как, например, когда мы говорим: «*Pecus sub arborem subactum*» (скотина, загнанная под дерево); наконец – принужденные.

[**Supplicium** отличается от *supplicia*, как видно из использования, тем, что в традиционном словоупотреблении *supplicia* относится к богам, а *supplicium* – к людям; ведь когда на кого-либо накладывается *supplicium* <...> то есть речь идет о его наказании, в соответствии с которым он должен быть казнен. *Supplicia* же есть то, что носят вестники; они состояются из ветвей «счастливого» дерева; было запрещено составлять их из каких-либо иных ветвей помимо вербены. Синний Капитон говорит, что в случае убийства гражданина было установлено приносить в жертву Семонии¹ двузубую овцу, чтобы граждане этой жертвой были освобождены от наказания, а голова осужденного и имущество его приносились в жертву божеству, которому полагались. А поскольку было в обычае царю священнодействий приходить на казнь для совершения публичных молебствий (*supplicare*), то и названа она была *supplicium*. Об этом многие говорили не раз. Этим примером он доказывает, что молебны (*supplicia*) были позднее названы *supplicamenta*. Теперь слово *supplicia* практически не используется, когда речь идет о наказаниях.]

[**Sufes**. Высший магистрат у карфагенян назван суфетом, подобно тому как у осков – *meddix tuticus*. Калидий² в речи «Против Кв. Галлия»: «*Nonne vobis, iudices, scintillam et fumus prosequi et fumum flamma videtur. Senatus censuit referentibus sufetis*» (Разве не вам, судьи, казалось, что за искрой следует дым, за дымом пламя. По обращении суфетов сенат постановил).]

Sub vitem hastas iacere («бросать дротики из-под лозы») говорят о велите, когда он бросает дротики вверх из-под руки. Луцилий (1349): «*Ut veles bonus sub vitem qui submisit hastas*» (Словно застрельщик лихой, из-под кровли мечущий дроты; – пер. Е. Рабинович).

[406]

Sub vitem proeliari («сражаться под лозой») говорится о воинах, когда они сражаются под военной винеей³. Луцилий (960): «*Neque prodire in*

¹ *Macr. Sat. I. 16. 8*: «И у древних, кто поминал Салюс, Семонию, Сейю, Сегецию, Тутилину, тот соблюдал праздники». Ср.: *Aug. De civ. Dei. IV. 8*.

² Марк Калидий – известный римский оратор I в. до н.э. (умер в 48 г. до н.э.). В 64 г. до н.э. обвинил Квинта Галлия во взяточничестве.

³ Винейя (*vinea*) – осадный подвижный деревянный навес с двускатной крышей и плетеными стенками.

altum, proeliari procul sub vite» (Биться не в открытом поле, а вдали под лозами; – пер. Е. Рабинович).

Sub vineam iacere («бросать из-под vineи») говорится о воинах, когда стоящие подле них центурионы приказывают им бросать колья.

[**Supparus** именовалось девичье льняное одеяние, его называли и *sub-ucula* (сорочка). Тициний в «Фуллонии» (35) <...>. Невий в сочинении «О Пунической войне» (1, fr. 11) именуется суппаром пурпурное одеяние. А в «Моряках» (64) суппаром он называет одеяние, посвященное Нептуну; но теперь мы называем так льняные паруса, натянутые на мачтовой крестовине. Все же представляется, что суппар – это девичье одеяние, поскольку Афраний говорит (123): «*Puella non sum, supparo si induta sum*» (Я не девочка, хотя и одета в сорочку).]

[**Supa** означает «он бросает», отсюда *dissipat* – «он разбрасывает», и *ob-sipat* – «он окропляет»; и *insipat* – «он вбрасывает», и *insipit far in aulam* – «он бросает муку в горшок».]

<**Sutelae**> названы коварные уловки по аналогии со швеями (*suentes*).

Suspectus. [Слово] *suspectus* имеет различные значения, ведь происходит оно и от *suspicio* (подозревать), и от *suspicio* (взирать). Поэтому не удивительно, что нельзя придать ему лишь одно значение.

«**Su<trium quasi eant>**». Это выражение вошло в поговорку по следующей причине: некогда во время галльского мятежа было постановлено, чтобы легионы из Сутрия совершили быстрый переход со своим продовольствием. Впоследствии выражение стали использовать в отношении тех, кто обязан предоставить что-то из своих вещей или имущества тем, кому был должен. Плавт (Cas. 523): «*Sed facito dum, merula per versus quod cantat, colas; cum suo cuique facito veniant, quasi eant Sutrium*» (Но припомни вместе с этим, как поется в песенке: / Со своим придут пусть хлебом, будто в дальний путь идут; – пер. А. Артюшкова)

[408]

Suopte – ему самому, как *meopte* – мне самому, *tuopte* – тебе самому.

Suillum genus. Поэты утверждали, что свиной род ненавистен Венере, потому что Адонис, возлюбленный богини, был убит кабаном. Согласно другим, оттого, что свиньи являются наиболее нечистоплотными из всех домашних животных и наиболее горячими в сладострастии. Так, отсюда произошло поношение женщин, когда используют в их адрес глаголы *subare* и *subire* (находиться в состоянии полового возбуждения).

«**Sus Minervam**» (Свинья Минерву [учит]). Это выражение вошло в поговорку. Используется в отношении того, кто учит другого в том, в чем сам не разбирается. Вместо того, чтобы просто передать ее, Варрон и Эвгемер,

как говорят, желая окружить эту поговорку нелепыми мифами, поместили ее внутри мифологического повествования.

Strues – вид жертвенных пирогов, напоминающих переплетенные пальцы, которые удерживаются в поперечнике наброшенной сверху метелкой проса.

Struices древние называли нагромождения всякого рода вещей. Плавт (Men. 101): «*Cerialis caenas dat. ita mensas exstruit, tantas struices concinnat patinarias*» (Да и других по-царски угостит; таких / Наворотит съестного гор... – пер. С. Радлова). И Ливий (trag. 37): «*quo Castalia per struices saxneas lapsu accidit*» (куда впадает источник Кастальский, чрез каменные груды струясь).

Struere древние использовали вместо *adicere* (прибавлять), *augere* (увеличивать). Оттуда и Катон (or. inc. 19) использовал *industrii* (прилежные): «*Iure, lege, libertate, republica communiter uti oportet: gloria atque honore, quomodo sibi quisque struxit*» (Правом, законом, свободой, государством следует пользоваться сообща, славой и почетом – кто насколько заработает; – пер. Н.Н. Трухиной); встречается глагол и в XII таблицах (1, 2): «*Si calvitur pedemve struit, manum endo iacito*» (Если [вызванный] измышляет отговорки [для неявки] или пытается скрыться, пусть [тот, кто его вызвал], наложит на него руку). Одни полагают, что это означает «идти назад»; другие – «в другую сторону»; третьи – «бежать»; четвертые – «увеличивать шаг»; пятые – «уменьшать»; шестые – «когда кто едва передвигает ноги, идет медленно, останавливается».

[410]

Stroppus (головная повязка) – то, как полагает Атей Капитон, что по-гречески именуется στρόφιον, и что жрецы носят на голове в качестве отличительного знака. Некоторые говорят, что это корона, или то украшение, что возлагается на голову вместо короны, каковым является венок (strophium). Так у фалисков имеется праздник, именуемый Струппеариями (Struppearia) по той причине, что во время него гуляют, возложив на голову венки. Да и у тускуланцев тот венок из цветов, что возлагают на голову Кастора во время лектистерния, именуется *struppis*.

Strutheum называют прежде всего в мимических пьесах непристойный мужской орган; разумеется, от похотливости воробья, именуется он по-гречески στρουθός.

Strenam. Мы называем *strena* то, что в день поминовения предоставляется благого знамения ради в качестве жертвы; [происходит] от числа, которым означается второй и третий из даров, что будут принесены, равного ка-

чества; как если бы говорили *trena*, предпосылая слову букву S, что древние имели обыкновение делать в словах *locus* (место) и *lis* (тяжба).

Strebula. Плавт, используя умбрское существительное, называет этим именем бедра жертвенных животных, каковые греки именуют *μηρία*; их обычно возлагают на алтарь, как говорит о том Плавт в «Безделках»: «<...> *agnina tenen*<...> *strebulis*» (<...> ягнятина <...> бедрами).

Stlata – вид судна, который был большим в ширину, чем в высоту; назван так от *latitude* (ширина); слово возникло в силу того обычая, по которому древние говорили *stlocus* вместо *locus* (место), *stlis* вместо *lis* (тяжба).

[412]

Stlembus – тяжелый, медлительный, как говорит Луцилий (1109): «... *Apulidae pedibus stlembi*...» (Лошади Апулия тяжелы ногами), когда ведет речь о ленивой и медлительной лошади.

Stelionem. *Stellio* – вид ящерицы. Согласно Веррию, названа она так скорее оттого, что вырабатывает (*instillare*) яд из пищи, а не оттого, как думают другие, что разностью своих цветов она походит на звезды (*stellae*).

<**Stipem**>. Чеканные деньги называли *stips* оттого, что на них оттискивалась (*stipare*) [печать]; откуда глагол стипулировать (*stipulari*) относится к тому, кто спрашивает другого, обязуется ли тот дать *stips*, то есть медные деньги.

Stir<**pem**>. Древние слово *stirps* (потомство) использовали в мужском роде вместо слова *stirps* женского рода (побег), прибегая к метафоре; теперь это слово женского рода. Ливий <...>. Тот же Ливий: «*Ostrymon* <...> *Graio stripe exortum* <...>» (Остримон, <...> восходящий к греческому роду <...>). Энний (Ann. 178): «*nomine Pyrrhus, uti memorant a stirpe supremo*» (по имени Пирр, как сообщают, из благороднейшего рода). <...> «*Satis est, revoca fratrem eodem stirpe gnatum, plaudite*» (Достаточно, зови брата, рожденного от той же крови, хлопайте). Элий Галл так определяет это слово: «*Stirpest gentis propagatio, ut qui a quoque est prognatus*» (*Stirps* – это продолжение рода, когда один порожден другим). Таким образом, потомки (*stirpes*) именуются так от тех побегов, которые появляются под деревьями.

Stipatores называют телохранителей, которых древние называли *latrines*, то есть наемниками; они, покрытые железом, как бы *stipati*, окружают тела царей.

<**Stipes**> (кол) – палка, воткнутая в землю. Афраний (inc. XIX) <...>. Акций в «Вакхидах» (261): «*Ecquem stipitem abiegnum aut alneum*...» (Какой-то пень еловый или ольховый...). Энний (inc. 40) <...>.

[414]

[**Strit<tavum>**]. Древние говорили *strittavus* вместо *tritavus*, это отец прапрадеда и прапрабабки; а также *stlis* вместо *lis* (тяжба).]

Strigores Нелей использовал в стихотворении (5) вместо *strigosi*, в значении «полные сил люди»: <...> «*strigores exerciti*» (натренированные полные сил мужи).

Strigae называли ряды вещей, меж собой последовательно выстроенных; названы так от *stringere* (натягивать).

[**Strigem**. Как говорит Веррий, греки ушастую сову зовут στρίγγα; такое прозвище получили и бессовестные женщины, которых называют также ветреными. Греки в таких примерно выражениях обычно отвращают их от себя: «*στυλιντα πομπειεν νυκτικο μαν στριντατολαον* ὄρνιν ἀνωρύμιον ὠκυλόρους ἐπὶ νῆας» ()].

Statu liber есть тот, кто должен быть освобожден по завещанию по выполнении условия, сформулированного в нем определенным образом. И если статулибер не мог исполнить условие, которое был должен в соответствии с завещанием, он, как кажется, все же освобождался наследником¹.

Status dies <cum hoste> называют день, который установлен для ведения тяжбы с иностранцем. Ведь такого рода людей древние именовали *hostes* (враги), поскольку они обладали равным правом с римским народом, и потому, что глагол *hostire* употреблялся вместо *aequare* (уравнивать). Плавт в «Куркулионе» (5): «*Si status conductus cum hoste intercedit dies, tamen est eundem, quo imperant, ingratis*» (Хоть в этот день будь тяжба с иностранцами, – / Не хочешь, а ступай, куда они велят! – пер. Ф. Петровского и С. Шервинского).

[416]

Stagnum. Некоторые полагают, что пруд зовется *stagnum* оттого, что вода в нем стоит (*stare*) постоянно. Другие – оттого, что место это греки именуют στεγνός (непроницаемый), поскольку вода в нем хорошо удерживается.

Satura называют и разновидность блюда, составленного из различных продуктов, и закон, объединивший положения многих других законов. Таким образом, к санкции законов такого рода прибавляют следующую формулу: «*Neve per saturam abrogato aut derogato*» (Пусть смешанным законом не будет ничего отменено или изменено). Т. Анний Луск в речи, которую он произнес против Тиб. Гракха, говорит: «*Imperium quod plebes per saturam dederat, id abrogatum est*» (Власть, которую народ даровал законом,

¹ См.: *Gai.* II. 200; *D.* 40. 7. 1. 1pr.

включавшем различные положения, эта власть отменена)¹. И Гай Лелий в речи, которую он произнес в свою защиту, говорит: «*Dein postero die, quasi per saturam sententiis exquisitis in deditionem accipitur*» (Затем, на следующий день, как бы *per saturam*, изучив предложения, принимают его капитуляцию)².

Statae Matris. На форуме, после того, как Котта замостил его, дабы камни не разрушались пожарами, которые во многих местах случались там в ночную пору, стали почитать статую Матери Статы (*Stata Mater*)³, и большая часть народа перенесла культ этой богини также в свои кварталы.

Stalagmium означает, как кажется, вид серег с подвесками. Цецилий в «Карине» имеет в виду их, когда говорит (106): «*tum ex aure ejus stalagmium domi habeo*» (держу я дома из уха ее серьгу).

Stolidus – дурак. Энний в первой книге (*Ann.* 105): «*Nam vi depugnare sues stolidi soliti sunt*» (Ведь дураки имеют обыкновение с боровыми силою меряться) и в «Александре» (36): «*Hominem appellat: 'quid lascivis, stolide?' non intellegit*» (Он обращается к человеку: “Чего шалишь, дурак?” Не понимает). И Цецилий в «Гипоболимее» (77): «*abi hinc tu, stolide; illic ut tibi sit pater?*» (Иди отсюда, дурак; и он тебе что отец?) и в «Андрогине» (9): «*sed ego stolidus; gratulatum me oportebat prius*» (но я debil; должно мне было сначала поздравить).

[418]

Stuprum. Что древние использовали *stuprum* вместо *turpitude* (позор) очевидно из стиха Нелея (2): «*Foede stupreque castigor cotidie*» (Мерзко и бесчестно я упрекаем изо дня в день). И из «Сентенций» Аппия (1): «*qui animi compotem esse, nequid fraudis stuprique ferocia pariat*» (Тот, кто дружит с головою, не допустит необузданности обмана да насилия)⁴. Невий (*Bell. Pun.* 45): «*Seseque i perire mavolunt ibidem, quam cum stupro redire ad suos popularis*» (Сами лучше желают погибнуть на месте, / Чем к своим родичам вернуться с позором). И там же (43): «*Sin illos deserant fortissimos viros,*

¹ Тит Анний Луск, консул 153 г. до н.э., выступил в 133 г. до н.э. против плебейского трибуна Тиберия Гракха. См.: *Liv. Per.* 58; *Plut.* Т. Gr. 14–15; *Cic. Brut.* 79.

² Римский политический деятель (188 – 128/125 гг. до н.э.), член «кружка Сципионов», консул 140 г. до н.э. Первоначально сторонник аграрной реформы, после выступления Т. Гракха занял охранительную позицию.

³ «Мать Охранительница». Богиня, защищающая от пожаров. Марк Аврелий Котта, консул 74 г. до н.э. Мощение и установка статуи Коттой очевидно относятся к концу 80-х гг. до н.э.

⁴ Аппий Клавдий Цек – известный римский политический деятель конца IV – начала III вв. до н.э., цензор 312 г. до н.э.

magnum stuprum populo fieri per gentis» (Если ж им не помогут, доблестным героям, / Срам будет великий народу меж народов; – пер. М. Гаспарова).

Stuppam. Греки-дорийцы называют необработанный лен *stuppa*.

Stura – река в Лаврентской области, которую некоторые называют Астурой (*Astura*).

[<**Suber**> – вид дерева и пробка, которую используют для плавания в термах.]

Ste<rila>. Ту женщину именуют *sterila*, которую греки называют *στειραν*; та, которая не воспринимает порождающее семя.

[<**Sep>lasi<a**> или *Seplasion* – [улица в Капуе], известная дорогими благовониями. Помпоний в «Братях» (com. inc. Ad. 1): «*Di te perdant inferi, Antipho, quod unde hoc unguentum sit, quaeris; dic mihi, lepidum unde unguentum, nisi quod ex Seplasia, est?*» (Да погубят тебя подземные боги, Антифонт, за то, что спрашиваешь, откуда благовония эти; скажи мне, откуда берутся великолепные благовония, как не из Сепласия¹).]

[**Stultorum feriae**. Квириналии, что были праздником в честь бога Квирина, назывались праздником дураков оттого, что в этот день приносили жертвы все те, кто либо не смог исполнить свой религиозный долг в Форнакалии, либо не знал на какой день приходится Форнакалии его семейства, и в соответствии с обычаем искупал тем самым допущенное прегрешение; они казались дураками оттого, что им дозволялось отмечать праздник после того, как тот прошел².]

[420]

[**Sanctum**. Аврелий Опил говорит, что именуется *sanctum* то, что не является ни священным (*sacrum*), ни религиозным (*religiosum*)³. Но Элий Галл полагает, что *sanctum* есть одновременно и священное, и религиозное. Большинство, однако же, считает, что это все то, нарушение чего влечет за собой наказание виновного или штраф, установленный законом <...> откуда произошла та часть законов, которая именуется *sanctio* (санкция) <...>].

¹ Улица в Капуе, на которой продавались благовония. Также назывались и сами благовония. Луций Помпоний – римский комедиограф I в. до н.э., родом из Бононии. Известно 70 названий его произведений, сохранившихся только в фрагментах.

² Форнакалии – празднества, учрежденные Нумой Помпилием в честь богини печей и хлебопечения Форнаки (*Fornax*), справлявшиеся по куриям в феврале и заканчивавшиеся 17 февраля Квириналиями. См.: s.v. *Quirinalia*. P. 305; *Fornacalia*. P. 82; *Ovid. Fast.* II. 55.

³ Римский грамматик II в. до н.э. Написал «Книгу Муз», в которой рассматривал редкие и неясные слова.

[**Sanqualis** зовется птица, которая в Комментариях к авгуральной дисциплине именуется *ossifraga* (кречет), потому что находится под защитой бога Санка¹].

[**Saccom<orum>** – порода дерева. Помпоний говорит, что его наименование происходит от инжира (*ficus*) и шелковицы (*mogus*), потому что оно является гибридом инжира и шелковицы; отсюда было и произведено наименование соединением слов шелковица и инжир.]

[<**Sol**> (солнце) зовется так оттого, что оно одно единственное (*solus*). Его иногда называют *sol*, а иногда – *Apollo* (Аполлон): «*Tu es Apollo, tu Sol in caelo*» (Ты – Аполлон, ты – Солнце на небе).]

[**Sacrem**. Веррий говорит, что свинья именуется священной (*sacris*), когда телесно чиста от рождения, откуда, полагает, она и названа *sacrum*. Таким образом, он включает в объяснение то, в чем нет необходимости; объяснение же формы слова он опустил. Плавт (Men. 289): «*Adulescens, quibus hic pretiis porci veneunt sacres, sinceri? Nummis. Nummum a me accipe, iube te piari de mea pecunia*» (Отвечай-ка мне, / Почем здесь поросенок, чтобы гнев богов / Умилостивить? / Нумм – цена. / Вот нумм тебе: / Очистись от болезни этой жертвою; – пер. С. Радлова). И в «Канате» (1208): «*Sunt domi agni et porci sacres*» (Поросята есть для жертвы и ягнята; – пер. А. Артюшкова). Катон в своей речи «Против Кв. Минуция Терма», произнесенной после цензуры <...>.]

[422]

[<**S**>**acrima** – это, как говорят <...> и Клоаций, молодое вино, налитое в амфору во время Медитриналий² для жертвенного возлияния ради сохранения виноградников, сосудов и вина, которые тем самым оказываются как бы в числе священных (*sacra*); это приношение делается Либеру, Церере же приносят первинки урожая (*praemetium*).]

Sacrificulus rex именуется [жрец], который производит те жертвоприношения, что [прежде] обычно осуществляли цари. Говорят, что учредил эту должность по свержении царей Юний Брут³.

Sacella (святилища) называют места, посвященные богам, не имеющие крыши.

¹ Блюститель права и порядка среди людей, покровитель брака и гостеприимства, клятв и договоров. Появление культа связывается в традиции с Титом Тацием. В 466 г. до н.э. ему посвящен храм на Квиринале.

² Праздник в ее честь Медитрины – богини врачевания, дочери Асклепия – справлялся 11 октября. См.: s.v. Meditrinalia. P. 110; *Varr. LL. VI. 21*.

³ Свержение царей, как и консульство Брута, относятся к 509 г. до н.э. *Sacrificulus rex* – «царь, приносящий жертву». В его компетенцию входило отправление священнодействий, которые ранее исполнял царь.

Sacrosanctum (священное и неприкосновенное) говорится о том, что установлено с принесением клятвы, дабы карался смертью всякий, кто осквернил бы [санкционированное таким образом]. Этого вида – плебейские трибуны, того же рода и [плебейские] эдилы; это утверждает М. Катон в той речи, в которой написал, что плебейские эдилы являются священными и неприкосновенными (1).

Sacratae leges (священные законы) суть те, которыми установлено, что всякий, кто их нарушит, будет посвящен какому-то из богов вместе со своей фамилией и имуществом. Есть те, которые говорят, что священные законы – это те, что плебс, принеся клятву, принял на Священной горе.

Seclusa sacra называли те священнодействия, которые греки именуют мистериями.

Scena. Топор понтификов одни называют *scena*, другие – *sacena*.

Sarisa – вид македонского копья.

Sacer mons. Священной называется гора, [расположенная] за [рекой] Аниен, несколько далее третьего милевого столба, [потому, что] ее посвятили Юпитеру уходявшие, когда плебс покинул “отцов”, избрав в помощь себе плебейских трибунов. Человеком, обреченным подземным богам, называется тот, кого римский народ осудил за злодеяние; [хотя] не подобает убивать его, но тот, кто [все же его] убьет, не осуждается как убийца; ибо первым трибунским законом установлено: “если кто того, кто на основании этого плебисцита будет посвящен богу, убьет, убийцей считаться да не будет”. Исходя из этого, любого зловредного и негодного человека обычно именуют “обреченным подземным богам”. Элий Галл говорит, что священным является то, что любым образом посвящено [богам] в соответствии с установлением общины, будь то храм, алтарь, статуя или место, имущество или что-либо другое, посвященное богам. Но если что-то из вышеперечисленного посвящают богу отдельные лица в рамках отправления ими частного культа, то это римские понтифики священным не считают. И если введены частные жертвоприношения, которые по установлению понтификов надлежит производить в установленный день или в определенном месте, они называются священными (*sacra*), подобно жертве (*sacrificium*); то место, где должны производиться частные жертвоприношения, едва ли считается священным.

[424]

Sacrani названы уроженцы г. Реате¹, которые изгнали из Септимонтия лигуров и сикулов; названы так оттого, что рождены во время священной весны (*vere sacro*)².

Sagmina называют вербены, то есть чистые травы, оттого, что собираются они в священном (*sanctus*) месте консулом или претором, когда послы от-

¹ Древняя столица сабинян.

² О ритуале священной весны см.: s.v. *Ver sacrum*. P. 519.

правляются заключать мир или объявлять войну; либо [слово] происходит от [глагола] *sanciere*, то есть «ратифицировать». Невий (Bell. Pun. 33): «*scopas atque verbenas sagmina sumpserunt...*» (Сделали пучки священные из прутьев и вербен...). <...> (trag. inc. 219): «*Ius sacratum Iovis iurandum sagmine*» (Священное право воздаваемой клятвы Юпитеру с трав священных пучком).

[426]

Sagaces называют обладающих сильным и острым чутьем. Афраний в «Брундизийке» (15): «*Quis tam sagaci corde, atque ingenio unico?*» (Кто столь чуток сердцем и проницателен умом?). Лукреций во второй книге (840): «*Nec minus haec animum cognoscere posse sagacet*» (Но проницательный ум познает их не менее ясно; – пер. Ф. Петровского). Этим словом называют также собаку <...> (Enn. Ann. 533): «*Invictus canis atque sagax et viribus fretus*» (Несравненный пес – и острое чутье, и силами кичлив). Также женщину, знающую толк в священнодействиях, именуют *saga*, а мудрого мужчину – *sagus*. В последнем случае первый слог долгий, возможно, чтобы избежать всякой двусмысленности.

<**Sanates**> именовались так, как если бы говорили *sanati*, то есть «здравые рассудком». Сервий Сульпиций Руф и Аврелий Опил полагают, что так именуются племена, проживающие в низинах и на возвышенностях, как, например, тибуртинцы, что проживают выше Рима, и другие, что вместе с тибуртинцами пришли на тибуртинскую землю и привели с собой племена с морского побережья и из низин. Откуда в законах XII таблиц (1, 5): «*Nexi solutique, ac forti sanatisque idem ius esto*» (Должники и освобожденные, форты и санаты пусть обладают одним и тем же правом), то есть те, которым недоставало имущества и союзников. Есть те, кто полагает, что нижними зовутся колонии, что выведены к древним латинам, которых царь Тарквиний расселил вдоль моря <...> ниже Рима в общины латинов, они были прозваны санатами, как сообщает Цинций во второй книге «Об обязанностях юрисконсульта», по той причине, что Тарквиний Древний окончательно завоевал их против их воли и образумил (*sanare*), и даже заключил с ними договор; хотя Валерий Мессала в своем комментарии к законам XII таблиц ничего не говорит об этом. Однако в книге, которая озаглавлена довольно темно, полагает, что форкты и санаты были двумя соседними народами, о которых речь шла в законе, которым было установлено, что они должны были иметь то же право, что и римский народ; причем он считает, что этот закон не относится ни к каким другим народам, кроме как к форктам и санатам. Много тех, которых не устраивает такое объяснение, и которые полагают, что *sant forcti* есть как бы *sanati insani*.

**ПОМОРСКИЙ СПИСОК ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ
СКАЗАНИЯ О ВАССИАНЕ И ИОНЕ ПЕРТОМИНСКИХ****POMORS LIST OF THE EXTENSIVE EDITION
OF THE TALE OF VASSIAN AND IONA PERTOMINSKY**

В статье содержится характеристика Поморского списка Сказания о севернорусских святых Вассиане и Ионе Пертоминских из Выголексинского монастыря (Государственный исторический музей. Музейское собрание, № 1510) с точки зрения его источниковедческой характеристики и художественного своеобразия. Исследование показало, что Поморский список, включенный в состав в состав Поморского Торжественника 20–40-е гг. XVIII в., можно считать старообрядческим вариантом Пространной редакции произведения. Ему присущи сокращения фрагментов Сказания, связанных с описанием деятельности Петра I в Пертоминском монастыре, а также особая композиция и сюжетная организация, которая наблюдается в севернорусских житиях праведников.

Ключевые слова: русская агиография, текстология, поэтика, выговская литературная традиция, Русский Север, Сказание о Вассиане и Ионе Пертоминских

The article contains a description of the Pomeranian List of Tale of North Russian Saints Vassian and Iona Pertominsky from the Vygoleksinsky Monastery (State Historical Museum. Museum Collection, No. 1510) in terms of its source characteristics and artistic originality. The study showed that the Pomeranian list, included in the composition of the Pomeranian Ceremonial 20–30s. XVIII century, can be considered the Old Believers version of the Extensive edition of the work. It has inherent cuts in fragments of the Tale related to the description of Peter I's activities in the Pertominsky monastery, as well as the special composition and plot organization that is observed in the Northern Russian lives of the righteous.

Keywords: Russian hagiography, textology, poetics, Vyhovsky literary tradition, Russian North, The Tale of Vassian and Iona Pertominsky

Сказание о Вассиане и Ионе Пертоминских (далее – Сказание) является памятником севернорусской агиографии XVII в., посвященным истории возникновения Пертоминского мужского в честь Богоявления монастыря в Унской губе на Белом море.

Монографических работ, связанных с изучением данного памятника, на сегодняшний день не существует, несмотря на то, что произведение упоминается в трудах исследователей начиная с XIX в. Следует отметить, что в основном рассматривались вопросы времени создания Сказания, некоторые особенности его художественной формы, а также история канонизации Вассиана и Ионы Пертоминских.

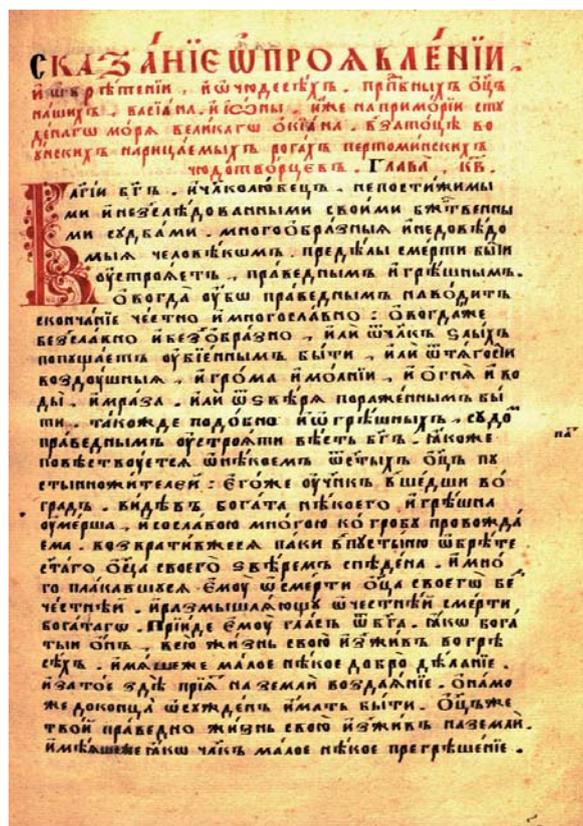
В. О. Ключевский в книге 1871 г. «Древнерусские жития святых как исторический источник» обратил внимание на поэтапное формирование текста памятника. Он писал о том, что данное произведение «с характерными чертами монастырской канонизации составлялась постепенно: одни чудеса были записаны до 1694 года (освидетельствование мощей), другие – после» [3, с. 348]. В своих наблюдениях В. О. Ключевский опирался на списки Сказания, находящиеся в «Поморском сборнике» (в настоящее время ГИМ, Музейское собр., № 1510, далее – Муз-1510) и в «Соловецком сборнике № 182» (сейчас РНБ, Соловецкое собр., № 182/182, далее – Солов-182/182).

Н. П. Барсуков в своем труде 1882 г. «Источники русской агиографии» вслед за В. О. Ключевским также указал два списка произведения [1, стб. 99–100].

Н. А. Яхонтов в монографии 1881 г., основанной на рукописях Соловецкой библиотеки, обратил внимание на особенности художественной формы Сказания, ориентируясь на соловецкий список № 182 (Солов-182/182) [10, с. 157–159, 297–305].

Церковный историк Никодим (Кононов) в своем труде 1900 г., посвященном почитанию соловецких подвижников, выделил вопросам канонизации Вассиана и Ионы Пертоминских отдельную главу. В своих рассуждениях он ориентировался на разные источники, в том числе на два списка Сказания. Никодим (Кононов) в основном цитировал список произведения из библиотеки Казанской духовной Академии № 189 (сейчас РНБ, Соловецкое собр., №189/189; далее – Солов-189/189), а также ссылался на текст Сказания, опубликованный в издании 1871 г. [4, с. 43–50, 113–120], отмечая при этом некоторые текстуальные различия в используемых им списках.

В 1998 г. в справочном издании «Словарь книжников и книжности Древней Руси» О. А. Белоброва и А. Н. Симонов изложили текстологическую историю произведения. Они указали восемь списков Сказания и выделили три редакции, охарактеризовав каждую и очертив временные рамки их появления: Краткую, Пространную и Особую. Кроме того, они отметили существование текста, отличающегося от всех известных списков



Сказание о Вассиане и Ионе Пертоминских.
ГИМ, Музейское собр., № 1510. 20–40-е гг. XVIII в. Л. 254.

Сказания и опубликованного в издании XIX в. вместе со службой святым [2, с. 454–457].

Первой по времени создания исследователи называют Краткую редакцию («Явление и чудеса преподобных и богоносных отец наших пустынножителей Вассиана и Ионы, Пертоминскаго монастыря, во Унских рогах»), которая читается в рукописи РНБ, собр. Погодина, № 810, 60–70-е гг. XVII в. [2, с. 455]. По их наблюдениям, Краткая редакция представляет собой небольшое по объему произведение, в котором рассказы о чудесах чередуются с главами, описывающими создание Пертоминскаго монастыря. О. А. Белоброва и А. Н. Симонов отмечают, что факты, изложенные в Сказании, подтверждаются грамотой 1621 г. (БАН, Архангельское собр., Д. 596, л. 15), в которой пересказывается челобитная игумена Иакова с кратким изложением истории основания монастыря и сооружения часовни иноком Мамантом [2, с. 455]. Произведение в данном списке заканчивается описанием чудес о спасении Ивана Болотникова и Федора Хилкова, что позволяет датировать

создание Краткой редакции периодом до 1644 г., поскольку один из героев рассказа о чуде, Андрей Хилков, умер в 1644 г. [2, с. 455].

Особая редакция памятника («Сказание вкратце о пертоминских чудотворцах, Вассиане и Ионе») читается в рукописи РНБ, Софийское собр., № 452, 90-х гг. XVII в. [2, с. 456]. Одним из ее источников послужил Соловецкий летописец. Автор редакции оставляет в стороне чудеса святых, а сосредоточивается на подробном описании деятельности строителя Пертоминского монастыря Михаила Харзеева (1675–1689); заканчивается Сказание известием о построении двух храмов при его участии [2, с. 455]. Сам Михаил при этом вряд ли был ее автором, так как освящение храма Успения, о котором сообщается в Сказании, состоялось в 1692 г., в то время как Михаил Харзеев за многочисленные преступления был усилиями архиепископа Афанасия задержан в Москве и выслан в Тобольск в 1690 г. [2, с. 455–457].

Пространная редакция памятника («Сказание о проявлении, и обретеннии, и о чудесех преподобных отец наших Вассиана и Ионы, иже на Примории Студенаго моря великаго окияна в Затоце во Унских нарицаемых Рогах Пертоминских чудотворцев») в рукописно-книжной традиции представлена, по наблюдениям О. А. Белобровой и А. Н. Симонова, шестью отличающимися друг от друга списками. Основным источником Пространной редакции послужил текст Краткой, значительно переработанный и расширенный в соответствии с агиографическим каноном: появилось обширное вступление и заключительная часть [2, с. 455–456]. Сказание здесь было дополнено пятью чудесами и обширным повествованием о посещении Петром I Пертоминского монастыря во время его путешествия на Соловецкие острова, в результате которого были освидетельствованы мощи Вассиана и Ионы Пертоминских [2, с. 455]. Одним из источников рассказа о пребывании Петра I в монастыре послужило произведение, приписываемое архиепископу Холмогорскому Афанасию, – «О высочайших пришествиях великого царя и великого князя Петра Алексиевича... из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших...» (М., 1783) [2, с. 455–456]. Исследователи отметили, что списки Пространной редакции произведения неоднородны и выделили два ее варианта.

В наиболее раннем списке Пространной редакции, принадлежавшем Соловецкой библиотеке (ныне – Архив Музея истории религии, колл. 3, оп. I, д. 48), последнее чудо датируется 1706 г. Два более поздних списка (Солов-189/189, сер. XVIII в.; Солов-182/182, XVIII–XIX вв.) содержат дополнительно еще два чуда [2, с. 456]. О. А. Белоброва и А. Н. Симонов предполагают, что ранний вариант Пространной редакции был составлен между

1706 и 1708 гг., так как в наиболее позднем из чудес фигурирует келарь Варсонофий, который стал строителем монастыря в 1708 г. [2, с. 456]. Поздний вариант, по наблюдениям ученых, относится к периоду до 1725 г., поскольку в Сказании нет упоминания о смерти Петра I, которая не могла не быть замечена автором [2, с. 456].

Один из списков Пространной редакции находится в «Памятной книге» Пертоминского монастыря (БАН, Архангельское собр., Д. № 596), причем список неполный: в нем отсутствуют вступление и ряд чудес [2, с. 456]. Кроме того, к Пространной редакции они относят списки Сказания, читающиеся в рукописи из Соловецкой библиотеки, № 947 (нынешнее местонахождение неизвестно) и в сборнике, принадлежавшем В. О. Ключевскому (Муз-1510) [2, с. 456].

Следуют за текстологической концепцией Сказания, предложенной в 1998 г., Е. В. Романенко и А. А. Романова. В статье «Вассиан и Иона Пертоминские» в издании «Православная энциклопедия» они отмечают, что Сказание представляет собой уникальный документ, содержащий сведения о повседневной жизни севернорусских монастырей, однако новых списков не приводят и их характеристику не дают [5, с. 263–265]. Исследователями делается краткий пересказ некоторых эпизодов и чудес Сказания по списку Солов-182/182: повествование о смерти преподобных и сопровождаемое чудом обнаружения тел святых; явление святых монаху Мамонту; поселение первого старца и создание Пертоминского монастыря; чудо о старце Авраамии; повествование о пребывании Петра I в Пертоминском монастыре; чудо о недороде, связанное с келарем Варсонофием. Указывается при этом, что в большинстве чудес Сказания описывается помощь святых своей обители в годы неурожая и голода и отмечается широкое почитание святых не только среди жителей Поморья, но и, начиная со второй половины XVII в., – за пределами этого региона.

В 2012 г. была защищена кандидатская диссертация А. Н. Симонова «История канонизации русских святых в конце XVII – первой четверти XVIII в.», в которой особое место уделялось вопросам канонизации Вассиана и Ионы Пертоминских и истории текста Сказания [8].

В целом А. Н. Симонов повторяет, с некоторыми замечаниями и корректировками, текстологическую концепцию, отраженную в статье 1998 г. Дополнительно к ней А. Н. Симонов высказывает предположение о том, что Краткая редакция была создана в Пертоминском монастыре в 20-е годы XVII в. при первом игумене Иакове Верещагине, который впервые упоминается в монастырской грамоте 1620 г. [8, с. 37]. В пользу этого предположения, как указывает А. Н. Симонов, свидетельствует «отсутствие чудес

при преемниках иеромонаха Иакова, которые не упоминаются в Сказании. Открытие мощей Вассиана и Ионы, состоявшееся при игумене Иакове, объясняет и цель создания агиографического памятника» [8, с. 37]. Особую редакцию А. Н. Симонов называет проложной и отмечает, что она входила в Соловецкий патерик, который состоял из житий и служб Соловецких подвижников, написанных в конце XVII в. Скорее всего, данная редакция была составлена в Соловецком монастыре для богослужебных целей в связи с канонизацией пертоминских святых в 1694 г. [8, с. 51–52].

А. Н. Симонов ввел в научный оборот еще один список Пространной редакции произведения – ГИКМЗ «Московский Кремль», № 225 (первая четверть XVIII в.) и отнес его к раннему варианту [8, с. 38, 41–43]. Кроме того, он высказал более детальные замечания о группировке отдельных списков внутри Пространной редакции, что позволило ему выделить пять вариантов данной переработки произведения.

Исследователь указал на то, что текст раннего варианта Пространной редакции был существенно расширен за счет использования риторических оборотов и новой фактической информации: было введено утверждение о том, что Вассиан и Иона были учениками митрополита Филиппа (Колычева); появилось пять новых чудес, доведенных до 1694 г., внесен ряд фактических дополнений в текст отдельных чудес и описание пребывания Петра I в Пертоминском монастыре.

Ко второму варианту Пространной редакции А. Н. Симонов отнес два соловецких списка: Солов-189/189 и Солов-182/182. В этом варианте после рассказа о чуде 1706 г. следуют еще два; в последнем из них фигурирует иеромонах Варсонофий Рубцовский, будущий строитель монастыря, который упоминается в монастырском архиве как строитель с конца 1711 – начала 1712 гг. На основе этих данных можно отнести, считает исследователь, составление первого и второго вариантов Пространной редакции к 1706–1712 гг. и атрибутировать соловецким книжникам, которые основывались на материалах Пертоминского монастыря; провести литературную обработку материала мог монах Варсонофий [8, с. 45–47]. При этом в качестве одного из источников автор, видимо, ориентировался на труд Афанасия, архиепископа Холмогорского о пребывании Петра I на Белом море, который использовался и при создании Соловецкого летописца. «Появление подобного агиографического памятника для Соловецкого монастыря, – отмечает А. Н. Симонов, – было актуально, так как Пертоминские святые входили в круг Соловецких святых» [8, с. 46].

К третьему варианту Пространной редакции Сказания он отнес список памятника БАН, Архангельское собр., № 596, находящийся в «Памятной

книге Пертоминского монастыря», составленной в 1822–1823 гг. строителем монастыря иеромонахом Логином в двух экземплярах. В данном списке нет вступления и нескольких чудес, а описание путешествия Петра I в Соловецкий монастырь заимствовано не из Сказания, а является компиляцией труда архиепископа Афанасия [8, с. 47–48].

К четвертому варианту Сказания относится список Муз-1510, в котором чудеса доведены только до 1694 г., а описание пребывания Петра I в монастыре и последующие чудеса отсутствуют. Возможно, отмечает А. Н. Симонов, в этом проявляется сознательное редактирование текста, так как список входит в состав старообрядческого житийного сборника, и упоминание о прославлении Вассиана и Ионы, которое состоялось по инициативе царя, для старообрядцев «было бы неуместно» [8, с. 49].

Последний, пятый вариант редакции представлен в публикации Сказания, которая была осуществлена для богослужебных целей в 1861 г. [8, с. 49].

Таким образом, среди текстов Пространной редакции Сказания с самого начала изучения произведения указывался список памятника Муз-1510 в «Поморском сборнике», принадлежавшем В. О. Ключевскому. Однако его источниковедческую и текстологическую характеристику, сделанную А. Н. Симоновым, вряд ли можно считать исчерпывающей. Осталось в стороне и рассмотрение художественных особенностей этого текста, хотя этот список, да и сборник в целом, заслуживают особого внимания, поскольку происходят из известного старообрядческого книгописного центра – Выговского общежительства.

Выговский сборник ГИМ, Музейское собр., № 1510 представляет собой «Поморский торжественник» и датируется 20–40-ми гг. XVIII в. Как и другие поморские торжественники, данный сборник отражает стремление выговцев создать, как отмечает Е. М. Юхименко, «чтение всенародное» [9, с. 139, примеч. 140]. Предваряет сборник Слово о российских чудотворцах Семена Денисова, затем в календарном порядке следуют памятники древнерусской агиографии, среди которых Сказание о Спасо-Каменном монастыре, «Сказание вкратце о премудром Киприане митрополите...»; жития Иоасафа Каменского, Никандра Псковского, Трифона Вятского, Антония Дымского, Кирилла Челмогорского, Ульянии Муромской, Исидора Юрьевского, Геннадия Костромского, Иринарха Ростовского, Даниила Донского, Нифонта Новгородского, Ферапонта Белозерского, Мартиниана Белозерского, Симона Юрьевецкого, Даниила Переяславского, Антония Вологодского, Трифона Печенгского, Диодора Юрьегорского, Галактиона Вологодского, Прокопия Вятского, Ефрема Перекомского, Иродиона Илозер-

ского; слова на память Иосифа Заоникиевского, новгородского архиепископа Моисея, на память перенесения мощей Зосимы и Савватия Соловецких; сказания о чудесах Сильвестра Обнорского, Евфимия Архангелогородского и др. В «Поморском торжественнике» Сказание о Вассиане и Ионе Пертоминских является его 22-й главой.

Обратимся к композиции Выговского списка Пространной редакции Сказания. Известно, что агиографический канон предписывает житийному памятнику наличие определенной композиционной структуры: введения, центральной части, заключения, а также описания посмертных чудес святых.

Введение в Сказании в списке Муз-1510, как и предписывает агиографический канон, носит отвлеченный риторический характер. Его основной темой является объяснение, почему Бог «предѣлы смерти быти устроить праведнымъ и грѣшнымъ» (Муз-1510, л. 254).

Центральная композиционная часть Сказания довольно краткая. Она включает повествование о смерти святых Вассиана и Ионы Пертоминских во время бури на Белом море, при этом автор называет их учениками игумена Соловецкого монастыря Филиппа («От нѣкихъ же древле слышаниемъ извѣствуется, яко, глаголють, ученицы бяху святителя Филиппа Московскаго, всея России чудотворца, бывша прежде игуменомъ в Соловецкомъ монастырѣ», Муз-1510, л. 255) и указывает дату их кончины – 1556 г. («Бысть в лѣто от создания мира семь тысящъ семьдесятъ четвертое в царство благочестиваго государя царя Иоанна Василиевича Московскаго и всеа России», Муз-1510, л. 254 об.).

Основное содержание текста Сказания составляют рассказы о 16-ти чудесах, связанных с обретением мощей Вассиана и Ионы Пертоминских, и описанием чудотворений от них, происходивших после погребения святых тел на месте будущего монастыря. Восемь чудес в данном списке основаны на тексте Краткой редакции: это обретение тел святых, сопровождаемое чудом; чудесное спасение заблудившейся в лесу женщины из Луды; чудо святых о запрете вырубать деревья на дрова вблизи захоронения нетленных тел святых; рассказ о наказании за нарушение данного запрета; чудесное исцеление Козьмы от болезни; чудо о монастырском старце Авраамии, дерзнувшем без благословения осматривать мощи святых; чудо об избавлении от «потопления» дьяка Иоанна Болотникова и об излечении его племянника от болезни; чудо о спасении от «потопления» Федора Хилкова.

В остальных чудесах раскрывается история монастырской жизни: в них повествуется о построении обители и возведении монастырских храмов (чудо «О создании церкви первыя Боголѣпнаго Преображения»), рас-

сказывается о спасении монастыря и монастырского имущества во время пожара на скотном дворе, об избавлении монастырской братии от голода; о спасении монастырской казны от «ночной татьбы».

Однако Сказание в данном списке, как, впрочем, и во всех других списках Пространной редакции произведения, в целом существенно отличается от традиционных житий. В нем отсутствуют такие традиционные для житийного памятника сюжетобразующие мотивы, как детство святых, выбор иноческого пути, пострижение, основание святыми монастыря, их подвижничество в монастыре и собственно описание монашеского подвига. По нашим наблюдениям, это произведение приближено к жанру сказаний и повестей о явлении мощей. Композиционно-структурные элементы сказаний о явлении мощей на материале житий праведников Русского Севера рассмотрены в нашей работе «Жития праведников в агиографической традиции Русского Севера» [6, с. 390–442]. Исследуя композиционные особенности житий праведников Русского Севера, мы отметили отсутствие в них таких важных для агиографического канона композиционных эпизодов, как биография святого и описание его пути к святости. В произведениях ничего не сообщается о мирском благочестии праведника, а состоят они в основном из описаний обретения и освидетельствования его нетленных мощей, рассказа о переносе мощей в подобающее место и описаний посмертных чудес. Нам удалось выявить ряд специфических мотивов, присущих данным текстам [6, с. 410]. Как выясняется, данные мотивы характерны и для рассматриваемого нам списка Сказания.

1. *Обстоятельства смерти праведников либо остаются неизвестными, либо не укладываются в рамки церковного канона.* Сказание о пертоминских угодниках относится к произведениям, в которых нарушаются канонические представления о благообразном успении подвижников: в нем сообщается о том, что Вассиан и Иона утонули во время шторма в Белом море («И от многаго волнения морскаго Божиим попусцием залияся лодия волнами. И тако скончашася преподобнии и с ними сущии», Муз-1510, л. 255).

Однако во введении к Сказанию Пространной редакции присутствует, тем не менее, объяснение почитания этих святых, скончавшихся неестественной смертью. В произведении звучит мысль о том, что все события в мире подчиняются предначертанию Бога, и смерть человека, как праведная, так и нечестивая, также совершается согласно Божественному промыслу. Не случайно поэтому в предисловии делается попытка объяснения неправомерной с точки зрения церковного канона смерти «от потопления» святых. В нем автор отмечает, что только Божий промысел указывает «пределы

смерти» праведным и грешным, поэтому нельзя усомниться в святости Вассиана и Ионы Пертоминских, даже если их смерть «злообразна»: «Благий Богъ и челоуѣколюбець непостижимыми и неизслѣдованными своими божественными судьбами многообразныя и недовѣдомыя челоуѣкомъ предѣлы смерти быти устрояетъ праведнымъ и грѣшнымъ: овогда убо праведнымъ наводитъ скончание честно и многославно, овогда же безславно и безобразно, или от челоуѣкъ злыхъ попускаетъ убиеннымъ быти, или от тягости воздушныя, и грома, и молнии, и огня, и воды, и мраза, или от звѣря пораженнымъ быти» (Муз-1510, л. 254). В качестве иллюстрации приводятся нравоучительные параллели об умерших неблагочестивой смертью, однако прославленных затем Богом: патериковый рассказ о нечестивой смерти праведника и праведной смерти богатого грешника (из Скитского патерика) и соответствующее место из Жития основателя монашества Афанасия Афонского с описанием внезапной смерти святого при строительстве храма в монастыре (во время ремонта его задавило кровлей). Следует отметить, что размышления автора о «злообразной» кончине благочестивых иноков Вассиана и Ионе Пертоминских созвучны средневековым представлениям о смерти и божественном провидении [7].

2. *Вода или земля «издаде» нетленные мощи праведника или их обнаруживают непогребенными, лежащими прямо на земле.* Согласно тексту «Сказания», тела утонувших Вассиана и Ионы «издаде» вода: тела Вассиана и Ионы Пертоминских были вынесены волнами на берег в Унской губе, при этом они оказались нетленными («По истоплении же благоволениемъ Божиимъ принесе мощи ихъ волнами морскими в Рога, нарицаемая Унская, и губы, идѣже и всѣмъ обуреваниемъ в мори пристанище благоутишное бываетъ во Унскихъ нарицаемыхъ Рогахъ. И тамо изнесе ихъ на сушу на мѣстѣ пустѣ к восточнѣй странѣ», Муз-1510, л. 255; «и се абие узрѣша тѣлеса преподобныхъ отецъ, воскрай воды, яко положенныхъ купно и ничимже врежденныхъ от чадоненавистныхъ и плотоядныхъ онѣхъ птищевъ, удивишеса в себѣ, таже яко видѣша преподобныхъ истлѣнию не подлежащихъ, якоже прочии челоуѣцы...», Муз-1510, л. 255 об.).

3. *Обретение мощей праведников сопровождается чудесными знаменьями и исцелениями местных жителей.* Обнаружение мощей святых Вассиана и Ионы Пертоминских сопровождалось чудом: окружающие видели, что вороны на трогают святые тела, а облетают их стороной, будто бы отгоняемые неведомой силой: «и внегода начаста приближатися к мѣсту оному, на немже тѣлеса преподобныхъ извержена лежаста, узрѣша множество врановъ, парящихъ по воздуху <...> И внегода приближшеса паче, узрѣвше чудеси достойное: враномъ окрестъ облетающимъ и воплемъ грающимъ, яко

отгонимымъ нѣкоею силою, и не касающимся отнюдь мощемъ преподобныхъ» (Муз-1510, л. 255 об.).

4. *Имя праведника и его биография неизвестны.* Долгое время имена святых Вассиана и Ионы оставались неизвестны.

5. *Имя и некоторые этапы биографии праведника могут проясняться во время его явлений местным жителям.* Кроме того, биографические сведения о святом сообщаются в житиях в форме преданий о нем, бытующих в устной традиции края. В Сказании имена святых и обстоятельства их гибели проясняются во время чудесного явления Вассиана и Ионы местной жительнице из Лудской веси и старцу Маманту: представ перед ними «во образѣ двоихъ инокъ благоговѣйныхъ», преподобные назвали свои имена и поведали об обстоятельствах смерти.

6. *Нетленные мощи праведника с почестями погребают, устанавливая над ними часовню или храм.* Мощи святых Вассиана и Ионы были торжественно захоронены под большой сосной («Абие же по явлению и заповѣданію ихъ изнесоша мощи ею на сушу, и сотворше гроб, вложиша в онь, и несшее, погребоша я со благоговѣніемъ на бору под великою сосною», Муз-1510, л. 256), затем на этом месте соорудили часовню, а впоследствии здесь возник Богоявленский монастырь.

7. *Праведник понуждает местных жителей к своему почитанию, являясь им в ночных видениях с просьбой перенести мощи на другое место, поставить над ними часовню.* В Сказании Вассиан и Иона Пертоминские несколько раз являются местным жителям с требованием погребсти их тела в указанном ими месте («Положите убо наю на пустомъ семь мѣстѣ на бору под великою сосною вышше противо тогоже мѣста, на немже первее обрѣтоствѣ насъ, и тамо погребите наю. В Лудскую же весь не возите: изъ воды убо взясте насъ, паки ли в воду хотите погребсти наю...», Муз-1510, л. 256).

8. *Сомневающиеся в святости праведника или не оказывающие должного почитания его мощам наказываются, однако прощаются после молитвенного обращения к ним.* В Сказании также есть рассказ о наказании старца Авраамия тяжелой болезнью за непочтительное отношение к мощам святых.

Выговский список Муз-1510 Пространной редакции Сказания и по количеству чудес, и по некоторым стилистическим особенностям отличается от других списков данной переработки.

Обращает на себя внимание тенденция к сокращению текста по сравнению с имеющимися списками третьего варианта Пространной редакции,

происходящими из библиотеки Соловецкого монастыря. В списке Муз-1510 нередко сокращаются риторические пассажи исходного текста, ср.:

Солов-182/182

И абие воста ему сопротивень вѣтръ, и понесе ихъ в море нуждею, меташе же волны в море, и не возмогаша удержатися, несомы быша вѣтромъ в морскую пучину три дня, бяху в велицѣй печали и отчаянии (л. 193).

Та же всѣдоша братия в карбасы со скоростию, паче же радующимся, доплывше до лодии и приставша к ей, приидоша на мѣсто оное. И Кандалажскаго монастыря старецъ в той же скорости без прошения ихъ рожь и лодию все предреченному старцу Герасиму з братиею отдаде имъ в монастырь, видя же ихъ скудость хлѣбную, яже от нихъ слыша повѣдаемую. Они же с поклонениемъ благодарisha старца за показанную милость, имъ данную, о хлѣбѣ и лодии, возвратишася во свою обитель с радостию великою. Хлѣба же того обрѣтеша в лодии сто и 20 мѣръ. И тѣмъ хлѣбомъ препиташася братия Пертоминскаго монастыря лѣто едино и пол. И тако молитвами преподобныхъ от глада избыша братия обители Пертоминския в скудное оно время (л. 193 об.–194).

Муз-1510

И Божию же силою напрасно дьхнувшу абие вѣтру имъ противну, и понесе ихъ нуждею в море (л. 257).

Та же всѣдоша братия в карбасы, приидоша на мѣсто и приставше к лодии. И Кандалажскаго монастыря старецъ рожь и лодию все предреченному старцу Герасиму з братиею отдаде в монастырь. Хлѣба же того обрѣтеша сто и двадцать мѣръ. И тѣмъ хлѣбомъ препитахуся братия лѣто едино и полъ. И тако молитвами преподобныхъ от глада избыша братия в скудное оно время (л. 263).

Кроме того, в названиях чудесивсамих рассказах чудесах последовательно убирается встречающееся в соловецких списках применительно к Вассиану и Ионе Пертоминским словосочетание «отцы наши». В данном списке нет заключительной части с описанием чудес от мощей Вассиана и Ионы в Пертоминской обители и похвалой им, которая читается в текстах третьего варианта Пространной редакции Солов-182/182 и Солов-189/189, отсутствуют фрагменты, в которых есть упоминания о событиях, происходящих в Пертоминской обители в настоящее время, например, «обитель боголѣпнаго Преображения Всемилостиваго Спаса устроися, яже видима есть и донинѣ всѣмъ людемъ, тамо приходяцими, благодатию Божиею, и в ней трудолюбивое пребывание имѣють иночествующыя, и постническое житие ко спасению» (Солов-182/182), и др.

Помимо этого, в старообрядческом списке оказались исключены десять чудес после рассказа о Василии, «хотящемъ татбу сотворити», которые читаются в других текстах третьего варианта Пространной редакции. В основном это чудеса, связанные с пребыванием Петра I на Севере, и в частности в Пертоминском монастыре: нет описания чудесного избавления Петра I от гибели на Белом море в 1694 г. во время плавания в Соловецкий монастырь; нет рассказа о посещении Петром I Пертоминской обители и о его денежном вкладе в монастырь в честь своего спасения; нет повествования о том, как Петр I своими руками вырезал деревянный крест в честь своего избавления от неминуемой смерти; нет рассказа о водружении сделанного царем креста в обители; нет описания освидетельствования мощей Вассиана и Ионы Пертоминских, произведенного во время пребывания Петра I в Пертоминском монастыре. Думается, это изъятие текста в списке Муз-1510 по сравнению с третьим вариантом Пространной редакции было сделано преднамеренно: как известно, старообрядцы весьма негативно относились к личности и деятельности Петра I.

Нам встретилось только одно добавление в тексте рассматриваемого списка. Это авторский комментарий, сопровождающий рассказ «о скудости, бывшей во обители». Его сюжет основан на бытовой ситуации: в монастыре не осталось хлебных припасов, поэтому братия хотела покинуть обитель. Явление святых старцу Дионисию с запретом покидать монастырь чудесным образом спасает иноков от голода: вскоре штормом приносит в Унскую губу лодку с рожью из Кандалакшского монастыря и иноки в честь своего спасения оставляют все в Пертоминском монастыре. Авторская отсылка к событиям Ветхого Завета с пророком Аввакумом и Даниилом (Даниил 14: 32–39) помещена в данном списке в скобки: «Иже Аввакума хлѣбы инѣмъ предуготовавшаго восхитивый, в ровѣ гладствующему представившаго. Чти о семь подробнѣ содѣянному, усумнѣтися кому, яко неправедну вещь быти, от ненужныхъ отъяти и неимущимъ отдати» (Муз-1510, л. 262 об.–263). Однако данное добавление вряд ли можно считать правкой автора поморского списка, поскольку оно встречается и в списке Сказания первого варианта Пространной редакции ГИКМЗ «Московский Кремль», № 225. Это расширение текста списка ГИКМЗ «Московский Кремль», № 225 отмечалось А. Н. Симоновым [8, с. 41]. Все это свидетельствует о том, что соотношение списков внутри Пространной редакции сложнее, чем предложенное А. Н. Симоновым. Рассматриваемый нами список Муз-1510, представляющий собой, по мнению исследователя, четвертый вариант Пространной редакции Сказания, опирается, тем не менее, не только на текст списков третьего варианта произведения, но и, как оказалось,

содержит особое чтение, присущее только одному списку первой редакции памятника – ГИКМЗ «Московский Кремль», № 225. Следовательно, можно говорить о том, что список Муз-1510 восходит к протографу, в котором был представлен текст Сказания третьей редакции, но имеющий дополнение о библейском пророке Аввакуме.

Таким образом, находит свое подтверждение предположение о том, что Поморский список Пространной редакции содержит особый вариант текста. Выговский список Пространной редакции, по нашим наблюдениям, является новой – старообрядческой и выговской – версией текста Пространной редакции. И это вполне закономерно, поскольку Выговская киновия воспринимала себя продолжателем традиций древлецерковного благочестия, заложенными Соловецкой обителью.

Текст Поморского варианта Пространной редакции Сказания о Вассиане и Ионе Пертоминских по рукописи ГИМ, Музейское собр., № 1510 публикуется по современным правилам издания памятников древнерусской письменности, принятым в научной серии «Труды Отдела древнерусской литературы» ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

1. Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882.

2. Белоброва О. А., Симонов А. Н. Сказание о явлении и о чудесах Вассиана и Ионы Пертоминских // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. С. 454–457.

3. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Типография Грачева и К°, 1871.

4. Никодим (Кононов), иеромонах. Верное и краткое исчисление, сколь можно было собрать, преподобных отец соловецких, в посте и добродетельных подвигах просиявших, которые известны по описаниям, и исторические сведения о церковном их почитании: Агиологические очерки. СПб.: Тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1900.

5. Романенко Е. В., Романова А. А. Вассиан и Иона Пертоминские // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. Т. 7. С. 263–265.

6. Рыжова Е. А. Жития праведников в агиографической традиции Русского Севера // ТОДРЛ. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2007. Т. 58. С. 390–442.

7. Рыжова Е. А. Модель смерти святого в агиографической традиции: завещания о «небрежении» к телу и мотив «тайные слуги Господа» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2019. Вып. 9. С. 81–96.

8. Симонов А. Н. История канонизации русских святых в конце XVII – первой четверти XVIII в.: дис.... к. и. н. СПб., 2011.

9. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1.

10. Яхонтов И. А. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник: составлено по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1881.

ТЕКСТ

Сказание о Вассиане и Ионе Пертоминских

ГИМ. Музейское собр., № 1510

**(Л. 254) Сказание о проявлении, и обрѣтении, и о чудесѣхъ
преподобныхъ отецъ нашихъ Васиана и Ионы,
иже на Примории Студенаго моря великаго окиана
в Затоцѣ во Унскихъ нарицаемыхъ рогахъ,
Пертоминскихъ чудотворцевъ. Глава 22.**

Благий Богъ и челоуѣколюбецъ непостижимыми и неизслѣдованными своими божественными судьбами многообразныя и недовѣдомыя челоуѣкомъ предѣлы смерти быти устраеетъ праведнымъ и грѣшнымъ: овогда убо праведнымъ наводитъ скончание честно и многославно, овогда же безславно и безобразно, или от челоуѣкъ злыхъ попускаетъ убиеннымъ быти, или от тягости воздушныя, и грома, и молнии, и огня, и воды, и мраза, или от звѣря пораженнымъ быти.

Такожде подобно и о грѣшныхъ судомъ праведнымъ устроить вѣсть Богъ, якоже повѣствуется о нѣкоемъ от святыхъ отецъ пустынножителей. Его же ученикъ вшедши во градъ, видѣвъ богата нѣкоего и грѣшна умерша и со славою мною ко гробу провождаема, возвратив же ся паки в пустыню, обрѣте святаго отца своего звѣремъ снѣдена, и много плакавшуся ему о смерти отца своего безчестнѣй, и размышляющу о честнѣй смерти богатаго, прииде ему гласъ от Бога, яко «богатый онъ всю жизнь свою изживъ во грѣсѣхъ, имяше же малое нѣкое добродѣлание, и за тое здѣ прият на земли воздаяние, онаможе до конца осужденъ имать быти. Отецъ же твой праведно жизнь свою изживъ на земли, имѣяше же, яко челоуѣкъ, малое нѣкое прегрѣшение, // (л. 254 об.) да того ради лютую здѣ приятъ смерть безчестную, да тамо до конца очищенъ явится».

Паки подобнѣ иныя образы злыя смерти наносятся¹ святымъ судьбами Божиими, якоже и о велицѣмъ преподобнѣмъ Афанасии Афонстѣмъ прочитаемъ в житии его. Ему же поверхъ зданія церковнаго на кончинѣ с нѣкоею братиею ходящу, абие просѣдеса внезапно зданіе и подави я к смерти. И тако скончася преподобный, егоже мы лѣтнюю память честнѣ почитаемъ.

¹ На левом поле Пролог июня 5.

Сего ради да никтоже слышавъ и видѣвъ, усумнится о семъ, яко злообразною смертию приключается праведно пожившимъ умерети, якоже и о сихъ преподобныхъ отцѣхъ нашихъ Васианѣ и Ионѣ, иже праведнымъ судьбами Божиими в мори скончавшися, послѣди же благодатию божественною от моря неистлѣнны честная тѣлеса ею на верхъ земли издашася и чудеса преславная содѣвающыя во славу Божию, о нихже здѣ и повѣсть сия предлежитъ, како скончашася и во явление приидоша, и како обрѣтошася честныя ихъ мощи по скончании.

Бысть в лѣто от создания мира семь тысящъ семьдесятъ четвертое [1566] в царство благочестиваго государя царя Иоанна Василиевича Московскаго и всеа России. Во едино от временъ настоящаго тогда лѣта божественными судьбами воста буря и вѣтръ силенъ от сѣвера на велицѣм мори-окианѣ, иже и Студеное нарицается. И бысть волнение велие в мори. От нужнаго дыхания вѣтреннаго и морю воскипѣвшу, и воспѣнившуся волнами, и приражающуся краемъ южныи земли, идѣже от востока протече устье великия рѣки Двины на западъ; разстояние до онаго мѣста моремъ, идѣже обрѣтошася мощи преподобныхъ сихъ отецъ, яко семьдесятъ // (л. 255) поприщъ.

И в тожде предъреченное время и обуревание морское приключися преподобнымъ симъ отцемъ Васиану и Ионѣ и с ними пяти человѣкомъ, бѣлцѣмъ сущымъ, шествовати в лодии из устья великия рѣки Двины по морю.

Здѣ же в повѣсти сего вчинити не обретохомъ, еже от коея страны бяху сии преподобнии и гдѣ бѣше жителство ихъ, и родъ, и отечество, точию имѣна ихъ увѣдохомъ от повѣстей, якоже сами о себѣ преподобнии во явленіяхъ извѣстиша.

От нѣкиихъ же древле слышаниемъ извѣствуется, яко, глаголютъ, ученицы бяху святителя Филиппа Московскаго, всеа России чудотворца, бывша прежде игуменомъ в Соловецкомъ монастырѣ, отнюду же посланнымъ имъ сущымъ от него ко граду потребныхъ ради. И тако шествующимъ имъ, якоже преди речеся, от града вспять изъ Двинскаго устья по морю, и абие на пути напрасно объять ихъ обуревание великое оное. И от многаго волнения морскаго Божиимъ поущениемъ заляся лодия волнами. И тако скончашася преподобнии и с ними сущии.

По истоплении же благоволениемъ Божиимъ принесе мощи ихъ волнами морскими в Рога, нарицаемыя Унския, и губы, идѣже и всѣмъ обуреваниемъ в мори пристанище благоутишное бываетъ во Унскихъ нарицаемыхъ Рогахъ. И тамо изнесе ихъ на сушу на мѣстѣ пустѣ к восточнѣй странѣ, даже большее и лучшее пристанище купно душамъ и тѣлесемъ будетъ вѣрнымъ, идѣже нынѣ молитвами ихъ, преподобныхъ отецъ нашихъ, обитель Боголѣпнаго Преображения // (л. 255 об.) Всемиловитаго Спаса устроися.

О обрѣтении мощей преподобныхъ отецъ Васиана и Ионы

По истоплении же и по скончании преподобныхъ отецъ Васиана и Ионы и по утишении морскаго волнения в тожде время изъ вѣси, нарицаемой Лудской, случися жителемъ тоя веси изыти на ловитву рыбъ. И пловущимъ имъ по предъреченной Унской губѣ, и в негда начаста приближатися к мѣсту оному, на

немже тѣлеса преподобныхъ извержена лежаста, узрѣша множество врановъ, парящихъ по воздуху, помышляху в себѣ тии нѣкоторому извержению от моря быти праведно. И внегда приближшеся паче, узрѣвше чудеси достойное: враномъ окрестъ облетающимъ и воплемъ грающимъ, яко отгонимымъ нѣкоею силою, и не касающимся отнюдь мощемъ преподобныхъ.

Приставше же ко берегу, и се абие узрѣша тѣлеса преподобныхъ отецъ, воскрай воды, яко положенныхъ купно и ничимже врежденныхъ от чадоненавистныхъ и плотоядныхъ онѣхъ птицевъ, удивишеся в себѣ, таже яко видѣша преподобныхъ истлѣнию не подлежащихъ, якоже прочии чловѣцы, проразумѣвше угодникомъ быти божественымъ симъ, совѣтъ же сотворше, рекоша в себѣ: «Не погребемъ я здѣ, в пустѣ мѣстѣ, повезшее в Лудскую весь, и тамо близъ церкви с подобающею честью и пѣниемъ надгробнымъ обычному погребению предадимъ я». И якоже рѣша в себѣ, и сотворивше тако. Вземше убо святыя мощи преподобныхъ, вложиша я в кораблець свой, и яшася пла// (л. 256) вания губою морскою паки восвоися.

О явлении преподобныхъ Васиана и Ионы на пути ловцемъ и о проявлении мѣста и о погребении ихъ

Внегда же предречении ловцы онии начаста шествовати с мощми преподобныхъ сих отецъ по губѣ морстѣй в Лудскую весь, абие же напрасно в пути объять ихъ мгла и мракъ, яко ни брега бѣ видѣти имъ мощно. Юдуже плыти имяху и не могуще к веси ни к мѣстомъ своимъ пути уллучити, облудивше бо ся и много плавающе, трудящеся. Паки присташа ко оному же мѣсту, идѣже обрѣтоша первѣе тѣлеса преподобныхъ, и недоумѣвахуся в себѣ о семъ.

В ношномъ же видѣнии явишася им преподобнии отцы Васианъ и Иона, глаголюще: «Положите убо наю на пустомъ семъ мѣстѣ на бору под великою сосною вышше противо тогоже мѣста, на немже первее обрѣтошъ насъ, и тамо погребите наю. В Лудскую же весь не возите: изъ воды убо взясте насъ, паки ли в воду хотите погребсти наю. Ибо, егда благоволилъ Богъ, неизреченною премудростию своею устроить и на семъ мѣстѣ пѣние и звонъ». Тогда рыбарие уразумѣвше, яко не благоволивше святии положитися в мирстѣй церкви в веси оной, за еже и мѣсто оно водено бѣ, якоже сами рекоша преподобнии в явлении истину.

Абие же по явлению и заповѣданію ихъ изнесоша мощи ею на сушу, и сотворше гроб, вложиша в оный, и несше, погребоша я со благоговѣниемъ на бору под великою сосною, и содѣлавше // (л. 256 об.) крестъ, поставиша во знамение над мощми ихъ, и поклонившеся, возвратишася восвоися, дивящеся и славяще Бога, прославляемаго во святыхъ своихъ. И оттолѣ начашася от преподобныхъ явления и чудеса бывати.

Чудо 1 преподобныхъ Васиана и Ионы о женѣ заблудившей, Лудския веси

По нѣкоемъ убо времени ис тояжде веси предреченныя Лудския веси случися жителемъ изыти на оно мѣсто. И преѣхавше по губѣ на страну ону, на нейже преподобнии положишася, поидоста купно собрания ради ягодищнаго,

на Простинский нарицаемый мохъ, за еже множайше в той странѣ обрѣтатися плоду яголичному.

Едина же от женъ нѣкая ходящи и собираючи плоды тыя по мѣсту оному, отлучися подалѣе от прочихъ и заблудися в пространствии лѣса мѣсть онѣхъ. И искаху жены тоя до триехъ дний, и не обрѣтоша. И плакахуся о ней вси домашнии и чада ея в дому, яко о погибшей. Жена же тая пребысть немало дний, заблуждаючи во странѣ оной, гладомъ истаявающи, плачущи купно и молящица Богу, в помощь призываючи и святыхъ угодниковъ его, во еже избавитися ей от заблуждения. И бысть, внегда заблуждаючи ей, прилучися во Унскомъ рогѣ рекомомъ исперва близъ моря, явишася преподобнии чудесно во образѣ двоихъ инокъ благоговѣйныхъ, повѣдающе и имена своя Васиана и Иону, и глаголюща ей: «О, жена! Что ходящи здѣ, плачешися? Чада убо твоя в дому твоёмъ плачють // (л. 257) о тебѣ. Иди убо нынѣ в домъ твой!». И показоваху ей путь к дому ея. Она же послѣдующи има даже и до мѣста оного, идѣже мощи ею лежаху. И егда приидоша преподобнии к мѣсту своему, и паки показаша ей путь восвоя, жена же уразумѣвши путь, возрадовавшися и благодарящи, поклонишася има. И тии невидими быша. И поиде путемъ своимъ.

И пришедши в Лудскую весь в домъ свой, радующися и славящи Бога, и явление, бывшее ей, и избавление от заблуждения преподобныхъ Васиана и Ионы чудотворцевъ всѣмъ быти ясно сказующи.

Чудо 2-е преподобныхъ отецъ Васиана и Ионы о жителехъ Лудскихъ, сѣкшихъ лѣсъ в мѣстѣ ихъ

Иногда убо жителіе веси тояжде предпомянутыя Лудскія пришедше на мѣсто оно в борѣ, идѣже мощи преподобныхъ сихъ отецъ положены под великою сосною, обрѣтахуся, и начаша сѣщи боровой лѣсъ окрестъ мѣста того безбоязненно. И насѣкше дровъ, елико восхотѣша, сотворше плѣницу и с тѣми дровами начаша плавание творити по губѣ морстѣй во свою весь. И Божию же силою напрасно дыхнувшу абие вѣтру имъ противну, и понесе ихъ нуждею в море.

Единому же от нихъ от многаго труда сномъ побѣждаему бывшу, и воздремавшуся в малѣ, узрѣ в видѣнии преподобныхъ отецъ Васиана и Иону, запрещающа има и глаголюща сицѣ: «Нынѣ убо отдано бысть вама, за еже в невѣдѣнии сѣкше лѣсъ, прочее же // (л. 257 об.) к тому на семь мѣстѣ дровъ не сѣцйте и инѣмъ заповѣдайте. Будеть убо на семь мѣстѣ, егда благоизволитъ Богъ, монастырь. И той лѣсъ на созидание монастырю угоденъ будетъ». И сия глаголющема преподобныма. Той же воздремавыйся, яко воспрянувъ от видѣния, и трепетень бывъ, исповѣда подругомъ своимъ, с нимъ сущимъ, и запрещение о лѣсу преподобныхъ. И абие в томъ часу вѣру премѣншуся, бысть тишина. Жителіе же тогда со онѣми дровами доплывше безбѣдно в Лудскую весь до мѣстѣ своихъ, радующеся и славяще Бога и преподобныхъ отецъ запрещение о лѣсѣ многимъ повѣдаша.

Чюдо 3-е

о непослушавшихъ запрещения преподобныхъ о лѣсѣ

Паки послѣжде того времени нѣцѣи от житель тояжде страны запрещению о лѣсѣ преподобныхъ отецъ Васиана и Ионы вѣры не емше. И нѣкогда убо двое поселянь Унския веси, иже в малѣ от Лудския веси реченныя отстоящи, преѣхавше по губѣ и пришедше на тоежде мѣсто, идѣже преподобнии сии положишася, начаша лѣсѣ сѣщи безбоязненно окрестъ мѣста того, якоже и прежнии. И насѣкоша дровь, елико мощи има бяше и елико восхотѣша. Та же счинивше дрова в пленицы, начаста плавание творити по губѣ морстѣй восвоя. И егда бывшимъ имъ на пути, и абие мщение Божие скоро постиже ихъ за преслушание преподобныхъ. Трудъ ихъ вотще бы// (л. 258) стъ без успѣха: воста бо напрасно буря велия на мори и онѣхъ поселянь и з дровами волнами морскими розбило, и дрова вси расточишася в мори и по брегомъ. Тако преподобнии не претерпѣша обиды от поселянь мѣста своего, на немже имѣяшеся, по проречению ихъ, исперва слава возсылатися Богу и обитание иночествующимъ во спасение.

И от тогда бысть страхъ на живущихъ во странѣ той.

О явлении преподобныхъ Васиана и Ионы старцу Маманту и о поставлении часовни

Лѣта же 7107 [1599]-го июня мѣсяца из преждереченныя веси Лудския прииде лодиею Сергиева монастыря старецъ, именем Мамантъ, с трудники во пристанище в вышепомянутую губу Унскую, и стояше дни четыре в мѣстѣ томъ, зане вѣтру дышушу имъ противну зѣло. И скорбяху о семъ. И во единъ убо от дний предпомянутому старцу Маманту спящу, явишася преподобнии в соннѣмъ видѣнии, емуже вопросившу ихъ: «Откуда есте, о братие, приидосте доздѣ, и како суть имена ваша?».

Преподобнии же повѣдаша ему – единъ наю нарицается Васианъ, другой же Иона: «Пловущимъ убо намъ из Двинскаго устия по морю и истопившимся. И се здѣ положены есмы христианы во Унскомъ рогу на Бору у великия сосны. И ты убо повели поставити над нами часовню и мощи наша накадити. Богъ же ти подасть способенъ вѣтръ к плаванію».

Старцу же возбнувшу // (л. 258 об.) от видѣния, и о мѣстѣ преподобныхъ со тщаниемъ увѣдѣвшу, повелѣ абие поставити часовню, и крестъ над мощми ихъ устроить, и фимиаомъ накадити июня мѣсяца во 12 день. И тогда по глаголу преподобныхъ подаде ему Богъ пособенъ вѣтръ к плаванію, и поиде в путь свой, радуяся и славя Бога.

О пришествии к преподобнымъ 1-го инока и о началѣ Пертоминския пустыни

Времени же немалу мимошедшу, внегда благоволиша преподобнии положитися во Унскомъ рогу на мѣстѣ предъявленномъ, в немже сами избраша святіи исперва, и обрѣтшимъ ихъ во явлении показаша и пророчески предвозвѣстиша о имущемъ быти населении, и пѣнии, и звоне церковнѣмъ на мѣстѣ ономъ. И повнегда начашася от преподобныхъ явления и чудеса бывати,

оттолѣ болма начать слава простиратися о нихъ в людехъ. Мимоходящии же вѣрнии людие и от морскаго обуревания пристающии, помощи ради и спасения своего полагаху в часовницѣ преподобнымъ сребреницы и свѣщи. Приемлющаго же не бѣ ту никогоже. Та же благоволениемъ Божиимъ и наставлениемъ преподобныхъ прииде первие нѣкий духовень старецъ в Лудскую весъ от российскихъ монастырей. Жителие же Лудстии повѣдаша ему о преподобныхъ сихъ отцѣхъ Васианѣ и Ионѣ и о мѣстѣ ихъ и совѣщаста ему пребывати тамо. Старцу же яко услышавшу о семъ, абие соблаговолившу тамо // (л. 259) жителствовати. И прииде на Унской рогъ на мѣсто оно, идѣже мощи преподобныхъ положени обрѣтахуся, и возлюбися ему ту, и моляся Богу, призывая в помощь и преподобныхъ. Возградя себѣ келийцу малу, и вселся, живяше о Бозѣ единѣ, безмолствуя. Мимоходящии же, паче же пристающии с моря во отишие людие к мѣсту тому молитвъ ради и помощи преподобныхъ, милостыню немалу подающе старцу оному. И бяше ему до избытка на потребу его, и оттолѣ начаша братия собиратися и жити на мѣстѣ том.

О приходѣ инока Саватиа и священноинкоа Ефрема и прочихъ братии и чудо 4-е о нѣкоемъ Козмѣ исцелѣвшемъ

По нѣколицѣмъ же времени прииде ко преждепомянутому старцу другой старецъ, именовъ Саватий, и посему инъ старецъ прииде к нимъ, именовъ Дионисий, понемже прииде другой Дионисий, та же прииде к симъ нѣкий священноинокъ, именовъ Ефремъ, да от мирскихъ людей двое – именовъ Козма с сыномъ своимъ. Той же Козма хождаше первее из нѣкоего от российскихъ монастырей собирати на строение монастырское. И прииде к морю во время оно на Унской рогъ к вышереченнымъ инокомъ в пустыню и разболѣся болѣзнию велию зѣло. И въ той болѣзни ему сущу, явишася преподобнии Васианѣ и Иона, глаголюще ему: «О человекъ! Еже еси собралъ в мирѣ на строения монастырская, и тое собранное все // (л. 259 об.) отдай в монастырѣ наю – и будеши здравъ!». И тогда боголюбивый той мужъ Козма по явлению и завѣщанию преподобныхъ обѣщася и с сыномъ своимъ пребывати в мѣстѣ ихъ, и все собранное на строение монастырское прежде в мирѣ отдаде со тщаниемъ преподобнымъ в Пертоминскую пустыню на строение церковное, зане не бяше еще тогда церкви в пустыни на собрание братиямъ к пѣнию божественныхъ службы и ко общению. И сего ради сотворися таковое чудо на недужномъ преподобными, даже пророчеству ихъ не солгати. Муж же той оттолѣ здравъ бысть весма молитвами преподобныхъ.

О создании церкве первыя Боголѣпнаго Преображения

И посемъ предпомянутый священноинокъ Ефремъ с братиею, со иноки и с трудники начаша совѣщати совѣтъ благъ, еже бы создати церковь на собрание к божественному славословию и молитвѣ, и начаша лѣсъ сѣщи окрестъ и на плечахъ своихъ носити на уготованное мѣсто к созданию божественныхъ церкве.

Божия же помощь поспѣшествова рабомъ своимъ ко благому дѣлу молитвами преподобныхъ отецъ нашихъ. В тоежде время принесе вѣтромъ с моря в пристанище двѣ лодии обѣтныхъ людей, идущихъ на моление в Соловецкий монастырь ко чудотворцемъ.

И изшедше на брѣгъ, узрѣша иноковъ и трудниковъ, на бору лѣсъ сѣкущихъ и носящихъ на плечахъ своихъ к созданию церкви. Приложишася и тии к труждающимся помощи ради // (л. 260) Божия и преподобныхъ, начаша купно лѣсъ носити с ними. Богъ же, видѣ вѣру ихъ и труды ради преподобныхъ своихъ, подаде имъ вскорѣ благополученъ путь к плаванію. И достигоша в Соловецкий монастырь со упованіемъ. Предпомянутый же священноинокъ Ефремъ с братіею и трудники, егда лѣсъ уготоваша на создание, абие со тщаніемъ наченше¹ с Божіею помощію и преподобныхъ чудотворцевъ церковь соиздати, над мощми ихъ, снемше часовницу. Та же по времени и совершиша ю изрядно. И вся, елика прилична бѣше, к церковному украшенію и освященію приуговаша. Священноинокъ же Ефремъ по совѣту братіи поиде к Вологдѣ ко архиепископу и моляше его на освященіе церкви датися антими́са, и книгъ, и прочихъ потребъ. Архиепископъ же вдаде ему вся, елика потребна бѣше, ко освященію и ко священнослуженію, и отпусти его. Емуже идущу с Вологды в пустыню.

Божіимъ же попущеніемъ грѣхъ ради на христіанскій родъ нашедшимъ тогда литовскимъ людемъ. И тому священноиноку Ефрему от литовскихъ людей убиену бывшу на пути и всему потребному с нимъ разграблену бывшу. И не дошедшу в пустыню. В тоежде время и преждепомянутому мужу Козмѣ с сыномъ своимъ ходящу по Онегѣ, собирающу на строение монастырское и в Каргополскомъ уѣздѣ, от литовскихъ же людей и с сыномъ убиену бывшу. Инокомъ же из пустыни скудости ради, паче же и страха ради литовскихъ людей разшедшимся, точію единому иноку оста// (л. 260 об.) вшуся, именовъ Саватию, и церкви стоящи не освященной пять лѣтъ.

Та же Божіимъ благоволеніемъ и наставленіемъ преподобныхъ прииде нѣкто священноинокъ ис Паноя, именовъ Иаковъ, той потщася паки о освященіи церкви, и по благословенію архиепископа освящена бѣсть церковь во имя Спаса Боголѣпнаго Преображенія над мощми преподобныхъ чудотворцевъ Васиана и Ионы, и раку в церкви устроиша поверхъ земли над гробомъ ихъ. Братіи же паки собравшейся в пустыню и славяху Бога въ церкви новоосвященнѣй, радующеся и преподобныхъ величающе присно.

**Чудо 4-е преподобныхъ отецъ Васиана и Ионы о старце Авраамии,
како дерзновенно коснуся мощемъ ихъ, и в разслабленіи бѣсть,
и паки исцѣлѣ**

Во единъ убо от дней преждепомянутой священноинокъ Иаковъ с нѣкимъ старцемъ, Аврааміемъ зовомымъ, дерзнувше о себѣ мощей преподобныхъ чудотворцевъ Васиана и Ионы смотрити, и раскопавше персть, открыша гробъ ихъ. Старцу же Авраамію от невѣжества и простоты своя нѣкако приступившу дерзостно, коснуся рукою своею осязати за нозѣ от преподобныхъ единаго. И

¹ *Написано над строкой.*

абие, яко нѣкая сила Божия, внезапно отрину его от гробницу и от мошей, и язвою разслабления наказанъ бысть лютѣ. И лежашу тому Аврамию два дни в разслаблении горцѣ, // (л. 261) без языка и без гласа, не могий ни же устнама своима двигнути.

И тако страждущу ему в разслаблении, явишася преподобнии чудотворцы, поношающе ему о дерзновении его и заповѣдающе, еже молити Всемиловитаго Спаса и у преподобныхъ отецъ Васиана и Ионы прощения просити. К сим же заповѣдъ даша ему из своей пустыни вонъ не исходити. Старцу же Аврамию раскаявающуся много о дерзновении своемъ и молящуся Богу. Принесенъ бысть братиею ко гробнице, идѣже лежаху мощи преподобныхъ, и помолившуся ему усердно, прощения просящу о грѣсѣ своемъ, и воста абие здоровъ в той часъ, и отъиде в кѣлию свою, славя Бога и преподобныхъ отецъ. И оттолѣ сотворше покровъ братия, покрывша раку ихъ и начаша славити Бога и чудеса преподобныхъ чудотворцевъ проповѣдати всѣмъ приходящимъ с¹ вѣрою.

**Чудо 5-е преподобныхъ Васиана и Ионы
о Иоаннѣ Болотниковѣ, диаку московскомъ,
и о исцѣлѣвшемъ сродницѣ его**

Во время нѣкое иногда шествующу московскому диаку Иоанну Ивановичю Болотникову, да с нимъ четверемъ человѣкомъ от боярска чина моления ради к Соловецкимъ чудотворцемъ, от онуду же паки въспять возвращающимся имъ. Случися предреченному диаку Иоанну быти во Унской губѣ, и посла от себе // (л. 261 об.) нѣколико сребреницъ на молебное пѣние, самому же не благоволившу приити в монастырь путнаго ради шествия. И пошедшимъ имъ из губы, наидоша напрасно лодиею на камень, и лодии воды наливашейся, и самѣмъ едва на брегъ улучившимъ и истопления избывшимъ. И раскаявающуся Иоанну, яко не пришедшу поклонитися преподобнымъ. И сего ради случися таковая пострадати ему.

Сроднику же его нѣкоему, с нимъ существу, болѣзнию великою одержиму бывшу зѣло. Поемше же его с нимъ бывший от воинска чина, привезше во обитель к преподобнымъ. Иоанну же и бояромъ, с нимъ сущимъ, пришедшимъ и Всемиловитому Спасу моление сотворшимъ, у преподобныхъ чудотворцевъ Васиана и Ионы прощения просящимъ. Тогда и сроднику Иоаннову здравие получившу за молитвами преподобныхъ и возблагодарение тогда даровавшу диаку Иоанну во обитель преподобныхъ на строение церковное сребра двадесять гривень знаменнаго, да братии на пищу 20 же гривень, да книгу, глаголемую Триодъ. Богъ же молитвами преподобныхъ дарова имъ пособень вѣтръ к плаванию. И поидоста паки в путь свой, веселящеся.

**Чудо 6-е преподобныхъ Васиана и Ионы
о избавлении от потопления на мори князя Феодора Хилкова // (л. 262)**

Во время паки подобно шествующу иногда князю Феодору Андреевичю Хилкову из Соловецкаго монастыря, и проиде мимо Унския рога, яко 20 поприщъ. И абие воста ему сопротивень вѣтръ, и понесе ихъ в море, и не

¹ В ркп. нет.

возмогаша удержатися, несоми быша вѣтромъ в морскую пучину три дни, и бяху вси в величѣй печали и отчаянии. В ноцном же видѣнии явишася преподобнии князю Феодору во образѣ двухъ иноковъ благоговѣйныхъ, глаголюще ему: «Объщайся убо быти во обители Пертоминской, и добро ти будетъ». И тогда князю Феодору воспрянувшу от видѣния и повѣдавшу прочимъ с нимъ. И вси слышаще, от пѣчали на радость преложишася, и общание давшу князю со всѣми, еже быти в Пертоминской пустыни. И абие бысть тишина и благополученъ вѣтръ. И прииде спасенъ во Унскую губу во обитель преподобныхъ отецъ Васиана и Ионы Пертоминскую, и сотворше ему молебное пѣние ко Спасу и преподобнымъ благодарение воздавшу. Даровася ему благополученъ путь к плаваню, и доиде восвоя, радуясь. И повѣда спасение от погибели своей преподобными отцу своему князю Андрею. Князь же Андрей присла во обитель Спаса покровъ на гробницу чудотворцевъ да Евангелие напрестолное со евангелисты, к сим же и сребра довольно подаде // (л. 262 об.) в монастырь Пертоминский.

Чудо 7-е преподобныхъ Васиана и Ионы и явление о скудости, бывшей во обители ихъ

Бысть убо иногда оскудение великое хлѣбное братии в монастырѣ преподобныхъ отецъ Васиана и Ионы. И начаша братия зѣло скорбѣти и хотяху разытиса разнo. И явишася преподобнии чудотворцы во снѣ старцу Дионисию, глаголюще: «Не скорбите, братие, о семь, за еже скудость хлѣбная васъ постиже, и не разходитесь убо». И посемъ малу времени минувшу, приидоша с Пертоминскаго рогу наричаемаго служебники Кандаджскаго монастыря и глаголаху старцемъ Пертоминскаго монастыря сице: «Шедшимъ убо намъ по морю в лодии с хлѣбомъ, и Божиимъ изволениемъ объять насъ на пути мракъ, и нанесе лодию на камень, и проломися лодия. Сами же спасохомся. Идите убо вы нынѣ и возьмите себѣ рожъ и лодию в монастырь. И старецъ убо вамъ отдасть». Слышавъ же сие во обители преподобныхъ старецъ Герасимъ от нихъ глаголемая зѣ братиею, почюдишася промыслу Божию и святыхъ его. (Иже Аввакума хлѣбы инѣмъ предуготовавшаго восхитивый, в ровѣ гладствующему представившаго. Чти о семь подробнѣ содѣянному, усумнѣтиса кому, яко неправедну вещь быти, от ненужныхъ отъяти // (л. 263) и неимущимъ отдати).¹

Та же всѣдоша братия в карбасы, приидоша на мѣсто и приставше к лодии. И Кандаджскаго монастыря старецъ рожъ и лодию все предреченному старцу Герасиму з братиею отдаде в монастырь. Хлѣба же того обрѣтесе сто и двадесять мѣръ. И тѣмъ хлѣбомъ препитахуся братия лѣто едино и поль. И тако молитвами преподобныхъ от глада избыша братия в скудное оно время.

Чудо 8-е и явление преподобныхъ Васиана и Ионы о пожарѣ, приключившемся в мѣстѣ ихъ

В нѣкое убо время во обители преподобныхъ приключиса огненному запалению быти.

¹ В ркп. поставлены квадратные скобки.

В Великий мясопустъ возгорѣся беззловесныхъ ограда и покоища, в немже и от животныхъ погипе два и от пищи беззловесныхъ мало изгорѣ огнемъ. Стояше же убо тое скотское покоище близъ монастыря и церквей, и наченше братия скорбѣти о семь, яко скудость настояше велия.

И послѣди пожару онаго явишася преподобнии Васианъ и Иона старцу Аврамию обители своя и рекоша ему: «Не скорбите, братие, о приключившемся вамъ пожарѣ – сие бо сожженное исполнить вамъ Богъ. // (л. 263 об.) Дворъ же той стоялъ бяше негодно близъ монастыря, нынѣ же на паки устройте той дворъ близъ езера».

И по явлении преподобныхъ в третий день прииде на манастырь звѣрь, нарицаемый разсомаха, и того звѣря помощью преподобныхъ поимаше и взяша за нь цѣну двадесять гривень сребра. И тако по глаголу преподобныхъ сожженное исполни Богъ. Дворъ же той по завѣщанию преподобныхъ паки устроися оттолѣ близъ езера, идѣже и доднесь обрѣтается.

Чудо 9-е преподобныхъ Васиана и Ионы о ослѣпшемъ человѣцѣ, Андреи именемъ

Нѣкий человѣкъ, Андрей имѣемъ, прозваниемъ Опаринъ, Унския веси житель, труждашеся во обители преподобныхъ Васиана и Ионы, варяше соль в варницѣ. И во един убо от дней ослѣпе очима своима и не видяше свѣту недели три.

Моляше же ся Всемиловитому Спасу и к чудотворцемъ Васиану и Ионѣ, на кийждо день приходаше к рацѣ мощей ихъ, припадая и моляся, во еже паки дароватися ему очесемъ зрѣние, еже получити вскорѣ просимое: прозрѣ бо прося у чудотворцевъ, якоже бяше и прежде ясно, и славяще Бога и преподобнымъ // (л. 264) отцемъ благодарение воздая, отъиде в дом свой.

Чудо 10-е преподобныхъ Васиана и Ионы о Василии нѣкоемъ, хотящемъ татбу сотворити

Человекъ нѣкий, Василий именемъ, заонѣжанинъ родомъ, прииде в монастырь сихъ преподобныхъ отецъ Васиана и Ионы, и бысть в наемникахъ время нѣкое, и сему вложи диаволь в сердце помыслъ неприязненъ, еже бы монастырская сокровища покрасти и бѣжати. И сие ему помышляющу и ищущу подобна времени, когда злое свое намѣрение исполнити. Внезапу пораженъ бысть язвою лютою, нарицаемою волосатецъ, в ногу, и страждаше зѣло. Познавъ же свое согрѣшение, начать каятися Богу и преподобнымъ чудотворцемъ молитися, еже бы прощение дати ему в согрѣшении и исцѣление от язвы. И обѣщася преподобнымъ труждатися лѣто едино безнаемно во обители ихъ. И от тогда приять облегчение от язвы и помалѣ исцѣлѣ, благодаряще Бога и угодниковъ его преподобныхъ отецъ Васиана и Ионы чудотворцевъ быти исповѣдая.

Сие же той Василий самъ о себѣ отходя от монастыря повѣдаше, и тако сохранениемъ преподобныхъ сокровища церковная соблюдошася некрадомы.

Информация об авторах

Бергман Эмилия Александровна, заведующий Научной библиотекой Коми Научного Центра УрО РАН, г. Сыктывкар.

Email: bergman@frc.komisc.ru

Бровкина Татьяна Владимировна, заведующий отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», аспирант кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

E-mail: tatjana-brovkina@ Rambler.ru

Бруцкая Людмила Андреевна, кандидат исторических наук, доцент, научный консультант Верхнегородского детского центра народных ремёсел.

E-mail: l.bruckaya@gmail.com

Власов Андрей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий Отдела фольклора ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), г. Санкт-Петербург.

Канева Татьяна Степановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

Кожуховская Наталия Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии, ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

Мелихов Михаил Васильевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

E-mail melikhovm@mail.ru

Павлов Андрей Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

E-mail aapavlov@ Rambler.ru

Рыжова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

Email: ryzhovaelena2015@yandex.ru

Тубылевич Руслана Евгеньевна, аспирант кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина». Документовед НИЛ «Филологические исследования духовной культуры Севера», ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

Email: tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

Шишкина Лидия Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург.

E-mail lidia_shishkina@mail.ru